Фиона Мозли

Элкеп



Роман

Элмет
Фиона Мозли

Аннотация
Фиона Мозли. Элмет
I
  Глава первая
  Глава вторая
II
  Глава третья
  Глава четвертая
  Глава пятая
  Глава шестая
  Глава седьмая
III
  Глава восьмая
  Глава девятая
  Глава десятая
  Глава одиннадцатая
  Глава двенадцатая
  Глава тринадцатая
  Глава четырнадцатая
IV
  Глава пятнадцатая
  Глава шестнадцатая

Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
V
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
VI
Благодарности

Аннотация

Впервые на русском — дебютный роман молодой англичанки Фионы Мозли, вошедший в шорт-лист Букеровской премии 2017 года. Критики не скупились на похвалы: «ошеломительный дебют… доподлинное чудо…» (Evening Standard), «искусно выстроенная современная притча, выдающееся достижение» (Times Literary Supplement). Газета Guardian охарактеризовала этот роман как «сельский нуар, пропитанный мифами и легендами заповедного Йоркшира», а Sunday Times — как «приключения Гензеля и Гретель в мире „Крестного отца“».

Итак, добро пожаловать в Элмет — так называлось королевство древних бриттов, располагавшееся на территории современного Йоркшира. Там в сельской глуши, в своими руками построенном доме поселяется необычное семейство — брат с сестрой и их двухметровый отец, зарабатывающий на жизнь подпольными кулачными боями и желающий оградить детей от жестокости современной цивилизации. Но семейная

идиллия недолговечна, и в центре нового конфликта оказываются дети, особенно старшая забияка Кэти, гораздо больше похожая на отца, чем мечтательный младший Дэниел…

Фиона Мозли
Элмет

Fiona Mozley
ELMET

Copyright © 2017 by Fiona Mozley
All rights reserved

Originally published in Great Britain in 2017 by JM Originals, an imprint of John Murray (Publishers), a Hachette UK Company.

The author asserts the moral right to be identified as the author of this work.



Серия «Большой роман»

© В. Н. Дорогокупля, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается Меган

Элмет был последним независимым королевством кельтов на территории Англии, изначально занимая большую часть Йоркской долины… Еще в семнадцатом веке эта отрожистая гряда невысоких, сглаженных древними ледниками холмов с вересковыми пустошами на гребнях считалась «бесплодной землей» и служила пристанищем для людей вне закона.

***Тед Хьюз. Остатки Элмета*[1]**

[1] Примечания: 1

«Остатки Элмета» — книга стихов британского поэта-лауреата Теда Хьюза (1930–1998), опубликованная в 1979 г. и посвященная описанию его родных мест в западном Йоркшире. — *Здесь и далее примеч. перев.*

I

Я не отбрасываю тени. Облако дыма висит позади, приглушая солнечный свет. Я считаю шпалы и сбиваюсь со счета. Начинаю считать рельсовые стыки. Я иду на север. Два моих первых шага были медленными и неуверенными. Я сомневался, выбирая направление, но сейчас, когда выбор сделан, остается только идти вперед. Это чем-то сродни турникету с односторонним проходом.

Я все еще чувствую запах гари. Вижу обугленный остов дома. Вновь слышу эти голоса: несколько мужских и один женский. Ярость. Страх. Решимость. Затем гибельная дрожь деревянных перекрытий. И языки пламени. Порыв жаркого, сухого воздуха. Моя сестра с кровавыми потеками на коже, а потом всему этому конец.

Продолжаю идти вдоль путей. Заслышав отдаленный шум поезда, ныряю за куст боярышника. На сей раз это не пассажирский, а товарняк. Глухие стальные вагоны украшены аляповатыми эмблемами: геральдика их юности, оставшейся в давнем прошлом. А поверх этого — ржавчина, грязь и многолетние наслоения смога.

Накрапывает дождь, потом он прекращается. Ветви кустов отяжелели от влаги. Сырая трава поскрипывает под ботинками. Мышцы начинают болеть, но я не обращаю внимания. Я бегу. Я иду. Снова бегу. Еле волочу ноги. Делаю передышки. Пью дождевую воду из углублений в бетоне. Поднимаюсь. Иду дальше.

Меня терзают сомнения. Если она, дойдя до железной дороги, свернула на юг, то шансов у меня нет. Тогда ее уже не найти. Тогда я могу сколько угодно шагать, бежать трусцой или нестись во всю прыть, а могу и остановиться, лечь поперек пути и ждать, когда меня разрежут колеса очередного поезда: разницы никакой. Если она свернула на юг, она для меня потеряна.

Но я выбрал север и следую в этом направлении.

Я не признаю ограничений и запретов. Я нарушаю границы частных владений. Я преодолеваю заборы из колючей проволоки и запертые ворота. Я прохожу через промышленные зоны и через садовые участки. Для меня не существуют пределы графств, городов и сельских приходов. Я иду напрямик через пашню, пастбища или парки.

Рельсы ведут меня между холмами. Поезда катят вдоль склонов, ниже вершин, но и не по

самому дну расселин. Я устраиваюсь ночевать на краю мохового болота, наблюдаю за ветром, за воронами, за далекими автомобилями на шоссе; вспоминаю эти же края, только южнее, только раньше, в другое время; затем наплывают воспоминания о доме, о семье, о прихотях судьбы, о началах и концах, о причинах и следствиях.

Поутру я продолжаю свой путь. Под моими ногами — остатки Элмета.

Глава первая

Мы приехали сюда в начале лета, когда вся округа пышно зеленела, дни были длинными и жаркими, а солнечный свет зачастую смягчался облачной пеленой. Я разгуливал без рубашки (к чему пропитывать ее потом?) и нежился в объятиях густого воздуха. В те месяцы мои костлявые плечи покрылись россыпью веснушек. Солнце садилось медленно; по вечерам небо приобретало оловянный оттенок, а после недолгой ночной тьмы уже вновь пробивался рассвет. Кролики вовсю резвились в полях, а при некотором везении, в безветренный день с легкой дымкой на склонах холмов, нам случалось увидеть и зайца.

Фермеры отстреливали хищников и вредителей, а мы ловили силками кроликов для рагу. Но только не зайца. Моего зайца. Точнее говоря, зайчиху, которая обитала со своим выводком в гнезде где-то под железнодорожной насыпью, давно притерпевшись к периодическому грохоту составов. Я никогда не видел ее вместе с зайчатами; всякий раз она тихо и незаметно покидала гнездо в одиночку. Такое поведение — надолго оставлять потомство и носиться туда-сюда по

полям — было нехарактерно для ее сородичей в этот период лета. Она все время что-то искала: еду или, может, самца. Причем стиль этого поиска больше напоминал охоту, как будто зайчиха однажды по здравом размышлении отказалась от привычной роли жертвы и решила перейти в разряд преследователей. Для наглядности вообразите гонимого лисой зайца, который вдруг, резко остановившись, разворачивается, и далее погоня идет уже в обратном порядке.

Как бы то ни было, эта зайчиха отличалась от всех прочих. Когда она пускалась во всю прыть, я с трудом улавливал ее взглядом, а когда замирала на месте, то в эти мгновения она была самым неподвижным объектом из всех на многие-многие мили вокруг. Неподвижнее дубов и сосен. Неподвижнее скал и столбов. Неподвижнее рельсов и шпал. Казалось, она вдруг завладевала окружающей местностью и пришпиливала ее собою прямо в центре, так что даже самые спокойные, самые статичные объекты непостижимым образом начинали вращаться вокруг нее, затягиваемые, как водоворотом, ее громадным круглым янтарным глазом.

Если зайчиха казалась целиком сотканной из мифов, то таковой была и земля под ее нога-

ми. Все это графство, ныне реденько утыканное рощами, некогда считалось дремучим лесным краем; и по сей день в ветреную погоду еще можно почувствовать призрачное присутствие той реликтовой чащи. Почва жила бесчисленными историями, что расцветали, чахли и перегнивали, чтобы затем вновь пустить корни, пробиться через подлесок и сделаться частью нашей жизни. Предания о следящих за путниками «зеленых человечках» с листвяным лицом и кривыми сучковатыми ногами. Сиплый лай вошедших в раж гончих, в последнем рывке настигающих добычу. Робин Гуд и его шайка отморозков с их лихими пересвистами, борцовскими состязаниями и буйными попойками — вольные как птицы, чьи перья они носили на своих шляпах. В старину лес широкой полосой тянулся с севера на юг. Здесь водились кабаны, медведи и волки. Лани, косули, олени. Мили грибницы под землей. Подснежники, колокольчики, примулы. Но вековые деревья уже давно уступили место пашням, лугам, зданиям, шоссейным и железным дорогам, так что от прежнего леса лишь местами сохранились рощи вроде нашей.

Папа, Кэти и я обитали в доме, сооруженном Папой из материалов, какие удалось раздобыть

поблизости. Он выбрал для жилища эту ясеневую рощу из-за ее местоположения: через два поля от железнодорожной магистрали, идущей вдоль восточного побережья, — достаточно далеко, чтобы оставаться незамеченными, но и достаточно близко, чтобы слышать и различать поезда. А слышали мы их часто: звонкий гул пассажирских экспрессов и одышливое пыхтение товарняков, скрывавших свои грузы за стенками размалеванных стальных вагонов. У них были четкие расписания и интервалы, и наш дом, как дерево годовыми кольцами, обрастал их регулярной циркуляцией и перезвоном колес, подобным «музыке ветра». Длинные, цвета индиго «Аделанте» и «Пендолино»[2], что курсировали между Лондоном и Эдинбургом. Поезда покороче и постарше, со ржавчиной на дребезжащих пантографах. Почтенные ветераны, похожие на старых ломовых лошадей, плетущихся в свой последний путь на живодерню; они были слишком медлительны для новых путей и проскальзывали колесами по горячекатаной стали, как скользит дряхлый старик на заледенелой луже.

---

[2] Примечания: 2

«Аделанте» и *«Пендолино»* — марки скоростных пассажирских поездов, используемых в Великобритании; при этом «Аделанте» являются дизель-поездами, а «Пендолино» — электропоездами.

В первый же день нашего пребывания на этом холме сюда подкатил грузовик с отставным солдафоном за рулем. Кузов и прицеп грузовика были наполнены битым камнем с какой-то заброшенной строительной площадки. Солдафон предоставил Папе выполнять большую часть работы по разгрузке, а сам пристроился на свежесрубленном бревне и одну за другой курил самокрутки, которые делала для него Кэти из собственных запасов табака и бумаги. Он внимательно следил за тем, как она сворачивает очередную сигарету и проводит кончиком языка по клеящему краю бумаги. Он задерживал взгляд на ее правом бедре, где был пристроен кисет, и несколько раз брал его под предлогом чтения надписей, наклоняясь вперед и как бы невзначай задевая ее руку. А когда Кэти делала самокрутки для себя, он спешил поднести огоньку и обижался, как маленький, всякий раз, когда она вместо этого прикуривала от своей зажигалки. При этом он явно не замечал насупленного, сердитого выражения ее лица. Он был не из тех, кто может, взглянув на лицо человека, сразу понять, что к чему. И уж точно не из тех, кто способен угадывать мысли по глазам и движениям губ. Да ему, небось, даже в голову не приходило, что

за милым личиком могут скрываться отнюдь не такие же милые мысли.

Этот вояка полдня трепался об армии, о своих бравых похождениях в Ираке и Боснии, о парнишках моего возраста со вспоротыми животами, кишками наружу и посиневшими лицами, каковых он якобы навидался в тех краях. Он как будто слегка темнел изнутри, когда рассказывал эти истории. Папа весь день занимался домом, а вечером мужчины спустились к подножию холма, чтобы распить на двоих пластиковую бутыль сидра, привезенную солдафоном. Папа там надолго не задержался. Он вообще не особо тяготел к выпивке и веселым компаниям, вполне довольствуясь обществом моей сестры и меня.

По возвращении Папа сказал, что у них с воякой вышла размолвка. Кончилось тем, что Папа подрихтовал ему физию левым хуком, при этом слегка раскровянив себе большой палец сбоку от костяшки.

Я спросил, из-за чего случилась их ссора.

— Из-за того, что он был поганцем, Дэниел, — пояснил Папа. — Просто он был поганцем.

И мы с Кэти признали это веским основанием.

С виду наш дом не особо отличался от большинства летних дач или скромных коттеджей на

окраинах заштатных городков, где коротают свой век старики и всякая беднота. Папа не был архитектором, но его навыков и умений хватило на то, чтобы следовать эскизному проекту, который он походя умыкнул из какой-то муниципальной конторы.

В то же время дом этот был куда прочнее большинства своих собратьев, поскольку при его возведении использовались более качественные кирпичи, цемент, камни и бревна. Я не сомневался, что он сможет простоять в целости и сохранности на десятки сезонов дольше, чем хибары, понастроенные вдоль трасс перед въездом в город. Да и смотрелся он не в пример симпатичнее. Зеленый мох и лесной плющ наперегонки карабкались по его стенам, дабы он как можно скорее вновь слился с окружающим ландшафтом. Каждый раз при смене времен года дом казался все более старым по сравнению с его действительным возрастом, а чем старше он выглядел, тем крепче была наша вера в его надежность и долговечность — как оно и положено всем настоящим домам и всем людям, называющим эти дома родными.

Как только внешние стены достигли проектной высоты, я приступил к разбивке цветника.

Воспользовался траншеей, которую Папа выкопал под фундамент, а после его закладки так и не удосужился засыпать оставшийся проем. Я этот проем расширил и натаскал туда компоста, а также свежего навоза из конюшен в восьми милях от нас, где маленькие девочки в желто-коричневых бриджах и блескучих сапожках катались на пони в манеже с заливным освещением. Я посадил фиалки, нарциссы и розы самых разных цветов, а также черенки какого-то вьющегося растения с белыми цветками, которое обнаружил на одной старой каменной изгороди. Время года было неподходящим для посадки, но некоторые семена все же проросли, а на следующий год молодых побегов стало больше. Терпеливое ожидание — вот из чего составляется воистину родной дом. Ты постепенно делаешь его своим, обживаешь, приспосабливаешь его и себя к сменяющимся сезонам, к проходящим месяцам и годам.

Мы прибыли сюда перед моим четырнадцатым днем рождения, а Кэти чуть ранее стукнуло пятнадцать. Лето только начиналось, и у Папы было довольно времени для строительства. Он собирался полностью управиться задолго до наступления зимы, и уже к середине сентября в доме были созданы мало-мальские условия

для проживания. А до того мы ночевали в двух списанных армейских фургонах, которые Папа приобрел у одного барыги в Донкастере и перегнал сюда окольными проселочными дорогами. Мы протянули между ними несколько стальных тросов, а поверх настелили брезент, надежно его закрепив, и в результате получили укрытие от дождя. Папа спал в одном фургоне, мы с Кэти в другом, а под брезентовым навесом расположились видавшие виды садовые стулья из пластика, к которым через некоторое время добавился продавленный синий диван. Мы использовали этот пятачок в качестве гостиной. Посуду мы держали на перевернутых старых ящиках, повыше от земли, и на такие же ящики удобно клали ноги теплыми летними вечерами, когда не было других занятий, кроме как сидеть вразвалочку, болтать о том о сем и распевать песни.

В хорошую погоду мы оставались снаружи до утра. Настраивали радио в обоих фургонах на одну волну, и под это «лесное стерео» мы с Кэти танцевали на травяной танцплощадке, не беспокоясь насчет громкости музыки, которая все равно не могла потревожить соседей за отсутствием таковых в пределах слышимости. Иногда мы сидели и пели, не включая радио. Несколько

лет назад Папа купил мне деревянную блок-флейту, а Кэти — скрипку. Мы брали бесплатные уроки, когда еще ходили в школу. Виртуозами мы, ясное дело, не стали, но дуэтом звучали неплохо — во многом благодаря самим инструментам. Папа сделал удачный выбор. Он был полным профаном в музыке, но зато знал толк в хороших вещах. О достоинствах инструментов он судил по характеристикам древесины, из которой они были сделаны, по качеству склейки, запаху лака и ровности стыков между деталями. Мы ездили за ними аж в самый Лидс.

В чем Папа разбирался отлично, так это в деревьях. Вскоре после того, как мы решили поселиться на этом холме, он изучил здешнюю растительность и ознакомил с ней меня. Почти все ясени были в возрасте от одного до пятидесяти лет. Папа считал, что роща образовалась уже давно — возможно, сотни лет назад. Чем ближе мы подходили к самому ее центру, тем старше были деревья, а одно из них, явно самое старое, Папа назвал материнским и сказал, что от него произошли все остальные. Ему было не менее двухсот лет, а его твердая кора напоминала застывшие потеки смолы каури.

Помимо ясеней, в роще попадались кусты ореш-

ника; часть из них плодоносила. Папа срезал ветви и показывал мне, как мастерить поделки из свежей древесины с помощью одного лишь острого складного ножа. Я потратил немало дней на превращение обрубка ветки в тонкую флейту: удалил мягкую кору, вырезал мясистую сердцевину и долго провозился с внешней отделкой, стараясь, чтобы поверхность была как можно более гладкой, а выемки с дырочками точно соответствовали изгибу моих пальцев. Вот только извлечь из этой флейты звук мне не удалось. Посему я переключился на более практичные поделки, не требующие от резчика большого таланта и пригодные для использования даже в бракованном виде. Самая уродливая чашка все равно будет считаться чашкой, если она держит жидкость. Но если на флейте невозможно играть, она вообще недостойна называться флейтой.

В нашем лесном жилище имелась кухня с плитой и большим дубовым столом. А поначалу Папа готовил еду на примитивной жаровне, которую он соорудил из кусков рифленого железа, а древесный уголь выжигал в двух бочках из-под солярки, размещенных в глубине рощи, неподалеку от материнского дерева.

В ту пору мы ели слишком много мяса. Соб-

ственно, наша еда была такой же, какую готовил себе Папа до того, как мы стали постоянно жить с ним. А мясо он по большей части добывал охотой. Овощи и фрукты его не интересовали. Он ловил силками лесных голубей и сизарей, горлиц, фазанов и куликов — обычно по вечерам, когда они вылетали из зарослей на открытое место. В этих краях водились и небольшие олени-мунтжаки, на которых он также охотился. Если же дичи попадалось мало, а у него имелись деньги или что-нибудь на обмен, он отправлялся в деревню, чтобы разжиться куском говядины или баранины либо связкой свиных сосисок. В разгар охотничьего сезона мы обычно завтракали самой мелкой дичью. Один дядька в деревне держал сокола, который добывал больше жаворонков, чем мог съесть его хозяин, и тот обменивал излишки добычи на наших птиц покрупнее, каких соколу не словить. Жаворонков мы ели в виде бутербродов, кладя их распластанные тушки на куски хлеба, и запивали горячим чаем с молоком.

Однажды Папа укатил куда-то с компанией

странников[3] и, вернувшись через четыре дня, привез целый мешок ощипанных уток и пять клеток с живыми курами. Курятник он соорудил напротив того места, где проектом дома предусматривалось заднее крыльцо. С той поры наш рацион пополнили яйца, а вот с овощами и фруктами — не считая ягод, которые мы собирали на обочинах дорог, — все обстояло по-прежнему.

Позднее, когда дом был уже построен, я посадил рядом несколько яблонь и слив, а Папа при каждом посещении деревни по моей просьбе стал приносить оттуда пакеты с морковью и пастернаком. Я шинковал их на чисто выскобленной поверхности кухонного стола папиными ножами, всегда острыми как бритва.

В пору строительства, в те несколько жарких сухих месяцев, когда мы вечерами пели у костра, Папа перемежал веселье вполне серьезными разговорами. Он был скуповат на слова, но мы

---

[3] Примечания: 3

Странники — имеются в виду кочевые этнические группы в Ирландии, Великобритании и США, по образу жизни и ряду обычаев схожие с цыганами, но генетически восходящие к коренному населению Ирландии и Шотландии. «Ирландские странники» шире распространены и гораздо более многочисленны — ок. 60 тыс. по сравнению с 2 тыс. «шотландских странников». Язык и тех и других основан на гэльском, но с многочисленными заимствованиями из других языков и намеренными искажениями слов, которые затрудняют его понимание посторонними.

с сестрой уже научились домысливать недосказанное. Он говорил о людях, с которыми дрался и которых порой забивал насмерть где-то на торфяных пустырях Ирландии или в черной грязи Линкольншира, прилипавшей к рукам и ногам, как чернила для снятия отпечатков пальцев. Папа боксировал за деньги в нелегальных боях без перчаток, проходивших вдали от помпезных залов и спортивных арен, но деньги там крутились изрядные, и люди с кучей невесть как и где добытой налички съезжались с разных концов страны, чтобы сделать ставки на его победу. Только полные кретины ставили против нашего Папы. Он мог отправить соперника в нокаут первым же ударом, а если некоторые из его боев и продолжались дольше, то лишь оттого, что ему самому так хотелось.

Инициаторами этих поединков были странники либо какие-нибудь местечковые герои, желавшие проверить себя и попутно зашибить толику деньжат. Странники блюли бойцовские традиции на протяжении столетий. У них это называлось призовыми боями или честными боями. Дрались голыми кулаками и не делили поединки на раунды с перерывами для отдыха. Эти бойцы не ждали звона гонга, разводящего

их по углам ринга; они бились вплоть до чьей-то капитуляции или смерти. Иногда посредством таких поединков разрешались конфликты между кланами странников, и в таких случаях на кону запросто могли оказаться десятки тысяч фунтов, так что и Папе на жизнь перепадало с лихвой.

Среди прочего Папа поведал нам о застарелой вражде между кланами Джойсов и Куинн-Макдонахов. Примерно раз в три года они выставляли своих бойцов на поединок, за подготовкой и проведением которого обычно следили нейтральные старейшины. В подобных случаях присутствие среди зрителей членов самих враждующих семейств не допускалось во избежание массового побоища с участием молодых и старых, мужчин и женщин — этак, чего доброго, нагрянут и легавые, чтобы разогнать сходку странников либо упаковать всех без разбора в автозаки с предоставлением ночлега в ближайшей каталажке.

Такие «межклановые поединки» сулили немалую выгоду, ибо ставки там были куда как выше обычных. Джойсы и Куинн-Макдонахи, помимо прочего, состязались и в суммах, поставленных ими на кон. Порой доходило до пятидесяти тысяч фунтов с каждой стороны, и все деньги доставались победившему клану, глава которого по

традиции тем же вечером устраивал грандиозную попойку для своих людей. Папа говорил, что призовые бои были желанными для обеих сторон. По его словам, сама по себе ссора между кланами за давностью лет уже мало что для них значила, но всякий раз, когда у кого-то из главарей возникала нужда в деньгах, одновременно всплывала и тема очередного боя с расчетом на пополнение кассы. Так что дело было не только в родовой чести, но и в надежде сорвать большой куш.

Тот же куш, разумеется, интересовал и Папу. Наша семья не принадлежала к сообществу странников, и нам их кровная вражда была до лампочки. Папа бился исключительно ради заработка, кто бы ни устраивал бои: странники, цыгане, задиристые фермеры, городские уголовники, владельцы подпольных ночных клубов и баров, наркоторговцы, спекулянты или просто крутые парни, все достояние которых заключалось в их пудовых кулаках. Эта разношерстная братия находила общий язык и наскребала наличные всякий раз, когда появлялся шанс удачной ставкой умножить свой капитал. Папа обычно являлся на их сборища в джинсах и застегнутой под горло пилотской кожанке. Место и время ему сообщал знакомый посредник или

же кто-то незнакомый, но умевший правильно сослаться на странников или иных устроителей. Папа приезжал туда и поначалу просто ждал в сторонке. Лишних слов он не говорил и мало с кем встречался взглядом. Спокойно прогуливался сам по себе, пока другие договаривались о призовых и делали свои ставки.

И вот наступал черед поединка. Папа снимал куртку и свитер, оставаясь в белой безрукавке и обнажая не сухие жесткие мышцы атлета, а бицепсы того типа, какие можно было бы сравнить с упругими резиновыми подушками, не будь эта резина перевита тугими жгутами вен. На его руках было мало волос. До странности мало. Темная поросль тянулась по его спине вдоль позвоночника, поднималась от живота к груди и далее до самой шеи, сливаясь там с черной бородой и шевелюрой, но руки его были почти безволосыми. И вот он выходил на импровизированный ринг, где встречал своего противника. Как правило, Папа видел его впервые в жизни. Ему было ничуть не жаль этого человека, но и ненависти к нему он не испытывал. Они сходились и боксировали, а когда все было кончено, раздавались негромкие аплодисменты и Папу вели к синему «пежо» позади толпы зрителей, где он получал свою долю

выигрыша: спортивную сумку, набитую налом.

Судя по всему, для собравшихся главным было само удовольствие от кровавого зрелища, а ставки служили скорее поводом, чем целью. Конечно, привлечение финансов было необходимо хотя бы ради того, чтобы все выглядело по-деловому. Чтобы подвести под этот спектакль солидное обоснование. Чтобы как-то оправдать свою тягу к жестоким шоу. Если бы все упиралось только в деньги, они нашли бы и другие способы пополнить мошну; к тому же, будь эти бои сугубо деловым предприятием, не имело бы смысла проводить их без перчаток.

Вот так, просто и откровенно, Папа рассказывал нам эти истории в течение того лета на природе, еще до постройки нашего дома, а мы слушали его с таким вниманием, словно получали по наследству ценную семейную реликвию. Обращаясь к нам, Папа широко раскрывал глаза — голубые с белыми крапинками, как истертые джинсы, — а в попытке выковырять из памяти какую-нибудь неподатливую подробность слегка наклонялся вперед и раскрывал их еще шире, чтобы тут же чуть сузить вновь. Он сидел на стуле, далеко расставив длинные крепкие ноги и упираясь локтями в колени; при этом его вогнутая грудная

клетка словно бы несла на себе весь груз широченных, массивных плеч.

Насколько я понял, именно таким образом — его призовыми боями — добывались все наши наличные средства. Но в ближайшие месяцы никаких боев не предвиделось, и Папе нужно было найти другую работу. Он упоминал о прочих своих занятиях, но только вскользь. Иногда он подряжался на что-нибудь вместе со странниками, но чаще его нанимателями были совсем посторонние люди.

Однажды вечером в четверг, в наш первый здешний сентябрь, мы с Кэти сидели вдвоем на кухне нового дома. Тот день выдался ветреным, а ближе к ночи ветер еще усилился. Его порывы стали первой серьезной проверкой для опорных балок и стыков, которые скрипели и постанывали, — впрочем так оно бывает с любым новым строением. Дом только начал утверждаться на этом месте и вписываться в окружающий ландшафт, слегка оседая и плотнее вдавливаясь в грунт под фундаментом, так что эти стоны и скрипы нам предстояло слушать еще не один час.

Папа уехал накануне после обеда, и мы не рассчитывали увидеть его в ближайшие несколько дней. Но, к нашему удивлению, он объявился

уже на следующее утро с восходом солнца, когда мы после завтрака перекидывались в картишки, попивая чай. Мы услышали знакомый звук мотора, шуршание колес по опалой листве при плавном торможении машины, а затем и его шаги. Я поспешил к двери, отодвинул оба засова и повернул в замке ключ. Открыл дверь и шагнул в сторону, пропуская Папу. Сосредоточенный, хотя и заметно уставший, он подошел к кухонному столу и сел на один из трех деревянных стульев, который прогнулся под его весом.

Первым делом он потребовал чаю, и Кэти поставила уже остывший чайник на плиту. Папа вытянул было ноги под столом, но тотчас вернул их в прежнее положение и начал возиться с туго зашнурованными ботинками. Ожидая, когда закипит вода, Кэти достала табак и бумагу, а в момент передачи Папе готовой самокрутки лицо ее вдруг оживилось, словно очнувшись от спячки; и с папиным лицом произошло то же самое, как будто он вспомнил о чем-то светлом и радостном, припасенном в подарок для нас. Тем утром — как потом случалось неоднократно — я увидел в ней истинную дочь своего отца.

Папа сказал, что накануне до него дозвонился давний знакомый, чтобы свести его с одним из

местных. Питер (так звали местного) перебрался сюда из Донкастера еще в девяти-десятилетнем возрасте вместе со своей матерью, которая устроилась продавщицей в здешнюю забегаловку, торговавшую жареной рыбой с картошкой. И вот сейчас этот Питер — понятно, через того же знакомого — попросил Папу о встрече. Он только недавно узнал о нашем появлении в этих краях. Собственно, о Папе он был наслышан и прежде, благо слухи о нем широко ходили среди людей определенного сорта в пределах Йоркшира, Линкольншира и даже соседних графств.

В прежние времена Питер легко находил работу то на одной, то на другой стройке в округе, но со временем большинство строительных фирм свернули свою деятельность либо свели ее к минимуму. Пару лет Питер просидел на мели, но затем дела его постепенно наладились. Он стал работать на себя, без фирм-посредников, напрямую договариваясь с теми из местных, у кого еще водились денежки. Сооружал надворные постройки, ремонтировал крыши и водопроводы, укреплял ветхие оконные переплеты. И тому подобное. Это были работы, какие вполне мог делать и Папа, да только он предпочитал от них уклоняться. А Питер, по папиным словам, был

на все руки мастером. И еще он умел правильно распорядиться своим временем и своими деньгами, а в этом заключена добрая половина любого успеха. Люди, для которых он что-либо сделал, рассказывали о нем своим друзьям, слухом земля полнилась, и в результате заказами он был обеспечен с избытком. В то время он не просто имел солидный по здешним меркам доход. К этому добавилось чувство самоуважения, а то и гордости — почти забытые чувства в таком захолустье. Более-менее определившись с будущим и с прошлым, он занялся обустройством своего настоящего в промежутке между ними.

И вот пару лет назад Питер подрядился работать на одной крупной ферме. Он сооружал пристройку к амбару, когда пузатая молочная корова, которая вскоре должна была отелиться двойней, вдруг оторвалась от доильного аппарата, опрокинула перегородку и галопом ринулась наружу. Выскочив из амбарных дверей, она сбила стремянку, на верхних ступеньках которой стоял Питер, и тот свалился прямо под ее копыта. Корова наступила задней ногой на что-то мягкое — то была поясница упавшего человека — и ударом отбросила его к стене амбара, а потом взбрыкнула вновь и попала по голове и шее Питера. Он

потерял сознание и остался лежать на грязном сыром бетоне, истекая кровью.

Безлюдье на фермах — обычное дело. И это безлюдье особенно ощутимо, когда валяешься там с рассеченной кожей и переломанными костями. Такое безлюдье может стоить тебе жизни. Но с Питером в тот день вышло иначе. Его нашел один из работников, который обернул искалеченное тело своим плащом и в лошадином фургоне довез его до донкастерской больницы.

С той поры Питер не мог передвигаться на своих двоих и большую часть времени проводил в инвалидной коляске. Какая уж тут работа. Он перестал по вечерам наведываться в деревенский паб. Только и оставалось, что сидеть дома в ожидании гостей. Старые друзья его навещали, но, поскольку он давно не появлялся на людях, о нем стали забывать — почти все, кроме немногих самых верных. Кое-какую помощь оказывали муниципалитет и церковный приход. Пожилой сосед Питера заботился о его саде: осенью и весной обрезал лишние ветви деревьев и кустов, убирал опавшую листву и чистил канавы, чтобы обеспечить сток дождевой воды. У Питера имелась родная тетка, с которой он познакомился лишь после смерти матери и которая теперь

привозила ему булочки и газеты, а каждое второе воскресенье меняла постельное белье.

В целом все обстояло не так уж плохо, хотя могло бы быть и получше. После несчастного случая Питер начал обзванивать давних клиентов, задолжавших ему за работу и материалы на протяжении последнего года. Прежде он не требовал с людей немедленной уплаты, поскольку дела его шли хорошо и финансы не пели романсы. Питер верил в то, что эти деньги рано или поздно будут получены, точно так же как привык доверять собственному телу, энергии и упорству. Он и помыслить не мог о возможном обмане со стороны клиентов, поскольку никогда не принимал в расчет человеческую слабость. Весь наш мир держится на силе, как частенько говаривал Папа, и вдруг у Питера впервые в жизни этой силы не оказалось. Он обзвонил всех, и половина расплатилась сразу или начала возвращать долги по частям. Другие должники раскошелились после дополнительных напоминаний с парой крепких словечек из уст его друзей детства либо коллег по прежним работам. Остался только один должник. Скользкий тип, по определению Папы: владелец большого особняка в лучшем районе Донкастера, с остекленной парадной дверью и

подъездной аллеей из каменных плит вместо обычного асфальта. Дом был хорош, да человек дрянноват, как заметил Папа. Хотя он сколотил свое состояние с виду законными путями, на самом деле там все было нечисто: и то, как он заполучил эти деньги, и то, как он пускал их в оборот. Несправедливо и бесчестно. В это богатство не были вложены его труд, ум или дарование — он просто стакнулся с шайкой деляг, которые сообща высасывали остатки крови из своего же родного города. Он покупал и продавал чужой труд, владел ночными клубами в темных переулках, где женщины раздевались и танцевали на потеху публике. Он делал деньги из человеческих тел, объяснил нам Папа: из мышц мужчин и оголенной кожи женщин.

Питер соорудил для него зимний сад. Просто прекрасный, судя по всем отзывам. Работа заняла много недель и стоила кучу денег — клиент должен был выплатить Питеру без малого пять тысяч фунтов плюс вернуть оставленный им на рабочем месте комплект высокоточных инструментов. Питер названивал по телефону, отправлял письма, кричал с улицы перед дверью, но до ответа этот тип не снизошел. И вот, спустя несколько месяцев, подстегиваемый нуждой,

Питер начал наводить справки, и знакомый одного его знакомого узнал от своего знакомого о появлении в окрестных лесах бородатого гиганта с сыном-подростком и непоседливой, задиристой дочкой.

— Я ездил повидаться с ним вчера вечером, — сказал Папа. — Он все еще живет в доме своей матери, который я помню с тех времен, когда юнцом шатался по всей округе и подрабатывал стрижкой газонов, в том числе и на их улице. Он выложил мне свою историю. Без утайки. Как на духу, можно сказать. Короче, выложил так, что сумел меня уговорить. Вы двое лучше всех знаете, что я никогда не дерусь понапрасну. И здесь речь была не о деньгах или призах. Для драки такого сорта нужен резон, и у Пита он нашелся. Этот мистер Коксвейн по справедливости должен был отдать ему деньги, но не отдал, а вам известно, как сильно я не люблю такие вещи. Он пользовался тяжким положением Пита, вроде как добивая лежачего. Я не бандюган какой-нибудь и не хочу, чтобы вы обо мне так думали, но, ей-богу, эта история задела меня за живое. Пит рассказал, где и когда можно найти этого Коксвейна. Почти каждый вечер он выпивает и режется в карты в одном подпольном казино на задворках

города. А владеет притоном его давний партнер по разным аферам — они вдвоем и затеяли это прибыльное дельце. В иные ночи Коксвейн уносит домой по нескольку тысяч, выдоенных из жалких недоумков, которые никак не уяснят, что их проигрыш предрешен. И я поехал туда этой же ночью, поскольку знал, что нынче он там объявится и непременно будет при деньгах. Негоже было бы просто сделать то, что я собирался сделать, а после вернуться к Питу без его законной выручки. Получилось бы какое-то половинчатое правосудие, понимаете? Другая половина — это кусок хлеба для Пита. Если уж делать дело, так делать по полной.

Папа допил свой еще не остывший чай.

— Я позаимствовал Питову тачку. Он ее сам предложил вместо моей, и был прав. Если бы кто-то и запримечил машину, Пита никак не связали бы с тем, что я собирался сделать. Он и водить-то уже не в состоянии, бедолага. Но все равно никто не мог ее запримечить. Я оставил ее в десяти минутах ходьбы от казино, добрался туда примерно к двум утра и прождал до четырех, скрываясь за платанами. К тому времени почти вся публика уже разошлась. Коксвейн вышел одним из последних. Явно уставший, но не так

чтобы крепко поддатый. Все ж таки делом был занят: обчищал ротозеев. Он подошел к своей тачке, а я притаился как раз рядом с ней. Хотел бы сказать, что спланировал это заранее — так и следовало сделать, — но нет, это вышло случайно. Однако я не спешил воспользоваться случаем. Подождал, когда он откроет багажник и спрячет в него портфель, а как он стал его закрывать — тут я и нарисовался. Конечно, он обернулся на звук шагов, гадая, кто я такой, и наверняка тут же понял, что ничего хорошего от меня ждать не стоит. Только не понял почему. Не сразу понял. Весь подобрался, ожидая удара, но вместо этого я начал с вопроса. Спросил, тот ли он человек, который мне нужен. Он мог бы назваться другим именем, однако этого не сделал. Не сдрейфил, стало быть. Я даже чуток его зауважал. Но дальше он все испортил. Раскрыл свое истинное нутро. Я потребовал деньги, которые он был должен Питу. Назвал точную сумму — я ж не ворюга. Сказал, что передам их Питу. Дал понять, что заберу их сейчас же, потому как я в курсе, что он при выручке. Сперва мне показалось, что все идет отлично. Он сказал, что достанет деньги из багажника, и повернулся, чтобы его открыть. Другой человек на моем месте мог бы заподозрить неладное, но

я просто не заморачиваюсь на таких вещах. Подозрительность, она ведь происходит от страха, понимаете? Даже выхвати он ствол или нож, я бы сумел с этим справиться. Мне оно без разницы. Ну так вот, полез он в багажник якобы за баблом, но вместо этого вытаскивает клюшку для гольфа. Замахивается. Ударить меня хотел, да только…

Папа уставился на выскобленную поверхность дубового стола. Смоченные чаем губы раздвинулись в чуть заметной улыбке. Потом он поднял голубые глаза на Кэти. Та слушала его историю, не выказывая никаких чувств. С ясным взглядом и невозмутимым лицом.

— Хотя это не суть важно, — сказал он.

Зрачки Кэти расширились, а потом сузились — подобно круговым узорам на старинном вертящемся волчке.

И тогда Папа поведал нам остальное. О том, как он перехватил клюшку на лету. Как согнул ее пополам голыми руками. Как мистер Коксвейн в конечном счете распластался на асфальте, харкая кровью, избитый почти до потери сознания. «Почти» потому, что Папа был спецом в таких делах. Он знал, как растянуть избиение, при этом не позволяя противнику полностью отключиться. Он умел причинять боль.

Он рассказал нам все. Не избегая подробностей. Пока я не ощутил, как к глазам подступают слезы.

И тут он остановился. Чуть ли не на полуслове. Встал со стула, обнял меня своими ручищами и сказал, что сожалеет, — мол, ему вообще не следовало рассказывать нам эту историю.

— А деньги Питера ты добыл? — спросила Кэти.

Он вновь повернулся к ней и сел на стул, все еще держа меня за руку.

— Да, — сказал он. — Добыл и вернул ему. Всю сумму. И сейчас покажу вам то, что он дал мне взамен.

Он поднялся и быстро вышел из дома. А вскоре вернулся, осторожно неся на широких, в кровь разбитых руках пару черных щенков. Двух ищеек-полукровок — помесь грейхаунда и бордер-колли. В то же утро мы придумали им клички — Джесс и Бекки — и соорудили для них уютную лежанку в прихожей. Там еще не был настелен пол, и получилось нечто среднее между домашней и уличной обстановкой. Папа сказал, что им это подходит в самый раз.

Глава вторая

Папа не запрещал нам курить и выпивать, так что после возведения внешних стен и крыши мы проводили долгие вечера внутри дома, потягивая теплый сидр и дымя самокрутками, которые делала Кэти. Мы слушали радио или читали книги вслух — для Папы. Чаще всего это делала Кэти своим глубоким ровным голосом, выделяя интонацией особо значимые слова и фразы. В младшем возрасте мы доставали Папу просьбами купить телевизор, но он всякий раз отвечал, что без него гораздо лучше.

Это было еще до нашего переселения в глухомань. До того лета на природе и до возведения дома. В то время мы жили дальше к северу, на окраине приморского городка, в доме постройки тридцатых годов, как и все его собратья по соседству. Точнее, нам принадлежала половина двухквартирного дома. В иных городах здания такого типа тянутся вдоль улиц сплошными рядами, но здесь они разделялись проходами и напоминали типовые загородные особняки, только более тесные внутри и менее ухоженные снаружи. Кое-кто из наших престарелых сосе-

дей высаживал желто-фиолетовые фиалки на узком пространстве между газонами, пешеходными дорожками и разделительными живыми изгородями, но большинство палисадников на этой улице являли собой лишь проплешины истоптанной грязи вперемежку с клочковатой порослью одуванчиков и чертополоха.

Скамеек или качелей почти не было, зато детские игрушки попадались часто, тут и там разбросанные на газонах. Мне особо запомнилась маленькая пластмассовая кукла с блондинистыми кудряшками и задранным под самые уши розовым платьицем, валявшаяся вниз лицом на земле перед фасадом углового дома. В таком виде она пролежала там несколько лет, периодически омываемая дождями и вновь заметаемая пылью.

Стены некоторых домов были покрыты декоративной штукатуркой с вкраплениями мелких камешков. Нам с Кэти они нравились. Проходя меж домов к полям за городом, мы имели обыкновение попутно выковыривать камешки из раствора. Количество таких «оспин» на стенах росло, но жильцы, как правило, этого не замечали, благо мы действовали выборочно, никогда не удаляя помногу расположенных рядом камней, чтобы последствия не так бросались в глаза.

Наш дом не был отделан подобным образом и выставлял напоказ унылые красно-коричневые кирпичи основной кладки. Наш палисадник имел не самый жалкий вид, хотя клумбой похвастаться не мог. Трава у нас была повыше и потемнее, чем на газонах соседей, но все же это была настоящая газонная трава, а не какие-то сорняки. Дорожка из бетона упиралась в бетонную же ступеньку перед входной дверью, некогда выкрашенной в ярко-синий цвет, а впоследствии покрытой не менее яркой зеленой краской, из-под которой по мере отслаивания вновь начала проступать синева.

На полу в прихожей был расстелен темно-красный ковер с поблекшим золотистым узором, который прямо-таки побуждал взгляд скользить из стороны в сторону от вытоптанной середины к лучше сохранившимся, припухлым краям ковра. Сам по себе узор напоминал вьющееся растение, корни которого остались где-то за порогом, а плети проникли внутрь дома и поползли вверх по лестнице. Еще совсем маленьким я воображал их сетью дорог и «странствовал» по ним, водя пальцем вдоль прихотливо извилистых линий.

После подъема на лестницу в дальнем конце прихожей ковер сменялся линолеумом, а тот в

свою очередь — выщербленным древесно-волокнистым полом кухни. Мы готовили еду на газовой плите, и Папа обычно прикуривал сигарету от шипящего голубого пламени, после чего отправлялся дымить на задний двор. Боковая дверь из прихожей вела в гостиную комнату, которая тянулась по всей длине нашей части дома, а на втором этаже находились три спальни и ванная.

В этом доме я прожил четырнадцать лет.

Папа тогда порою был с нами, а порой надолго исчезал. Мы жили с Бабулей Морли. Она хорошо о нас заботилась, готовила нам еду и стирала нашу одежду. Ни один ужин не обходился без двух видов овощей, а при стирке она использовала ровно столько порошка, сколько требовалось для полной очистки одежды, но ничуть не более того, чтобы излишки не оседали на ткани, потом раздражая кожу. Днем, когда мы были в школе, она пылесосила ковры, вытирала пыль с полок и посещала торговую улицу, поочередно обходя мясную лавку Эванса, дешевый супермаркет, овощной магазин и салон-парикмахерскую «Маргаретс», где по четвергам после обеда собиралась компания ее приятельниц.

В выходные или после школы Бабуля Морли присматривала за нами из окон, когда мы играли

на лужайке или в полях за домом. Временами мы отправлялись играть на пляж с его скальными гротами и приливными заводями. Она была доброй и любящей женщиной, наша бабушка, но при этом какой-то отрешенной. Иной раз она глядела как бы сквозь нас, а иногда, не обращая внимания на наши слова, словно бы прислушивалась к чему-то в соседней комнате или снаружи — к звукам, которых мы не слышали. В такие минуты она настороженно поднимала голову, затем слегка склоняла ее набок и опиралась рукой на подлокотник кресла или дивана.

Когда мы учились в начальных классах, Бабуля Морли провожала нас до школы, идя посередине и держа обоих за руки. Наша школа находилась ближе к центру города, по другую сторону парковой зоны, где чайки размерами с комнатную собаку рылись в урнах, выискивая объедки. Каждое утро мы проходили через этот парк, в своей школьной форме: красные спортивные свитеры поверх белых рубашек, серые фланелевые брюки у меня и юбка в складку у Кэти плюс черные кожаные туфли, которые мы начищали до блеска по вечерам в воскресенье.

Краснокирпичное викторианское здание школы было дополнено колокольней, примыкавшей

к одному из его торцов. Колокол настолько оброс ржавчиной, что уже не мог звонить, но никому даже в голову не приходило его очистить. Вместо него использовались медные колокольчики типа пожарных, подвешенные рядом с дверями классов. Их звон оповещал нас о переменах, когда можно было порезвиться во дворе, или созывал на очередной урок. В некоторых коридорах стены были украшены яркими картинками, а другие обходились без них. И повсюду там пахло бульоном из кубиков и канцелярским клеем.

В младших классах я держался особняком. Описывал круги по игровой площадке, воображая, будто взбираюсь на гигантские горные хребты или бреду по бескрайней болотистой равнине. В летние месяцы я часто сидел под платаном на краю школьного поля. Ловил разных насекомых — только затем, чтобы даровать им свободу по окончании перемены или обеденного часа. Папа однажды предложил купить мне в день рождения набор для коллекционирования насекомых или специальные баночки, в которых я мог бы приносить их домой, однако я отказался. Мне просто нравилось немного подержать мелких тварей в руках и потом отпустить восвояси, к привычной им жизни. А позднее, за партой в классе,

уткнувшись взглядом в расписание уроков, я представлял, как они там живут себе дальше.

Но если игры затевала Кэти, я принимал в них участие. Когда мне было около шести, а ей — восемь, она ввязалась в серьезную ссору с тремя мальчишками своего возраста. Их звали Адам Хардкасл, Каллум Грей и Грегори Смоутон. Как правило, подобные события важны лишь для их главных участников, хотя сомневаюсь, что даже в то время они размышляли об этом так же много, как я. А ведь я и потом, спустя годы, мог с утра до вечера мусолить эти воспоминания, закрывая глаза в попытке воссоздать всю сцену по частям, уточнить местоположение каждого из них в тот или иной момент и даже расслышать стук их сердец. Я подолгу всматривался в прошлое, стараясь разглядеть выражение лица того парня, когда он понял, что его дело дрянь, или припоминая в точности слова, какими сестра потом описывала некоторые упущенные мною подробности.

Интересно, а вспоминала ли об этом Кэти? Или ее тогдашние недруги? Или прочая мелюзга в дальних закоулках моей памяти — задумывались ли они, подобно мне, о своем скромном участии в той истории? Возможно, как раз оттуда берет начало многое из случившегося впоследствии, и

если бы кто-нибудь тогда как следует осмыслил эти моменты, будущее приняло бы иной оборот — к лучшему, разумеется.

Для своего возраста Кэти была рослой, сильной и ловкой девочкой. Голубоглазая, как Папа, она носила короткую стрижку и убирала черные волосы за уши. Адам, Каллум и Грегори жили неподалеку от школы, в длинном ряду высоких домов с островерхими крышами и выступающими окнами. Каждую школьную четверть они начинали в новеньких, ярко раскрашенных кроссовках. И они все болели за «Манчестер юнайтед» (хотя мы жили в Йоркшире), в подтверждение демонстрируя разные вещи с символикой этого клуба. Футбольных наклеек и значков у них имелось великое множество, а их нарядные мамаши после занятий всегда вовремя встречали отпрысков у школьных ворот, чтобы на следующее утро доставить их туда же, снабдив сэндвичами, бисквитами с джемом и пакетиками сладкого яблочного сока, который становился еще более сладким в нагретом утренним солнцем классе.

Думается, для мальчишек это в порядке вещей — не допускать девчонок в свои мальчишеские игры, но мне также думается, что большинство девчонок отлично это знают и потому даже не

напрашиваются. А вот Кэти, конечно, напрашивалась и получала отказ. Она просила снова, и снова ей отказывали. А когда она однажды сказала, что это несправедливо, Грегори Смоутон заявил, что это его личный мяч и потому он сам решает, кого брать в игру, а кого нет. И все же она попыталась вмешаться. Вышла на поле и заняла вроде бы верную позицию, а когда мяч очутился поблизости, бросилась к нему. И завладела им. Но сразу вслед за тем возникли затруднения. Не состоя ни в одной из игравших команд, она не имела понятия, в какую сторону бежать, кому пасовать, на какие ворота нацелиться. Помню, как она замерла над мячом, и мальчишки тоже замерли, не зная, пойти в отбор или просить пас, пока вдруг не догадались по озадаченному виду Кэти, что она не настроена ни на то, ни на другое.

Какая-то часть меня до сих пор хочет, чтобы она тогда погнала мяч по полю — не важно, к чьим воротам, — и, обведя всех игроков, точным ударом отправила его мимо голкипера в сетку. И потом стала бы настоящей футбольной сенсацией. Но в действительности никто так и не увидел ее играющей в футбол. Она еще немного постояла над мячом, а затем просто ушла. Покинула поле,

перейдя на его противоположный край. Как она сказала позднее, отвечая на мой вопрос, ей в ту минуту вдруг стало понятно, что эта игра в любом случае останется *их* игрой. Даже если она примет в ней участие, даже если у нее хорошо получится, это все равно будет их игра.

Однако их внимание Кэти привлекла. Она их реально взбесила. И весь остаток той четверти стоило только ей остаться одной, как они нападали, тащили ее в какой-нибудь закуток и там били, пинали, а порой и душили. Она вырывалась и убегала или же молча защищалась: отталкивала их руки и как могла блокировала удары. Но не предпринимала никаких решительных действий. Ничего такого, что могло бы положить этому конец. А поскольку у мальчишек не было причин останавливаться и поскольку это было весело и приносило удовлетворение, они продолжали в том же духе. Прошло несколько недель, травля не прекращалась: они избивали ее за мусорными баками или в парке между школой и нашим домом, а иногда на пляже, куда мы с ней отправлялись побродить по мелководью.

Но что-то должно было произойти. Что-то сместилось в ее сознании. Я не знаю, что дало этому толчок — какое-то конкретное действие или,

может, сам факт моей вовлеченности в события, — но это наконец случилось.

Дело было в пятницу. В последнюю пятницу перед Страстной неделей. Накануне начались пасхальные каникулы. Первый свободный от занятий день выдался ясным, но с Северного моря дул сильный ветер, и воздух пропитался соленой влагой. На этом ветру наши лица сделались красными, почти как сырое мясо, а волосы слиплись от соли, которая забивалась даже под ногти.

На пляж мы пошли искать раков-отшельников. Мы подбирали раковины и переворачивали их, заглядывая внутрь. Если там сидел рак, мы клали раковину обратно и запоминали место, чтобы не потревожить ее хозяина повторно.

Приближающихся мальчишек мы заприметили еще издали. Они и не думали подкрадываться, чтобы застигнуть нас врасплох, — шли в открытую, размахивая руками. Я узнал Грегори по его красной шапке. Кто-то другой нес футбольный мяч и с ходу сильным ударом послал его вперед. Мяч разбрызгал соленые лужицы, прочертил полосу на темном сыром песке метрах в двадцати от их компании и остановился, ожидая, когда к нему неторопливо приблизятся и подберут.

Кэти, конечно, тоже их видела, однако не пре-

рвала свое занятие. Она нашла красивую маленькую раковину и спокойным голосом спросила, попадались ли мне такие раньше. Я ответил, что нет, после чего она заглянула внутрь. Раковина оказалась пустой. Вырастивший ее моллюск уже давно умер, и ни один рачок не устроил себе дом в его могиле. Она наклонилась и пристроила раковину среди водорослей.

Порывы соленого ветра раз за разом налетали со стороны моря. Гагатово-черные волосы Кэти хлестали ее по лицу, когда она повернулась навстречу мальчишкам. Деревянные пуговицы ее расстегнутой куртки мелодично постукивали друг о друга — как будто ветер играл на маримбе. Я смотрел на нее все время. Я не мог отвести глаз. Я был свидетелем всего, что она делала.

Адам Хардкасл подбежал и толчком повалил ее на мокрый песок. Она успела отвести руки назад, чтобы смягчить падение, но не успела подняться, и он придавил ее сверху. Каллум и Грегори приблизились без спешки.

Меня они словно и не заметили, хотя я стоял рядом с сестрой. Я был младше, да и ростом не вышел даже для своих лет, и понимал, что не могу сделать ничего, кроме как позвать кого-нибудь на помощь. Я развернулся и побежал по песчано-

му берегу. Папы тогда не было в городе, но, если сказать Бабуле Морли, та могла бы обратиться к хорошим знакомым — к другим людям, хоть малость похожим на Папу.

Я пробежал метров двадцать, прежде чем Каллум схватил меня за ворот свитера и опрокинул навзничь. Грегори между тем начал несильно хлестать Кэти ладонью по лицу, а потом запустил левую руку под ее майку и добрался до правой стороны груди, до соска. Она была еще маленькой девочкой, и ничего он там не нащупал, кроме мышц и ребер, но, видимо, рассчитывал этим ее унизить. Он не убирал свою руку, а Кэти молча на него смотрела. Ей было невдомек, почему это хуже или как-то отличается от тех издевательств, каким ее подвергали раньше. Она не знала, что Грегори попросту подражал ранее виденному или слышанному, делая вещи, которые считал для нее наихудшими. Однако ей никто об этом не рассказывал. В этой игре она еще не принимала участия. Так что она ощутила всего лишь прикосновение холодной мокрой ладошки, а это было уж никак не хуже, чем удар ногой по зубам.

Тут Грегори решил дополнить дело словом.

— Тебе разве не обидно? — поинтересовался он, не понимая, почему она остается безучастной. —

Шлюшка, — добавил он.

Кэти уставилась на него с изумлением.

— Ты должна обижаться, когда я трогаю тебя в этом месте, — сказал он.

Однако это не сработало. Тогда Грегори повернулся ко мне. Я вяло барахтался в руках Каллума.

— Окуни его башкой в лужу, — сказал Грегори.

Каллум злобно рассмеялся и поволок меня к довольно глубокой заводи.

Когда он в первый раз погрузил мою голову в холодную воду, я увидел одинокий анемон, прилепившийся к самому краю извилистой расщелины, а по обе стороны от него — колонии щербатых морских желудей.

Во второй раз я заметил два разных вида водорослей и моллюска, которого посчитал морским черенком.

Я помню все эти мелкие детали. Я пообещал себе, что буду их помнить всегда.

В третий раз моя голова не достигла поверхности воды. Позади меня сестра поднялась с земли, яростно пинаясь, выкрикивая мое имя, а также свое имя и имена наших противников. Она в одиночку побила и обратила в бегство их всех. Улепетывая, они оставили на песке свой

мяч. А Кэти подняла меня на ноги и велела бегом возвращаться домой. Она сказала, что я должен бежать без остановки до самого дома и передать Бабуле Морли, что она долго не задержится, но было бы неплохо найти Папу. Ей был нужен Папа. После того, оставив меня, она помчалась вслед за мальчишками. Она гналась за ними, и я знал, что она их догонит. В ту пору ее ноги были длиннее и сильнее, чем у них. Я повернулся, побежал домой и сделал все, как было велено.

Эта троица еще легко отделалась. После того как Кэти довершила начатое, у них было предостаточно синяков и ссадин, но ни одной серьезной травмы. Она просто не знала, как нужно бить, чтобы причинить человеку тяжкие повреждения, так что их раны зажили быстро. В школе они на протяжении последующих недель старались держаться подальше от Кэти, а какое-то время сторонились и всех прочих учеников. Но с началом новой четверти они уже более-менее походили на прежних себя в том, как держались и как разговаривали с окружающими. Если случившееся и научило их некоторому смирению, заставив считаться с другими людьми, то они ловко это скрывали.

Сразу после драки один из них рассказал об

этом своей маме. Не всю правду, а только ее часть. Он сказал, что на них с Адамом и Грегори внезапно набросилась дикая девчонка, у которой папаша со странностями, вечно пропадающий невесть где. Его мать отправилась в школу и пересказала все это директрисе.

На другой день Папу вызвали в школу для разговора с директрисой. А накануне он объявился через два часа после звонка от Бабули Морли, усадил меня на колени, и мы стали ждать возвращения Кэти. Бабушка спросила, не собирается ли он пойти на поиски, но Папа сказал, что уже видел Кэти сидящей на пляже. И еще он сказал, что ей нужно побыть в одиночестве и что она вернется, когда будет к этому готова.

Кэти почувствовала себя готовой только к шести часам следующего вечера. Она просидела на пляже всю ночь и весь день. Ее руки по локоть были облеплены песком, а на костяшках пальцев запеклась кровь. Это сочетание песка и крови напоминало тонкие маслянистые полосы на пляжах Северного моря, обозначающие линию высокого прилива.

Папа поднялся, взял Кэти за руку, провел ее через комнату и усадил на диван рядом с собой. Потом спросил ее, что произошло.

Она взглянула на Папу, и я заметил в ее глазах слезы. То есть только блеск, еще не готовый превратиться в соленые капли, но разница была ощутима. Как разница между слабым огоньком во тьме и кромешным мраком или между чем-то неживым и чем-то ожившим.

Кэти тянула с ответом. Она просто сидела и молчала. Мы все молчали. Папа не повторил свой вопрос, а мы с Бабулей Морли не издали ни звука.

Так прошла примерно минута, а потом ее грудная клетка начала конвульсивно содрогаться. Сперва я принял это за икоту, но затем конвульсии участились, звуки стали больше походить на всхлипы, и наконец хлынули слезы. Прямо слезный потоп.

Она рыдала. Ее дыхание напоминало удары морских волн о каменную стенку мола. А воздух она втягивала как через губную гармошку.

Продолжая плакать, она заговорила:

— Я чувствовала себя такой беспомощной, Папа. Мне казалось, я ничего не могу сделать, чтобы их изменить. Или хотя бы обидеть. В смысле, обидеть их так же сильно, как они меня. Я могла бы лупить их сколько угодно, но толку из этого не вышло бы. Они так мерзко вели себя, Папа! И

дело совсем не в боли, а в том, как я чувствовала себя внутри. Сколько бы я ни старалась, мне не победить.

— Однако тебе это удалось. Ты дралась, и ты их побила. Ты защитила младшего брата. Что еще ты могла сделать?

Папа взъерошил руками свои волосы, а затем и бороду, как будто в поисках ответа на собственный вопрос.

— Я к тому, что все это бесполезно, разве нет? — сказала Кэти. — То есть дальше все пойдет по накатанной. Будут новые драки, с каждым разом все более жестокие. Такое чувство, что меня уже никогда не оставят в покое.

Папа продолжал теребить свои волосы. Я никогда не видел его таким озадаченным.

— А что, если тебе потолковать с учительницей? — предложил он. — Почему бы не рассказать ей, что вытворяли эти парни?

— Я так и сделала, — ответила Кэти, — но она назвала их примерными мальчиками.

Быть может, именно из-за этих ее слов Папа пошел на беседу к директрисе вместе с нами обоими. Он вел нас, взяв за руки, по узким коридорам нашей школы. Мерцающие галогенные лампы на низких потолках светили тем же бледно-розо-

вым цветом, в какой были окрашены стены, так что казалось, будто свечение исходит от самой штукатурки. Узкие длинные окна размещались под самым потолком, высоко над головами проходящих по коридору детей, так что при попытке взглянуть на мир за стенами школы они могли увидеть лишь небо. В тот день оно было иссечено жгутами серых и белых облаков, гонимых и сплетаемых переменчивыми ветрами.

Чтобы достичь кабинета миссис Рэнделл, нужно было дойти до конца коридора и подняться по лестнице. Эта единственная в одноэтажном здании лестница завершалась площадкой с тремя дверями: кабинета директора, учительской и канцелярии, где мы каждую неделю получали обеденные жетоны и куда приносили родительские разрешения на участие в школьных экскурсиях.

Папа постучал. Это была массивная противопожарная дверь темно-синего цвета с маленьким квадратным окошком из толстого стекла, армированного сеткой черной проволоки, чтобы предохранить людей от острых осколков, если стекло разобьют. Удары широких костяшек папиных пальцев по дереву произвели громкий глухой звук, и в ответ ослабленный преградой

голос миссис Рэнделл пригласил нас войти.

Этот голос прозвучал куда резче, когда Папа открыл дверь и директриса велела нам сесть. Сама она сидела в кресле с высокой спинкой за большим сосновым столом, напротив которого стояли три стула из пластика с тонкими жесткими подушками, приклеенными к сиденьям. Я сел на правый стул, Кэти села слева, а Папа разместился между нами.

Миссис Рэнделл, судя по ее виду, чувствовала себя комфортно. И вообще она выглядела как человек, ведущий комфортную жизнь. Льняной костюм персикового цвета, волосы отчасти светлые, отчасти темные. Или блондинистые поверх каштановых. Они спускались чуть ниже ушей и были завиты на концах.

Она казалась настроенной вполне миролюбиво (насколько можно было ожидать в этом случае), но ее по-настоящему интересовал только собственный душевный комфорт. А мы этот комфорт, похоже, нарушили. Наверняка ей очень хотелось, чтобы Кэти никогда не била тех мальчишек или чтобы мать Каллума не приходила к ней с жалобой, и тогда ей не пришлось бы после обеда в пятницу вести неприятные разговоры о насильственных действиях.

На улице было прохладно, однако в кабинете стояла жара. Батарея отопления была включена, а окна закрыты наглухо. На столе лежали стопками печатные документы, а дверцы шкафа и стены были увешаны детскими рисунками — разнообразной аляповатой мазней с нарушением всяких пропорций. Еще я заметил набор резиновых печатей, испачканных красными чернилами, каждая с подхалимски-лестной или просто одобрительной надписью.

— Надеюсь, вы понимаете, что поведение вашей дочери является недопустимым. Это было неспровоцированное нападение. Несчастные мальчики собирались поиграть в футбол на пляже и спросили Кэти, не хотят ли она и Дэниел поучаствовать в игре. Я могу предположить, что Дэниел и Кэти до сей поры не имели в жизни тех возможностей, какими располагают Грегори, Адам и Каллум, но это не может служить оправданием ее поступку. У Грегори теперь все ноги в синяках, и, по утверждению мамы Каллума, детям были нанесены удары ногами даже по интимным местам. Вам следовало бы предупредить свою дочь, что нельзя пинать мальчиков в такие места.

Миссис Рэнделл продолжала свою речь, а Папа

ничего не говорил в ответ. Как и Кэти. Нас троих как будто накрыло слоем тягучей липучки, и, хотя директриса говорила без умолку, ее фразы беспомощно бились об этот плотный покров, лишь изредка, мелкими уколами, сквозь него прорываясь, но никак не влияя на наше угрюмо-молчаливое состояние. Позднее Папа сказал нам, что после слов директрисы о поведении мальчиков он понял, что высказывать свои мысли по этому поводу будет бесполезно. У миссис Рэнделл уже сложился свой взгляд на происшедшее просто потому, что подобные ей люди именно так видят подобные вещи, пояснил он. Так уж устроен этот мир, а нам остается только найти свои способы с этим бороться и накопить побольше сил.

А тогда, в кабинете, Папа для проформы согласился с рекомендациями миссис Рэнделл и принес извинения от лица своей дочери. Заверил ее, что такое больше не повторится. Пообещал навести дома строгую дисциплину и сказал, что Кэти постарается загладить свою вину перед мальчиками.

Папа вел нас к дому Бабули Морли через уже сумеречные пригороды. По пути он сказал, что в этот раз останется здесь как минимум на месяц

и нам всем надо больше времени проводить вместе, так что каждый день после школы мы должны прямиком идти домой. Потом он сказал, что Кэти все сделала правильно. И еще он сказал, что ей следовало бы сделать это гораздо раньше.

Бабуля Морли умерла вечером во вторник. Кэти обнаружила ее сидящей в своем любимом кресле в гостиной, задернула все шторы, закрыла все двери и запретила мне туда входить. Мы не знали, как связаться с Папой, и потому просто держали комнату запертой и окна зашторенными, а сами жили наверху в почти безмолвном ожидании. Кэти спускалась только затем, чтобы найти какую-нибудь еду в кухонных шкафах. Мы питались печеньем, бананами и чипсами вплоть до приезда Папы через полторы недели. Мы бросились к нему и только тогда впервые заплакали, а он сказал, что больше никогда, никогда не оставит нас одних.

II

Годы и мили спустя брат этой девчонки бредет по вязкой грязи, разыскивая сестру. Прошло уже много дней. Я не обнаружил никаких следов, но я не теряю надежды.

Память о том вечере в нашем лесном доме ничуть не потускнела. Кадры прокручиваются раз за разом, как на закольцованной кинопленке. Каждое лицо и каждый жест видны отчетливо. Никакой размытости.

По ходу я вспоминаю, как все они выглядели. Вспоминаю сестру с ее гладкими черными волосами. Думаю о Папе и о словах, им сказанных и оставшихся несказанными. Вспоминаю других людей, их выпученные глаза и оскаленные зубы.

Я поступил правильно, сбежав оттуда.

На ходу я оглядываюсь по сторонам. Чем дальше я от дома, тем более чужеродным кажется пейзаж. Мои глаза реагируют соответственно. Они жадно цепляются за каждый знакомый предмет.

На горизонте я вижу дымовую трубу и охладительные башни электростанции, пожирающей

плоды земных недр и изрыгающей едкие отходы. Я вижу завесу пепельного смога между землей и небом, вижу свинцовые испарения, набухающие ненатуральными тучами. Я вижу опоры высоковольтной линии, цепочкой протянувшиеся из дальней дали в ближайшую близь, подобно телу исполинской многоножки; вижу их тени, еще более громадные, распластанные по склонам холмов, как древние знаки наших языческих предков. Я вижу силуэты жвачных, которые неспешно блуждают по лугам, перемещают свои неуклюжие туши от кормушки к поилке или еще куда; вижу, как последние отблески вечерней зари падают на кудлатые спины пасущихся овец, подобно искрам, летящим с огнива на трут. Я вижу рдеющую землю и пламенеющее небо. И я прохожу через все это размеренным шагом.

Я со скорбью покидаю Элмет.

Глава третья

Мы предавались глупым детским забавам еще долго после того, как вышли из соответственного возраста. Благо роща снабжала нас всем для этого нужным, а пересеченная местность отлично подходила для догонялок и пряток. В другой обстановке мы повзрослели бы гораздо раньше, но это был наш, особенный мир, так что мы со взрослением не спешили. Собственно, как раз потому Папа и перевез нас сюда. Он хотел, чтобы мы как можно дольше оставались сами по себе, вдали от большого мира. Он дал нам шанс пожить своей жизнью, по его словам.

Мы увлеклись стрельбой из луков, подражая легендарным лесным разбойникам. Когда после постройки дома у Папы появилось больше свободного времени, он научил нас делать луки и стрелы с применением разнообразных инструментов. И мы делали из твердой упругой древесины длинные луки — почти в рост каждого из нас. Ясеней вокруг было полно, но дубовые ветки для этой цели подходили больше, а наилучшим материалом был тис, как объяснил Папа. Он находил прутья нужной длины и толщины, после

чего мы уже сами очищали их от коры и тонкой стружкой — чтобы не снять лишнее — срезали верхний, еще не окрепший молодой слой. Со стрелами было проще: найти в окрестностях прямые тонкие побеги не составляло труда. Для состязаний в меткости вполне годились стрелы с тупыми наконечниками — мы пускали их в джутовый мешок с намалеванной на нем мишенью, — но Папе для охоты на птиц, кроликов и оленей нужны были крепкие стальные наконечники, которые ему приходилось покупать.

Мы делали разные луки: удобные для использования сейчас, более тугие для проверки и развития силы, а также луки на будущее, до которых нам еще только предстояло дорасти. Кэти могла оттянуть тетиву гораздо дальше, чем я, благодаря ее длинным рукам, хотя грудная клетка у меня уже тогда была шире. Она никогда не вздрагивала при выстреле, если отпущенная тетива хлестала ее по левой руке, — так бывает при очень сильном натяжении, усталости или при неправильном хвате лука. Или когда у стрелка очень тонкие и гибкие руки, которые при полном распрямлении слегка выгибаются в обратную сторону, подставляя под удар мягкие ткани с голубыми прожилками вен. У нас обоих были

такие руки. Натянув лук изо всех сил, я пускал стрелу, и тетива била меня чуть ниже локтя. Боль не ограничивалась только кожей, она пробиралась глубже, вплоть до костного мозга. А потом болевая волна разносилась по костям всего тела.

Но Кэти как будто не чувствовала этой боли — или не обращала на нее внимания. Она никогда не надевала кожаный нарукавник и максимально оттягивала тетиву, распрямляя левую руку до предела, чтобы точнее прицелиться. И каждый раз тетива звучно хлестала по ее мягкой белой коже. Так оно и продолжалось: Кэти держала лук, выгибая локоть в сторону тетивы и при стрельбе вновь и вновь получая болезненные удары. Ее предплечье сделалось багрово-красным с пятнами серых и пожелтевших синяков, которые почти замкнулись вокруг руки наподобие браслета с золотистыми вкраплениями.

И все же она не меняла свою манеру стрельбы. Папа сердился на нее, когда это видел. Если только можно назвать гневом смесь разных чувств с преобладанием любви. Отчасти это походило на грусть, но не как бездеятельное состояние, ибо Папа всегда был готов вмешаться. В таких случаях он приближался, мягко отбирал лук и садился с ним в сторонке. Ждал, когда Кэти успокоится,

перестанет шумно дышать, ощутит наконец-то усталость после всех упражнений, подойдет и опустится рядом на лесную подстилку. Я тоже к ним подсаживался, Папа доставал из карманов пригоршню крекеров и кусок твердого сыра, мы съедали их втроем и затем направлялись обратно к дому.

Глава четвертая

Примерно в полутора милях от нас жила одинокая женщина. Между ее домом и нашим был всего один поворот дороги, так что ее можно было считать соседкой. Ее белый дом имел два больших окна по бокам от входной двери, а торцевая стена в летние месяцы сплошь покрывалась вьющимся душистым горошком. Сад был разбит как перед домом, так и позади него. Через дорогу от того места, где она парковала свою синюю машину, начиналось чужое фермерское поле с рядами темных капустных кочанов и свекольной ботвы.

Мы с Кэти гадали, когда они с Папой познакомилась. Мы вообще не могли взять в толк, откуда Папа знает в этих краях кого-то помимо нас, но с этой женщиной они приветствовали друг друга, как давние знакомые. А я-то думал, что вдали от дома Бабули Морли мы неминуемо окажемся в окружении чужаков.

Первая зима на новом месте пришла рано и быстро. И вот одним ноябрьским утром, когда холод напрочь сковал водостоки и хрупким ледком растекся по подоконникам, Папа разбудил нас на рассвете и повел в сторону дома Вивьен: по

склону холма к узкой дороге и далее за поворот. Я обмотался двумя шарфами поверх темно-зеленой флисовой куртки, застегнутой под самый подбородок, чтобы удерживать тепло внутри. Кэти заправила джинсы в толстые пурпурные носки, защищая ноги от леденящего ветра, а Папа был в своей всегдашней куртке и шерстяном джемпере плюс мотоциклетные перчатки.

Спуск оказался скользким: прихваченная морозом мягкая трава оттаивала под нашими ступнями, и мы с каждым шагом прокатывались на несколько дюймов вниз. В утреннем воздухе пахло сырым деревом — и больше, пожалуй, ничем. Все летние запахи попросту вымерзли. Впрочем, день выдался ясным, что особенно ощущалось сейчас, когда солнце стояло низко и его яркие лучи скользили по заиндевелой траве. Проселочную дорогу, до которой мы наконец добрались, пересекали длинные, резко очерченные тени деревьев. Камни на земле не были гладкими, скорее напоминая осколки валунов, пропущенных через огромную дробилку, но и при своих малых размерах они отбрасывали заметные, еще более резкие тени.

Мы шли быстро, согреваясь движением, и я временами переходил на трусцу, чтобы не от-

стать. Кэти была молчалива еще со вчерашнего вечера, но вроде слегка оживилась, когда мы прибавили шагу.

— С каких пор ты ее знаешь? — спросила она у Папы.

— Нас познакомила ваша мама.

После упоминания о маме никто больше не произнес ни слова. Мы почти никогда о ней не говорили и сейчас просто не знали, как истолковать его последнюю фразу: как приглашение к разговору или как предостережение. В его голосе и выражении лица я не смог уловить намека ни на первое, ни на второе. Он шел себе и шел, а я поглядывал то на него, то на дорогу перед собой, совсем как наши верные собаки, которые держались рядом и через каждые несколько шагов вопросительно обращали морды к хозяевам. Они смотрели на меня и на Кэти. Мы, в свою очередь, смотрели на Папу.

Бекки, во время прогулок обычно не отбегавшая далеко от меня, сейчас была на полшага впереди, молотя хвостом по моим ногам. Я то и дело на нее натыкался и притормаживал, чтобы ненароком не пнуть.

Садик перед домом Вивьен был ухоженным, но не настолько, чтобы утратить натуральный вид.

Земля была неровной, а розовые кусты у корней обвивали какие-то стелющиеся сорняки, но в то же время я не заметил нигде опавших листьев и сухих веточек. Стало быть, все здесь регулярно подчищали. Газон уперся в площадку перед домом, и край его был подстрижен предельно низко, дабы подчеркнуть ровную линию стыка, параллельную французским окнам фасада.

Папа постучал, Вивьен открыла дверь и уставилась на нас. Ростом с Папу, но узкая в плечах. Румяные щеки и синие круги под глазами. Темно-рыжие волосы и такая белая кожа, что сквозь нее, казалось, можно видеть бегущую по жилам кровь. Это была правдивая кожа: под ней не спрячешь внутренние изъяны, дефекты или болячки. Выглядела она усталой — может, из-за недосыпания, а может, и в целом от жизни. Ей, наверное, было лет сорок, но могло быть как больше, так и меньше — с этими глазами, меняющими цвет с ярко-зеленого на тускло-желтый, и легкой сутулостью, какую можно заметить и у пожилых дам, и у девчонок-подростков. Несколько мгновений она молча смотрела на нас, долго втягивая воздух при вдохе и потом резко выдыхая, как будто обдумывала вступительную фразу или же готовилась захлопнуть перед нами дверь.

— Не ожидала вас в такую рань, — наконец обратилась она к Папе, но при этом разглядывая поочередно меня и Кэти. Лишь затем подняла глаза на Папу, улыбнулась, шире распахнула дверь и, оглядев нас всех еще раз, пригласила в дом.

Кэти первая откликнулась на приглашение, перешагнула порог и остановилась перед хозяйкой, которая положила длинные руки ей на плечи.

— Ты, должно быть, Кэтрин, — сказала она. — Когда я видела тебя в последний раз, ты еще только начинала ходить, а твой брат лежал в колыбели.

Она пропустила Кэти внутрь, и следом порог переступил я.

Вивьен посмотрела на меня и взяла за плечи, как ранее Кэти:

— Дэниел. Входи.

В гостиной было светло, несмотря на обилие высоких растений на подоконниках. Фасадные окна, по периметру оклеенные толстой бумагой, смотрели на юго-восток, навстречу утреннему солнцу, лучи которого далеко проникали внутрь комнаты. Здесь был глубокий диван с истертой бархатной обивкой и двумя подушками на сиденье, продавленными ближе к середине и более пухлыми у подлокотников. Шерстяное

покрывало, небрежно перекинутое через один из подлокотников, было украшено красно-белым вышитым пейзажем, толком разглядеть который мне не удалось из-за складок. На полу лежали два ковра, один поверх другого: серый палас размером во всю гостиную и небольшой прямоугольный ковер с бахромой вдоль коротких сторон и рисунком из причудливых линий и угловатых фигур (будь я помладше или один в комнате, тут же сел бы на него и начал обводить пальцем узоры). В центре комнаты стоял кофейный столик, а у окна — круглый стол под белой скатертью, с придвинутым к нему стулом. Судя по пустой тарелке и чашке с остатками чая или кофе, за этим столом Вивьен только что завтракала. В камине, за защитным экраном, виднелись готовые к растопке дрова, но огонь еще не был разожжен. Печные принадлежности хранились в железной корзине. Щипцы. Кочерга. Совок. Жесткая метелка. И еще свернутые плотными треугольниками газеты в плетеном коробе, предусмотрительно задвинутом в угол, подальше от очага. Среди безделушек на каминной полке мне особо запомнились небольшие часы с римским циферблатом, которые были вправлены в грубо отесанный кусок известняка.

Папа и Вивьен вошли в гостиную, присоединившись к нам с Кэти. Папа уже снял куртку и сунул руки в карманы брюк, а она крест-на-крест обхватила себя за плечи.

Они стали рядышком, этак по-свойски, словно и не расставались на многие годы. Чувствовалось, что давнее знакомство позволяет им держаться непринужденно. Она стояла сбоку и чуть впереди, так что он вполне мог ее приобнять. Со своего места я не видел, был ли между ними контакт в ту минуту.

Папа открыл рот. В тот день он показался мне особенно красивым — правда мое понимание мужской красоты не могло быть объективным при моем отце в качестве эталона.

— Вивьен была подругой вашей мамы, — сказал Папа самым серьезным тоном. — Она будет учить вас вещам, которым я научить не смогу. Она хороша как раз там, где от меня нет толку. Отныне по утрам будете заниматься с ней.

Мы с Кэти привыкли подчиняться папиным приказам. Временами наша семья больше походила на армейское подразделение, но Папа был не из тех командиров, которые заставят вас делать что-нибудь ненужное.

Вивьен заметно нервничала. В своих стенах, но

не в своей тарелке. Она смотрела в пространство между нами; розовые губы побледнели, но все-таки сложились в улыбку.

А вот Папе эта затея была явно по душе. Он довольно хлопнул в ладоши и сказал:

— Стало быть, так и сделаем. Я оставлю вас тут на несколько часов. Можете начать занятия прямо сейчас.

Он повернулся и вышел из комнаты. Я услышал шорох в прихожей, когда он снимал с вешалки и надевал куртку, еще не успевшую потерять тепло его тела. Щелкнула, закрываясь, входная дверь.

Кэти с кислым выражением лица недоверчиво взирала на Вивьен. А та наконец разомкнула скрещенные руки, подошла к маленькому круглому столу у окна, где еще стояла чашка из-под чая и валялись хлебные крошки после завтрака. Выдвинула стул и села. Она смотрела на нас обоих, но все же больше на Кэти.

— Я постараюсь сделать так, чтобы эти уроки стали для каждого из вас приятным времяпровождением.

В первый же миг я подумал, что выразилась она неудачно. Кэти молча глядела на нее. При этом она не поднимала брови, не округляла глаза. Она даже губы не надула. Просто глядела, и все.

Ее покоробил этот покровительственный тон. Я сразу догадался, потому что хорошо знал свою сестру — лучше, чем кто-либо, включая Папу, хотя для него Кэти была по духу ближе всех.

А Вивьен в свою очередь смотрела на Кэти, не понимая, почему ее слова остались без ответа.

Кэти со всей серьезностью относилась к папиным стараниям подготовить нас к борьбе с большим миром. Эта подготовка, похоже, добавляла ей уверенности в себе. Она хотела во всем походить на Папу и верила его словам о том, что она другая, что ей надо учиться своим особым вещам, искать собственные пути к выживанию. И раз уж Папа считал уроки Вивьен важными, Кэти была готова заниматься — по крайней мере, на первых порах.

Посему она прекратила играть в гляделки и вернулась в реальность.

— Ну и что мы должны делать? — спросила она.

Вивьен нерешительно улыбнулась.

Ближе к вечеру мы с Кэти отправились на ту поляну, где находилось наше временное жилье в период папиного строительства. Утоптанная за лето почва еще сильнее затвердела на морозе, а нависающие ветви деревьев оголились. Два

холодных пенька послужили нам сиденьями.

— Хуже не придумаешь, чем вырасти похожей на нее, — сказала Кэти, имея в виду Вивьен.

— А по мне, так она ничего, — сказал я. — Просто она мало похожа на нас, но ничего плохого в этом я не вижу.

Кэти не ответила. Она казалась печальной и встревоженной, уткнулась взглядом в кружку с чаем, которую сжимала в ладонях.

Мы вышли из дома потому, что Папа был в плохом настроении и заперся в своей комнате. Весь день он был бодрым и оживленным, но, когда солнце начало клониться к закату, около пяти часов, он помрачнел и тихонько покинул кухню. Мы не сразу заметили его отсутствие, занятые приготовлением ужина. Лишь после того, как мы поместили очищенный картофель в духовку и сели передохнуть, обнаружилось, что Папы с нами нет. Кэти пошла спросить, не хочет ли он сидра или пива перед ужином, но дверь его комнаты была заперта изнутри — и никакого ответа оттуда. Она вернулась на кухню, и, когда еда была готова, мы поужинали вдвоем, а накрытую миску с папиной порцией оставили на теплой полке над плитой. Время шло, Папа так и не появлялся, и тогда я предложил Кэти

выбраться на свежий воздух.

Он уже не в первый раз вот так надолго запирался от всех, но причины этого нам были неизвестны. Конечно, мы догадывались, что он обеспокоен какими-то вещами, о которых не хочет рассказывать нам, но мы не могли знать это наверняка. Я никогда не видел его колеблющимся, растерянным или смущенным; и само собой разумелось, что я никогда не увижу его плачущим. Возможно, он бывал иным, когда запирался в комнате. Возможно, в те минуты он был самим собой больше — или, наоборот, меньше — обычного, это уж как рассудить. Но я мог только строить предположения, потому что своими глазами этого не видел.

Не дождавшись от Кэти ответа, я еще раз обдумал ее слова о Вивьен, пытаясь понять, что конкретно она имела в виду. Такое с ней случалось: вдруг начинала испытывать неприязнь к тому или иному человеку. Потом втолковывала мне, почему именно эти люди плохие, и, как правило, я принимал ее точку зрения. Но в этот раз она не снизошла до объяснений, и мне пришлось искать их самостоятельно.

— Она не очень-то дружелюбна, — сказал я после паузы. — То есть вроде бы да и вроде бы

нет. Она была вежливой и старалась помочь, тут придраться не к чему. Но при этом у нее все время был такой рассеянный вид, словно ей хотелось поскорее от нас избавиться.

Кэти по-прежнему молчала, и я выдал новую мысль:

— Она как будто нас стыдилась. А ведь там не было других людей, которые могли бы видеть ее в нашей компании. Некому было спросить, как ее угораздило с нами связаться. И все же она смущалась, причем смущение было не того сорта, когда человек не умеет или не готов что-то сделать. Казалось, ей чудится присутствие кого-то невидимого и она не хочет, чтобы эти невидимки застали ее за общением с нами.

— Я думала не об этом, — продолжила Кэти. — Я о том, как она двигается. Как она ходит. У нее самое жуткое тело из всех, какие я видела. Она не может идти прямо вперед, всякий раз ее заносит в сторону. Все дело в ее бедрах. Хотя ее не назовешь толстухой. Лишнего веса нет, но задница такая широченная, что ей никак с этим не совладать. При ходьбе таз качается влево-вправо и тянет ее за собой. Боже, это отвратительно! Ты можешь себе представить бег с такими бедрами? Как можно убежать от кого-нибудь, когда тебя тормозят

собственные кости? Каково это: ощущать свои ноги пришпандоренными к такому заду? При любом ускорении мышцы перекрутятся, и колени не смогут удержать этот таз и эти бедра на одной линии со ступнями. Ты стараешься двигаться вперед, а чертовы кости тянут тебя назад. Боже, чем такая хрень, лучше сдохнуть на месте!

После паузы ее понесло дальше:

— Ты помнишь тот день у канала, Дэниел? Я сейчас уже не могу сказать точно, в каком городе и в каком году это было, зато помню, что ты был тогда в белой майке с оранжевым закатным солнцем, которую Бабуля Морли привезла в подарок с курорта, — единственный случай на моей памяти, когда она ездила куда-то отдыхать. А это значит, что тебе было лет восемь, потому что потом ты стал очень быстро расти и уже в девять или десять лет эта майка на тебя бы не налезла. Может, Шеффилд?.. Точно не поручусь, да оно и не суть важно. Мы тогда были вдвоем, без Папы. Наверно, отправился на кулачную драку куда-то за город. Ну вот, значит, шли мы с тобой вдоль канала. И уже на закате увидели ту женщину под мостом. Она сидела с высоко задранными коленями и баюкала в ладонях собственное лицо, будто ее щеки были чем-то самым мягким и неж-

ным, чего ей случалось касаться, и она только сейчас впервые в жизни до них дотронулась. Мы прошли мимо нее; под мостом были лужи блевотины и кучи золы, но никаких следов пожара — зола просто лежала на мощеной дорожке. Там же валялась раскрытая сумочка, из которой выпали на землю бумажные салфетки, помада и все такое, но женщина этого вроде как не заметила и уж тем более не поднялась, чтобы собрать свои манатки. Пахло истоптанной и увядшей травой и еще пахло псиной. А в тени был мужчина. Помнишь того мужчину, почти совсем скрытого тенью моста? Того, что стоял на грязевой обочине за пределами тротуара?

— Я не помню ничего из этого, — сказал я.

Так оно и было. Но я вспомнил, как позднее на той неделе в новостях сообщили о пропавшей женщине, которую в последний раз видели на берегу канала. И вспомнил, как сестра рассказала нам о женщине под мостом и маячившем там же мужчине.

— Но ты же мне веришь? — спросила она умоляюще.

— Да, конечно, я тебе верю.

— И ты веришь, что я была права? Насчет мужчины, который скрывался в тени и потом

спихнул ее в воду?

Я посмотрел ей в глаза. Полиция тогда неделями искала Джессику Харман, девятнадцати лет, пока ее тело не обнаружили у плотины в нескольких милях ниже по течению. После опознания они пришли к выводу, что смерть наступила от естественных причин. По их словам, она была пьяна и по пути домой случайно свалилась в канал, а сильное течение после недавнего паводка унесло ее далеко от места гибели. Впрочем, к этому выводу они пришли еще до того, как отыскали тело. Как было установлено, тем вечером она выпивала в компании друзей. Полиция не выявила никого, кто имел бы мотив для ее убийства. А потом нашлось тело, и они решили, что их версия подтвердилась. Но Кэти была уверена, что видела Джессику Харман и какого-то мужчину, который вскоре после того столкнул ее в воду.

Спустя две недели у шлюза еще ниже по течению было найдено тело студента. И опять полиция решила, что он свалился в канал, будучи пьяным, или же покончил с собой. А мы снова вспомнили о мужчине средних лет, которого Кэти заметила в тени моста и которому не составило бы труда, появившись внезапно из своего укрытия, скинуть прохожего в воду.

Это и на убийство-то не походило: легкого тычка локтем было бы достаточно для человека, и так нетвердо стоящего на ногах. Незнакомец без особых примет. Такого никогда не поймают, если только кто-нибудь не застанет его на месте преступления.

И вот Папа по просьбе Кэти стал наводить справки в округе. Он ничего не выяснил, но все равно продолжал поиски. Неделю за неделей он по ночам ходил вдоль каналов, но не заметил ничего необычного. Он сказал, что, если там и скрывался убийца, подстерегавший молодых женщин, папино присутствие должно было его отпугнуть.

Разумеется, мы ничего не сообщили полиции. Нам с Кэти это даже в голову не пришло. Доверия к ним у нас не было. Как и у них к нам.

Однако Кэти мы все верили.

Глава пятая

За неделю до Рождества морозы усилились. С похолоданием я сделался вялым и малоподвижным. Обычно всегда готовый помочь Папе с работами на улице, я теперь все больше времени проводил на кухне, беря на себя лишь те обязанности, которые позволяли оставаться в помещении. Я следил за тем, чтобы печь регулярно протапливалась, а запас дров в подсобке был достаточно велик и не требовал слишком частых походов за ними наружу. Я делал уборку в доме, пек пироги и кексы для рождественского застолья. В самый канун Папа посетил магазин в деревне и принес оттуда разноцветные листы бумаги — золотистой, серебряной, красной, белой и зеленой, — и я занялся изготовлением украшений с помощью ножниц и клея.

Усевшись за кухонный стол, я делал снежинки, как нас учили в школе. Я вырезал круги и, сложив их вчетверо, проделывал надрезы по краям, так что в развернутом виде эти листы превращались в подобие иззубренных, но симметричных кристалликов льда, падающих с небес. Золотая бумага пошла на звезды, а из зеленой я вырезал

контуры деревьев. Зимних деревьев. Скопировал все немногие сосны в нашей роще, поскольку лишь они оставались зелеными. С тех же сосен Папа нарезал веток с шишками для венков и гирлянд, которые я постарался сделать по возможности красивее, беря за образцы рождественские открытки.

— Забавный ты парень, — сказал мне Папа утром в канун Рождества.

Было около девяти, и он уже провел за работой несколько часов. Он покормил кур и выпустил на прогулку щенков, к тому времени превратившихся в крупных, долговязых, вечно растрепанных недорослей с острыми молочными резцами. Ночью прошел снег, и Папа расчистил подступы к дому, накидав там и сям сугробы, похожие на извилистую гряду разновеликих гор. Щенки оставили на снегу множество глубоких следов и теперь штурмовали эти новые вершины.

— Что во мне забавного? — спросил я.

— Так сразу и не объяснишь. Ну вот, к примеру, эта возня с украшением дома и все такое.

С этими словами он сел к столу, выдвинув стул, а я поднялся, чтобы наполнить его чашку из кофейника, который давно уже стоял на плите. Мы всегда подолгу готовили кофе, часами держали

его на горячей полке, и он получался крепко настоянным, горьким, с дымком. Именно таким мы его любили.

Я подал Папе обильный завтрак, покончив с которым он вновь отправился на холод по своим делам.

Остаток утра я провел, занимаясь бумажными украшениями, которые затем развесил по всему дому. Часть резных фигур я пропихнул в щели между оконными рамами, и теперь стекла казались покрытыми естественными морозными узорами. Другие я прилепил к шкафам, пристроил на полках или в рамках картин. Я подвесил цепочки из золотых, серебряных, красных, зеленых и белых колец — сделанные из остатков и обрезков — на крюки под потолком кухни, изначально предназначенные Папой для хранения вяленого мяса.

К обеду Папа не появился. Это было необычно, тем более в такой холодный день. Какое-то время я провел у окна в ожидании, но не дождался и тогда налил овощной суп в миски для себя и Кэти. Мы обменялись парой слов касательно задержки Папы, а в остальном обед прошел в безмятежном молчании.

Но с наступлением вечерних сумерек я начал

волноваться. Не из-за позднего времени — еще не было и четырех, а в это время года и очухаться спросонок толком не успеешь, как уже наступает вечер. Однако Папа крайне редко оставался снаружи весь день до сумерек, не заглядывая домой ни разу, чтобы подкрепиться. Если и не полноценным обедом, то хотя бы овсяной лепешкой. А ведь нынче был сочельник. По такому случаю я приготовил настоящее пиршество: горячие пироги и тушеные овощи на этот вечер, а назавтра нашим главным блюдом был назначен жареный гусь. Кэти специально осталась дома, чтобы попрактиковаться в исполнении рождественских гимнов на своей скрипке. При этом ее смычок слишком энергично двигался по струнам, скорее в стиле разухабистой матросской песни, но я все же узнавал мелодии гимнов и даже стал мычать в такт, когда она разошлась не на шутку, а временами — если знал слова — подпевал во весь голос.

Когда уже совсем стемнело, я подумал, что надо бы взять фонарик и отправиться на поиски Папы, однако мир снаружи был слишком большим и после снегопада выглядел непривычно. Я неплохо изучил нашу рощу, но все равно сомневался, что смогу там ориентироваться при свете фонарика и его отражений от яркой снежной белизны,

которая поглощала знакомые краски и приметы ландшафта. И потом, я не был уверен, что Папа вообще находится в роще. Чаще всего он работал там, но не всегда. Перед уходом он упомянул о каком-то незаконченном деле, но сказал, что это не займет много времени.

Затем я вспомнил об инструментах, которыми он пользовался в лесу. Об острых топорах, мачете и пилах. И мне представилось, как он ненароком поскальзывается и рассекает себе бедро, где находятся главные глубокие артерии, и умирает на холоде и его кровь сначала растапливает снег вокруг, а потом застывает потеками красного льда.

Я уже надел ботинки и куртку, когда Папа возник на пороге. В прихожей было темно, поскольку я затворил кухонную дверь, чтобы не выпускать тепло, так что Папа был освещен только звездами снаружи и желтоватым огнем переносного фонаря, который он держал перед собой.

— Собираешься на прогулку? — спросил он.

— Хотел проверить, куда ты подевался.

— Где твоя сестра?

Он не стал дожидаться ответа и громко ее позвал. Скрипичная музыка тотчас оборвалась, и Кэти вышла из комнаты в прихожую.

— Пойдемте со мной оба, — сказал Папа.

Кэти мигом вставила ноги в сапоги, метнулась к вешалке и напялила все свои шерстяные одежды, довершив наряд темно-синим макинтошем. Вслед за Папой мы вышли на холод и плотно прикрыли за собой дверь. Отпечатки его ног вели к дому от края рощи, и мы направились по ним обратно, стараясь ступать след в след, чтобы не месить снег без лишней надобности. Оголенные ясени и орешники содрогались при каждом порыве ветра. Их ветви обледенели и покрылись хлопьями снега — в особенности орешник, густые многолетние заросли которого позволяли снегу обильно накапливаться, уплотняться, подтаивать и вновь замерзать уже в виде льда. На верхних ветвях в разгар солнечного дня отрастали сосульки, когда неторопливая капель была застигнута на пути вниз повторным заморозком.

Мы шли вглубь рощи. Фонарь покачивался в папиной руке, когда мы огибали деревья, и вместе с его светом качались тонкие тени ветвей, уже потерявших листья. А когда мы проходили мимо вечнозеленых сосен, тени мохнатились — свет слабенько просачивался сквозь разлапистые хвойные ветви, как вода через собачью шерсть.

А затем освещение начало меняться, и тени теперь направлялись навстречу нам, отбрасывае-

мые каким-то новым светом впереди. И этот свет становился все ярче с каждым нашим шагом, пересиливая огонек папиного фонаря. Но мы еще не могли распознать его источник, заслоняемый стволами деревьев и заснеженным подлеском. Пока что мы видели только свет, отражаемый снегом, и по мере нашего продвижения лес вокруг просматривался все отчетливее.

Но вот мы обогнули здоровенную сосну и наконец поняли, откуда исходило свечение. Там стояла еще одна, гораздо меньшая, сосенка — ниже папиного роста, — и вся она была усеяна горящими лампочками. Приглядевшись, я обнаружил, что лампочки были сделаны из обыкновенных молочных бутылок, подвешенных за горлышки к ветвям. Каждая бутылка была на четверть заполнена маслом с тонкой жестяной крышкой поверх него и фитилем, пропущенным через дырочку в ее центре. Эти крышки не позволяли маслу внутри вспыхнуть разом, так что горел только кончик промасленного фитиля. Воздух в верхних трех четвертях бутылок циркулировал вокруг сочно-янтарного пламени; при этом огоньки соседних ламп отблескивали от их стекол и преломлялись в слоях масла, которое мерцало и слабо двигалось, затягиваемое в фи-

тиль, — двигалось едва заметно, как наплывает на берег спокойная вода под воздействием земного вращения. Это было здоровское зрелище.

Мы простояли там с полчаса, глядя на лампочки, покачивая их для игры света, дымя сигаретами, болтая о разных вещах и вдыхая холодный лесной воздух. Обратный путь до дома мы проделали в молчании, уже истратив весь дневной запас слов. Позднее той ночью, забравшись в постель, я почувствовал себя особенно уютно. Мягкие одеяла приятно контрастировали с колючим холодом снаружи. Я укрылся ими по самые ноздри и сразу заснул, успокоенный этим теплом и привычным запахом давно не стиранного белья.

Утро Рождества началось с яркого солнца, а завершилось дождем со снегом. Если сначала пейзаж сверкал белизной, а небо отблескивало глянцем, то к полудню мир за окнами сделался матово-мутным.

Мы пожарили и съели гуся, а Кэти сыграла на скрипке гимны.

Той ночью мы снова ходили к рождественскому дереву и потом повторяли эти походы двенадцать ночей подряд, вплоть до кануна Богоявления. Папа сказал, что так положено. Он заправлял и

вновь зажигал лампы всякий раз перед нашим приходом, так что мы всегда наблюдали одну и ту же картину. Смешанный запах парафина и сосновых игл висел в нагретом воздухе. Горящее масло слабо потрескивало и шипело.

Когда праздники закончились, Папа снял молочные бутылки с ветвей, сложил их в ящик и убрал в кладовую, где хранились его инструменты. Он сказал, что через год мы снова ими воспользуемся, как и моими бумажными украшениями. Но через несколько дней мы с Кэти обнаружили в нашей поленнице кучу обгорелых веток с пожелтевшими иглами. Ветки с нашего рождественского дерева. Кое-где иглы были еще зелеными, и на срезах виднелось живое дерево, но где-то ветки прочернились насквозь, стали сухими и хрупкими, а от мелких побегов остались только прутики с развилками. Как опаленные перья огромной птицы. Видимо, в тех местах лампы дали протечку, и масло выгорело разом.

Мы обошли рощу, оценивая причиненный ущерб. Там обнаружились и другие свежесрезанные ветки, но угольно-черных уже не было. Папа удалил их все. А сама сосенка выглядела жиденькой. Она была изранена — точнее, даже не изранена, а искалечена. Теперь она выглядела

жалкой по сравнению со своими пушистыми ровесницами.

В нашем быту мы постоянно использовали деревья. Мы обрубали сучья и валили целые стволы. Мы жгли дрова в печи и вырезали из дерева всякие нужные вещи. Если подумать, этот случай не так уж сильно отличался от прочих.

Глава шестая

Мистер Прайс был из тех людей, которые могут нарочно придать ускорение своей машине, если заметят пешеходов на дороге перед собой. Стоило вам очутиться на его пути, и до вас тотчас доносился рев набирающего обороты двигателя.

Кэти говорила, что Прайсу приятно видеть, как мы удираем, но это была отнюдь не игра того типа, когда взрослый человек шутливо поддразнивает ребятишек. К примеру, ловит случайно прилетевший под ноги мяч и делает вид, что хочет забрать его себе, но после криков детворы, конечно, бросает его обратно с улыбкой и дружеским кивком. Кэти говорила, что мистер Прайс поступает так с людьми, которые ему не нравятся, и особенно с нами, потому что нашу семью он вообще терпеть не может и натурально кайфует, заставляя нас драпать от его машины. А еще Кэти говорила, что он бы охотно нас задавил, но ему также в кайф и такие «почти удавшиеся» попытки. Хотя, вообще-то, ему нас прикончить слабо, пока Папа с нами, добавила она, вот он и тешится тем, что заставляет нас побегать.

Мистер Прайс имел несколько машин, но своих

арендаторов всегда посещал на синем «пежо салуне». Арендаторами считались те, кто расплачивался с ним наличкой. Остальные же в порядке арендной платы выполняли для него всякие левые работы — на его земле или где еще. Лично он предпочитал второй способ. Так он мог вволю помыкать людьми, при этом не платя им ни пенса.

Земля, которой он владел, в основном досталась ему по наследству. Большинство домов в окрестных деревнях принадлежало ему, как и земельные участки, размерами превосходящие угодья любого из местных фермеров. Позднее он стал приобретать дома в городе. Когда-то эти дома были муниципальной собственностью, а в восьмидесятых жильцам разрешили их выкупить с большой скидкой. Теперь же мистер Прайс покупал дома у владельцев, пользуясь их денежными затруднениями. Люди оставались жить в домах, но вновь стали платить аренду. На сей раз мистеру Прайсу. Наличкой или натурой.

У мистера Прайса было два сына: Том и Чарли. Они учились в частной школе-пансионе в нескольких милях к югу отсюда, мотались по крикетным и регбийным полям, а выходные и каникулы проводили в отцовском доме.

Мы слышали разные истории от людей в деревне. Истории о двух смазливых задаваках, которые могли этак запросто учинить погром в баре, зная, что папаша замнет дело и покроет убытки. Которые еще мальчишками угнали трактор одного фермера и проехали насквозь через его амбар, проложив тоннель в прессованном сене. Но частная школа таки привила им вкус к более стильным безобразиям. И теперь, будучи уже почти взрослыми, они с ревом гоняли по деревне на отцовских спортивных тачках или, накачавшись виски под завязку, устраивали ночные гонки на квадроциклах по соседским пшеничным полям. Парочка отвязных задавак.

Мистер Прайс не давал о себе знать в наши первые лето и осень на новом месте, и его первый визит состоялся вскоре после Нового года. С той поры он периодически к нам наведывался, хотя мы не были его арендаторами. Папа просто занял бесхозный участок земли, но не оформил приобретение по закону. И мы поставили на этом участке наш дом, как крепость.

В первый раз Прайс приехал к нам не на синем «пежо», а на «лендровере». Это был самый большой из его автомобилей, и мы издалека услышали, как он подкатывает по разбитой грун-

товке к нашему дому. Мы услышали шорох и хруст камешков, давимых жесткими шинами. Папа, в ту минуту вытиравший посуду после мытья, переместился к окну. Зрение у Папы было отменное, и с мистером Прайсом ему случалось общаться в былые времена, однако сейчас он не сразу опознал водителя. Он перекинул через плечо кухонное полотенце, открыл дверь и вышел за порог. Люди здесь появлялись так редко — не говоря уже о приезде машин, — что мы с Кэти поспешили к нему присоединиться.

Был конец января, и склон холма под нами покрывали облака распустившихся подснежников. Мистер Прайс затормозил перед крыльцом, шагнул на землю с высокой подножки «лендровера» и посмотрел на нас снизу вверх. Он был в коричневой вощеной куртке и сапогах оливкового цвета. В его пепельных волосах проглядывали белые пряди. В целом крепкого сложения, ростом под шесть футов, аккуратно подстриженный и чисто выбритый, с правильными чертами лица.

При всей его кажущейся брутальности, Папа хорошо относился к другим людям. Он испытывал к ним примерно такую же симпатию, какую испытывает охотник к своей добыче: глубокую и искреннюю, но в сочетании с внимательной

оценкой. Он имел не так уж много настоящих друзей, да и с теми виделся редко, но если убеждался, что имеет дело с достойным человеком, это знакомство воспринималось им как драгоценный подарок судьбы. О таких людях Папа всячески заботился.

Мистер Прайс подарком явно не был. Только сейчас Папа узнал визитера. И не сделал ни шагу навстречу, ожидая его на крыльце.

Прайс приблизился и протянул Папе руку. Его не сильно загорелая кожа казалась твердой и маслянисто-гладкой, как свежеструганая сосновая доска. Перстней на пальцах не было, но на запястье сверкали золотые часы.

— Ты не предупредил меня, что приедешь, — сказал Папа.

— У меня нет твоего номера, Джон. Как бы я мог тебя предупредить?

Прайс достал из внутреннего кармана матерчатое кепи, одним движением свободной руки пригладил волосы и водрузил кепи на голову.

— Да хотя бы через кого-нибудь в деревне, — сказал Папа.

Прайс пожал плечами.

— Возможно, ты прикинул, что тогда я пошлю тебя к черту, — предположил Папа.

— Уверен, ты бы этого не сделал, Джон. Как-никак, нам двоим есть что вспомнить. Я полагал, ты встретишь меня как старинного друга. — Прайс улыбнулся. — Ведь когда-то мы с тобой имели нечто реально общее.

Тут он уже рассмеялся. У него были ослепительно-белые вставные зубы и багровые десны.

— Что тебе нужно? — спросил Папа.

— Да так, ничего особенного. То есть для тебя ничего особенного. А для меня это важно, и я уверен, ты это поймешь. — Он взглянул поочередно на меня, на Кэти и снова на меня. — Ты по-прежнему гоняешь голубей, Джон? У тебя есть голубятня?

— Нет, — сказал Папа, — я забросил это дело много лет назад.

Он стоял, распрямившись во весь свой внушительный рост. Всякий раз, когда он вдыхал полной грудью под завязку, Папа казался более легким, чем был на самом деле, как наполненный воздухом купол цирка шапито.

Похоже, Прайса его слова не убедили.

— Видишь ли, у меня пропал голубь. Один из самых быстрых. То есть я надеялся, что он таким станет. Молодой еще, я только начал его натаскивать. Он из лучшей породной линии, какая у меня

есть, и я… я очень на него рассчитывал. И вот он не вернулся из последнего пробного вылета. Хотя должен был прилететь в голубятню еще вчера.

— Может, он не так быстр, как тебе хотелось бы.

— Нет-нет. Я выпустил его не очень далеко отсюда. На такой дистанции, даже лети он медленно, опоздание составляло бы какие-то часы или минуты. Но никак не целые сутки.

— Значит, ему каюк.

Мистер Прайс закусил нижнюю губу:

— Это я уже понял. Но хочу выяснить почему. Может, его переманили? Или подстрелили?

— И это все, о чем ты хотел со мной поговорить?

— Да, конечно. О чем же еще?

— Ну, тогда отвечу коротко и четко: я знать не знаю, куда подевался твой голубь. Поспрашивай кого-нибудь еще.

Но Прайс не спешил нас покинуть. Он переступил с ноги на ногу и продолжил:

— Ты ведь охотишься в этих местах, верно, Джон? И не всегда законно, полагаю, ну да это пустяки, говоря между нами, друзьями. Никого это здесь не волнует — ущерб-то невелик. Кроме того, многие фермеры готовы считать это платой

за то, что ты очищаешь их поля от вредителей. Подумаешь, фазан-другой за истребление двух дюжин кроликов, а? Так что претензий к тебе никаких. Тем более ты хорошо известен в округе.

Он сделал паузу, вероятно ожидая ответа, но не дождался и продолжил:

— Но ты ведь ешь этих кроликов, не так ли? Ты ведь убиваешь их не из чисто спортивного интереса. Могу предположить, что эти твои ребятишки здорово наловчились в свежевании всяких зверюшек. Да и птицу ощиплют в два счета, готов поспорить.

— Твою пичугу мы не убивали и не ели. Я в состоянии отличить лесного голубя от почтовика. Не иначе, его сбил ястреб — наверняка ты и сам так подумал первым делом поутру, прежде чем явиться в мой дом.

Прайс как будто собрался возразить, однако не стал этого делать. Чуть помолчав, он сказал:

— Ты прав. Я понимаю, что ты прав. Я только хотел выяснить, вдруг ты что-нибудь видел? Это был очень красивый голубь. Я возился с этой породной линией больше десяти лет, и он был лучшим из них. Но теперь уже ничего не поделаешь. Виноват ястреб, и я сегодня же расставлю несколько ловушек, чтобы этих стервецов

поубавилось. Сделай одолжение, подстрели какого-нибудь ястреба, если увидишь, договорились?

— Я не буду этого делать.

— Ну да, конечно же не будешь. Ладно, закроем тему. Поглядим, насколько быстрыми окажутся его братья и сестры. Может, ястребы за ними не угонятся.

Он уже собрался уходить — и почти было ушел, — но в последний момент задержался, снова посмотрев на Кэти и на меня.

— Твоим детям, должно быть, одиноко вдали от школы и сверстников. Вас тут всего-то трое. Немудрено заскучать, — сказал он и после короткой паузы добавил: — Как-нибудь я привезу сюда моих парней, чтобы вам было с кем подружиться.

Папа ничего не сказал. Мистер Прайс скорчил Кэти гримасу и забрался в свой «лендровер». Разворачиваясь, машина надвинулась на нас и затем покатила вниз по склону. Двигатель работал еле слышно, а вскоре стих и шорох колес.

Еще какое-то время после его отбытия Папа стоял на прежнем месте, но ритм его дыхания изменился, напоминая парус, то раздуваемый, то обвисающий при нестабильном ветре.

— Что ему было нужно на самом деле, Папа? — спросила Кэти.

За зиму она здорово подросла, но это сделало ее слабее. Кости стали длиннее и тоньше, а мышцы растянулись вдоль них. И она уже не так четко контролировала свои движения, как делала это прежде. Ее колени никак не могли приспособиться к удлинившимся бедренным и берцовым костям, так что при ходьбе она приволакивала ноги. А стоя на месте, она то и дело перемещала вес с одной ноги на другую; при этом свободная нога опиралась только на носок и пристраивалась позади опорной. Возможно, дело было в трансформации ее тазовых костей. Нет, Кэти не грозило появление так пугавших ее широченных бедер, словно бы формирующих вокруг себя всю фигуру женщины, но кое-что в этом плане с ней происходило. Таз ее развивался, изменялись линии силуэта: теперь им надо было делать изгиб, чтобы перейти в поясницу и уже потом, как раньше, подниматься прямо вверх.

— Откуда ты его знаешь, Папа? — спросила она, не получив ответа на предыдущий вопрос.

От некоторых наших вопросов Папу, казалось, вот-вот разорвет на части. Он старался быть с нами честным, без утаек рассказывая правду о своей нынешней и прошлой жизни, и если при этом некоторые подробности нас шокировали,

это было только к лучшему. Все его рассказы были направлены на то, чтобы закалить нас перед столкновением с чем-то нам неведомым. Он хотел дать нам силы для борьбы со всякими мерзостями большого мира — и чем больше мы будем знать о них, тем лучше будем подготовлены. Однако наша жизнь никак не соприкасалась с большим миром, и все ограничивалось только его рассказами. Мы покинули школу и наш город, чтобы жить с Папой в маленькой уединенной роще. У нас не было друзей, да и соседей настоящих не было. Некое подобие образования мы получали от женщины, с ленивой небрежностью выдававшей нам книги из библиотеки, которую она формировала с учетом лишь собственных вкусов и образа мыслей. Ей, вероятно, досаждало наше присутствие. Она могла считать нас грязнулями и тупицами, но все же посвящала нам часть своего времени, поскольку была чем-то обязана Папе.

Наверно, по той же причине никто даже не пытался нас обидеть. Во всяком случае, никто в этих краях. Они все либо боялись Папу, либо были перед ним в долгу за какие-то давно оказанные услуги. Непохоже, чтобы они отвечали взаимностью на любовь, которую он к ним ис-

пытывал, или помощь, которую он им оказывал, снисходя с вершины нашего холма, как с древней сторожевой башни. Другие люди видели тут лишь обмен услугами и мнимую угрозу, основанную на одном только факте его физического присутствия. Тяжким бременем для них было само существование Папы где-то неподалеку, его упрямая верность своим принципам и старомодной морали, которую он якобы пытался навязать всем прочим. Щенки, подаренные нам Питером, воспринимались дарителем как нечто вроде символа вассальной зависимости, и, хотя Папа считал это вполне достаточной компенсацией за услугу, которую он в действительности оказал лишь ради удовлетворения собственного чувства справедливости, я знал: Питер все еще считает себя папиным должником либо боится, что Папа считает его таковым. А все из-за того, что Папа всегда оставался не понятым окружающими. У него не было шансов завоевать их доверие, при его-то облике и характере. В его манере общения, увы, не было ничего могущего ободрить или успокоить собеседника. О нем посторонние знали лишь то, что он был самым сильным человеком из всех известных им людей и что он был беспощаден в драке.

Ну а наш Папа, разумеется, ни о чем таком даже не подозревал. Он был способен заглянуть в души других людей не более, чем ощутить себя в их телах, таких маленьких и слабых по сравнению с его собственным. И он не видел никакой возможности для меня и Кэти выжить самостоятельно, без его поддержки. Не обладая его силой и статью, разве смогли бы мы противостоять большому миру так, как это удавалось ему? Он повидал много насилия в прошлом, он видел насилие сейчас, и он не знал других способов для человека защитить себя и найти свое место в мире, кроме как с помощью крепких кулаков и мышц. Потому-то он и держал нас здесь. Теперь я понимаю, что в его сознании мы были накрепко связаны со всем, чем он дорожил и чего он страшился.

Он не ответил и на этот вопрос Кэти.

Папа однажды сказал нам, что все битвы в любой отдельно взятый момент сводятся к поединку. Там могут быть армии, правительства, идеологии, но в каждый из моментов всегда один человек противостоит другому человеку: один убьет, другой будет убит. И в этот самый момент все прочие мужчины и женщины, будь они на твоей стороне или против тебя, просто исчезают. Ты стоишь перед одним-единственным

противником на пятачке земли и чувствуешь себя голым, во что бы ты ни был одет. По словам Папы, при общении с людьми нам следовало помнить, что в каждый отдельный момент мы можем прямо смотреть только в одну пару глаз.

Кэти повторила свой вопрос насчет мистера Прайса, и вновь безрезультатно.

— Нам всем надо держать ухо востро с этим Прайсом, — произнес он наконец. И больше ничего.

Кэти постояла молча, обхватив себя руками.

— Он еще объявится? — спросила она затем.

— Да.

Глава седьмая

Мы с Кэти посещали дом Вивьен по будним дням. Папа провожал нас, пил горячий чай с Вивьен, после чего оставлял нас там до обеда. Ее занятия напоминали школьные уроки, только без тамошних строгих правил поведения. Темы занятий зависели от ее сиюминутных интересов или мыслей, занимавших ее в данный день.

Кэти старалась быть прилежной ученицей, но ее хватало ненадолго. В начале урока она, как положено, читала, писала и присоединялась к нашему с Вивьен обсуждению прочитанного. Но потом начинала отвлекаться. Смотрела на сад за окном гостиной и на поля в отдалении, а если даже и не смотрела, то все равно было ясно, что мысли ее витают где угодно, только не здесь. А когда я пытался с ней заговорить, слова мои звучали как-то гулко и пусто, словно пролетали сквозь нее, покидали дом и исчезали вдали. Мой мозг устроен так, что я все время как бы заглядываю внутрь самого себя. А Кэти мысленно устремлялась вовне.

В конечном счете — если только день был не слишком холодный — Кэти выходила из дома в

садик. Иногда она прихватывала с собой книгу, в начале урока полученную от Вивьен. Но чаще всего оставляла ее на месте. Из сада она убегала в поля и возвращалась только перед самым приходом Папы, и мы обедали как ни в чем не бывало — словно провели все эти четыре часа вместе. Вивьен не пыталась остановить Кэти и не сообщала о ее побегах Папе. А он никогда не спрашивал, чему мы научились в течение дня. Это были два разных мира.

Я предпочитал оставаться в доме. С Папой и Кэти я проводил так много времени на свежем воздухе, что мог только приветствовать смену обстановки. В комнате всегда было тепло. Если шел дождь, крупные капли медленно стекали по двойным стеклам окон, оставляя за собой дорожки из микроскопических частиц влаги. На креслах лежали аккуратно свернутые пледы и мягкие подушки со сценами сбора урожая, вышитыми родной и двоюродными бабушками Вивьен. Эти утра в ее доме были наполнены уютом и покоем. Это была другая жизнь.

Кэти говорила о нескладном теле Вивьен, но, когда эта женщина передвигалась по своему дому, никакой неловкости я не замечал. Она как будто и не ведала о дефектах телосложения, на

которых так зацикливалась Кэти. Просто ходила туда и сюда, без видимых усилий и затруднений оказываясь в нужном ей месте. Она была начисто лишена той жесткой энергии, что присутствовала в каждом движении Папы. Думаю, именно это и беспокоило Кэти. Я также считал это необычным. Я любил отца и сестру, но Вивьен казалась созданной совсем из другого теста. Она говорила со мной об истории и поэзии, о своих путешествиях по Италии и Франции, о произведениях искусства. И мне понравилось смотреть на мир под этим углом. Я стал отдавать предпочтение внутреннему перед внешним: мне были по душе кресло, пледы и подушки, чай с булочками, портьеры, полированная бронза, книги Вивьен — и в целом уют, создаваемый всем этим. И пока я сидел в кресле, читал и пил чай, Кэти бродила или бегала по полям и лесам, тоже постигая мир на свой лад.

Однажды в январе — то было утро понедельника — мы, как обычно, пришли к Вивьен, и Кэти, в своем стиле, вскоре удалилась наружу, прихватив заданную ей работу. Я же расположился в ближайшем к камину кресле, закутавшись в стеганое одеяло. Ноги я пристроил на кожаном пуфике цвета опавшей листвы. Вивьен опусти-

лась на корточки перед очагом, огонь в котором еще не был разведен. Она брала из кипы старые газеты, сминала их в плотные шары и складывала в камин. На газеты она насыпала уголь, а сверху уложила короткие дощечки, в виде расходящихся спиц колеса. Потом зажгла четыре спички, поднесла их к углам бумажного слоя, и вся угольно-дровяная закладка постепенно объялась рваными языками пламени, кое-где уже раскаленная до ледяной белизны, а кое-где гудронисто-черная.

В городской школе я научился читать, писать, считать и выполнять простые арифметические действия, но тамошние уроки запомнились не развитием этих навыков, а рядом познавательных откровений, надолго запечатлевшихся в памяти. Когда-то люди жили в пещерах вместе с мохнатыми мамонтами. Внутри камней можно найти очень древних тварей, когда-то там застрявших и умерших. Младенец по имени Иисус был самым чудесным младенцем. Соль и сахар тают в воде и поэтому называются растворимыми. Нетопыри — самые маленькие из летучих мышей, и они могут видеть ушами. Глубокие ущелья в горах были прорезаны реками. Луна не светится сама по себе. У Иосифа был удивитель-

ный разноцветный плащ снов[4].

Уроки Вивьен отличались от школьных. В этот день я должен был читать книгу об авиации. Там были иллюстрации основных деталей самолета и схемы соединения их в единое целое. Рассматривались американские и советские самолеты и проводились сравнения между ними. За несколько недель до того Вивьен, по ее словам, озаботилась тем, что недостаточно информирует нас о науке. Науке и технике, уточнила она. А также о мире природы. После этого она стала выискивать в своей библиотеке соответствующие книги: о старинных автомобилях, о флоре и фауне Южного Уэльса, о грибах Британских островов, о геологии Гранд-Каньона, а также инструкции к фотоаппаратам, сданным в утиль много лет назад, с пояснениями, как настраивать выдержку и диафрагму при съемке. К этому она добавила словарь. Она хотела, чтобы мы запомнили новые слова из этих книг, а также определения всяких предметов и организмов, чтобы потом, услышав их названия, хотя бы знать, о чем идет речь. Я

[4] Примечания: 4

Речь о мюзикле Эндрю Ллойда Уэббера и Тима Райса «Иосиф и его удивительный плащ снов» (1968), в основу которого положена история Иосифа, сына библейского патриарха Иакова, описанная в Книге Бытия.

усвоил очень немногое из того, как и почему что-то там функционирует или за счет чего выживают разные птицы и насекомые. Я лишь научился их классифицировать.

Вивьен задержалась у очага, наблюдая, как разгорается огонь. Вытянула вперед руки, чтобы их согреть. Ладони ее все сильнее краснели от жара и света пламени. Я задумался о классификации Вивьен и попытался мысленно составить ее описание.

— Чем вы сейчас занимаетесь, Вивьен?

— Ничем, — ответила она коротко.

Я вовсе не собирался вызывать ее на разговор, но вскоре она вновь подала голос:

— В данный момент ничем, но в прошлом я чем только не занималась. Я гораздо старше, чем ты, возможно, думаешь.

До той минуты я вообще не задумывался о ее возрасте. Определяя на глаз возраст людей, я не имел других образцов для сравнения, кроме Папы, но он был настолько потрепан жизнью и в то же время так полон жизненных сил, что любой бы затруднился сказать, сколько ему лет на самом деле.

— Я была художницей, — продолжила она, — и поэтессой. И я работала в разных учреждениях,

но исключительно ради денег. Четыре месяца я училась на юриста, но затем оставила учебу. Я даже чуть было не пошла на службу во флот, что было бы совершенной нелепостью, поскольку я ничего не смыслю в морском деле, да и просто на берегу моря бывала нечасто. Одно время я жила в коттедже на побережье Норфолка, но почему-то избегала даже смотреть на море из окон, а на прогулку всегда отправлялась вглубь суши. Странно, ты не находишь?

— Когда мы с Кэти жили у Бабули Морли, мы подолгу торчали на пляже.

Вивьен улыбнулась, не разжимая губ:

— Большинство людей поступили бы точно так же. Но меня вообще ничто не интересует, сказать по правде. И ничто не заботит. Ни море, ни природа, ничто. У меня нет никаких хобби. Мои мама и бабушка занимались шитьем. — Она дотянулась до одной из вышитых подушек. — Но мне это неинтересно. Я начинаю заниматься чем-нибудь новым, но вскоре бросаю. Я писала картины и книги. Мне это нравилось, но потом наскучило.

Несколько искорок вылетело из очага; она собрала их метелкой в совок и отправила обратно. Ее колени щелкнули при разгибании.

— Я думала заняться плаванием, но так ни

разу и не попробовала, — сказала она. — Я представляю себе, каково это — находиться в водной стихии, особенно в море. Представляю, как мое тело погружается в прохладную соленую воду, как я ныряю и потом вновь появляюсь на поверхности, чтобы глотнуть воздуха. Но я ничего этого не делаю. Не иду на пляж, не лезу в воду. Порой подумываю стать актрисой. Это одна из профессий, мною еще не опробованных. А ведь я так или иначе всю жизнь изображала других людей. Разыгрывала роли, порожденные моей фантазией. Всяких отважных героев, совершающих подвиги в разных концах света. Хотя мне интересны не сами по себе подвиги, а познание чего-то нового. Увлеченность моих воображаемых героев, постигающих мир вокруг них. Но мне кажется, они увлекаются совсем не так, как я. У них это доходит до фанатизма.

Она присела на диван, но корпус держала прямо, не откидываясь на спинку.

— Что скажешь о себе, Дэниел?

— Я не знаю, что сказать.

— А об отце и сестре?

— Не знаю.

— Ну, если уж ты не знаешь, то как могу судить я? Однако я вижу, что они фанатики. Если они

берутся за что-либо, то делают это в полную силу. Выкладываются без остатка. Они не притворяются, как какие-нибудь актеры. И их не заботит, кто и как отнесется к тому, что они делают. Они просто это делают, и все.

— Папе нравятся бои, — сказал я.

— Да, я знаю, — ответила Вивьен. — Об этом мне известно все.

Похоже, так оно и было. Судя по выражению ее лица, она и впрямь знала о Папе больше, чем я. И вновь я задумался о том, как могли познакомиться столь разные люди — наш грубый, неотесанный Папа и эта холеная, воспитанная дама, живущая в красивом, элегантно обставленном доме.

— Такая у него работа, — сказал я. — Он говорит, что дерется потому, что ему за это платят.

— И ты веришь, что для него это всего лишь работа?

Я посмотрел на Вивьен. Потом перевел взгляд на огонь в камине.

— Для многих мужчин насилие является чем-то само собой разумеющимся, — сказала Вивьен. — Они вырастают среди насилия и ни к чему другому не стремятся. При этом они не понимают истинного смысла этой жизни и ненавидят каж-

дую прожитую ими минуту. Твой отец не такой. Он заводится перед началом боя и расслабляется по его завершении. Время, когда он предельно на взводе, — это момент перед первым ударом. А максимально развинченным он бывает в промежутках между боями, месяца через два после одного и за пару месяцев до следующего. Тогда-то вы и замечаете, что он как будто выбился из колеи. Твой отец просто нуждается в этом. Я о насилии. Не скажу, что он получает от этого удовольствие, однако он в этом нуждается. Только так он может прийти в норму.

Она замолчала, глядя на меня. Прошло, наверно, несколько минут, но я не отвечал, и в конце концов она задала вопрос:

— Ты когда-нибудь видел кита, Дэниел?

Я сказал, что живьем не видел, только по телевизору.

— А ты видел по телевизору прыгающего кита? Это когда он целиком поднимается над поверхностью и потом плашмя падает на воду. С мощным всплеском. Ты это видел?

Я сказал, что да.

— Никто не знает точно, зачем киты это проделывают, хотя версий существует множество. Некоторые говорят, что таким образом кит пыта-

ется увидеть мир — прежде всего море — с иной точки зрения, пытается бросить хоть один взгляд снаружи на то место, где он проводит в плавании всю свою жизнь. Это примерно как люди, запускающие ракеты к Луне только ради того, чтобы следующие пятьдесят лет разглядывать снимки Земли, сделанные оттуда. Киты хотят испытать нечто подобное. По другой версии, дело тут не в зрительном восприятии, а в том, что киты при прыжке в воздух стремятся почувствовать размеры и настоящий вес своего тела. Они ощущают силу притяжения и сухость атмосферы, а когда ударяются всей тушей о поверхность воды, этот удар потрясает их до самого нутра. Есть еще мнение, что киты в прыжке пытаются сбросить верхние, омертвелые слои кожи, избавиться от прицепившихся моллюсков и рачков, — по сходной причине лошади трутся боками о кору деревьев. Но во всех случаях суть этого действия одна, ты не находишь? Киты испытывают потребность в некоем физическом ощущении, и удовлетворить эту потребность они могут только таким способом. А потом, через какое-то время после прыжка, возникает желание его повторить, это желание постепенно усиливается и наконец подталкивает к действию. Так оно происходит с

китами, я думаю. Они плавают много дней, а то и недель, кормятся, спят, пускают фонтанчики, а потом вдруг вспоминают, каково это было в прошлый раз, когда они выпрыгивали из воды — сначала голова, потом тело с плавниками и наконец хвост, — как они чувствовали себя в тот миг зависания в воздухе, который питает их легкие, но неприятно сушит глаза, а потом вспоминают ощущение возврата в родную стихию после секундного полета. Этот удар. Этот всплеск. Впоследствии кит продолжает думать о прыжке все больше и больше, а когда тяга становится неодолимой, он выпрыгивает из океана, только чтобы упасть в него обратно мгновения спустя. И после этого на время успокаивается. Мне кажется, с твоим отцом происходит нечто подобное. Как с китами. Для него бой — это как прыжок для кита. Но кровавее, намного кровавее. И в его случае это не действие одиночки. Это не просто животное среди стихий. В этом акте необходимо участие другого животного. Другого человека. А в остальном все то же самое. Только так он может успокоиться.

Последующие часы мы провели за разговорами на отвлеченные темы и выпеканием булочек со сливочной глазурью. Вивьен держала лошадей

на просторном лугу за домом, и мы всегда могли разнообразить наши занятия нехитрой черновой работой. Вот и сейчас мы прервались, чтобы задать лошадям корм и очистить стойла от навоза.

Сестра вернулась из своих блужданий перед самым полуднем. Настроение у нее было лучше обычного. Она улыбалась, сбивая комья грязи с сапог, прежде чем снять их и оставить на шиферной плитке у задней двери. Лицо ее покраснело и обветрилось на холоде. Взгляд при этом был настороженный.

Вивьен проследила за ее появлением, а затем вернулась к своим делам. Она не поинтересовалась, где была и чем занималась Кэти. Мы как раз сервировали стол к обеду, и Вивьен протянула ей столовые приборы с костяными ручками так буднично, словно она только что спустилась в гостиную из спальни на втором этаже. Кэти попарно разложила приборы на столе, а Вивьен извлекла из буфета посуду и салфетки. Я меж тем у раковины мыл и вытирал оставленные там прошлым вечером бокалы, чтобы потом поставить их на стол вместе с кувшином воды.

— Ваш отец обещал принести к обеду бараньи ребрышки от мясника.

— От мясника по имени Эндрю Рэмси? — уточ-

нила Кэти.

— Да, от него.

— Он иногда дает нам мясную вырезку задаром. Они с Папой друзья.

— Должно быть, так оно и есть.

— Папа ходит в деревню, чтобы посидеть и выпить с Эндрю Рэмси. Он один из немногих людей, с которыми Папа не отказывается выпить.

— Должно быть, он ему доверяет.

— Когда-то давно Папа помог ему в одном деле. У Эндрю Рэмси были проблемы с поставщиком, и Папа все уладил.

— Да, он такой, ваш отец.

Кэти кивнула. Вивьен отправилась на кухню чистить картошку и морковь. Бараньи ребрышки жарятся быстро, и гарнир следовало приготовить заранее. Она попросила Кэти помочь. Обычно работы на кухне выполнял я, но Кэти была настроена пообщаться и даже сама начала разговор. Они обсуждали немногих общих знакомых. Вивьен заметила, что Кэти идут более длинные волосы по сравнению с ее прежней короткой стрижкой. Они также говорили о том, как сильно подросла Кэти. Она сказала Вивьен, что даже если продолжит расти, то я — ее младший брат — все равно вскоре ее догоню и обгоню. Вивьен огляну-

лась на меня с улыбкой. Я улыбнулся в ответ.

К моменту появления Папы с обещанным мясом овощи были уже почищены, порезаны и брошены в две кастрюли, стоявшие на газовой плите. Вивьен повернула ручки, и пламя растеклось по закопченным днищам кастрюль. Сверток с ребрышками был в бело-голубом пластиковом пакете. Вивьен достала из шкафа и поставила на огонь сковороду, о край которой сняла с ножа отрезанный кубик масла. Все это она проделала одним плавным движением. Папа стоял рядом, доставая мясо из свертка — аккуратно, чтобы не пролить скопившуюся в складках кровь. Это была барнслийская вырезка — самая лучшая. Он смачно шлепнул багровые ломти на сковороду под шипение и треск жира. Джесс и Бекки уже были тут как тут и задрали морды, втягивая ноздрями аппетитный запах. Выйдя в прихожую, я позвал их. Собаки послушались и покинули кухню. Они старались вести себя хорошо, рассчитывая получить в награду вкусные объедки.

Папа и Вивьен стояли рядом у плиты. Сейчас было заметно, насколько Папа крупнее. Его толстый, связанный резинкой шерстяной свитер дополнительно подчеркивал эту разницу. Он переворачивал куски мяса и, когда те прожарились,

подцепил их вилкой и перенес на разделочную доску. Два следующих куска были готовы быстрее — сковорода уже раскалилась. К тому же Папа и Вивьен предпочитали слабопрожаренное мясо с кровью. Удостоверившись, что картофель и морковь готовы, Вивьен извлекла дуршлаг из нижнего ящика шкафа и поместила его в раковину. Содержимое кастрюль было поочередно вывалено в дуршлаг и возвращено в кастрюли, которые затем провели несколько секунд на плите для подсушки. После этого овощи были разложены по четырем тарелкам с добавлением масла, и Кэти перенесла их на стол.

Мы ели неспешно, слушая рассказ Папы о новой скотобойне Эндрю Рэмси. Потом он рассказал о взрыве бойлера в доме Сибилы Хоули прошлой ночью. Котел распался точнехонько на две равные половины — Папа ничего подобного ранее не видел. Горячая вода разлилась по дому, но, к счастью, спальня хозяйки находилась в дальнем конце, иначе она могла бы свариться заживо. Папа по возможности привел помещения в порядок после потопа, а Сибила провела остаток ночи в гостевой спальне соседского дома. Она вполне дружила с соседями — в большинстве все они родились и до сих пор жили на той же улице.

— Надо заботиться о людях, и в конце концов это всегда обернется к лучшему, — сказал Папа.

О людях Папа заботился, это факт. По утрам вечно пропадал в окрестных деревнях и на фермах. Историй, подобных этой, он мог бы рассказать без счета.

Поев и убрав за собой посуду, мы покинули дом. Папа шел впереди вместе с нашими собаками, Джесс и Бекки, а мы с Кэти плелись следом. Трава на склоне нашего холма была мокрой. Видимо, я прозевал дождь, пока беседовал с Вивьен, сидя в ее кресле у жарко натопленного камина. Я думал о том, что она мне рассказала: о китах, о Папе и о насилии. Гладкие подошвы моих ботинок то и дело проскальзывали, и мне приходилось балансировать, взмахивая руками.

Когда мы добрались до дома, Папа сразу же взял свои инструменты и отправился в рощу. Хотя внешние стены нашего дома были надежно утеплены задолго до прихода зимы, внутри еще многое предстояло отделать. В данное время Папа занимался покрытием полов и внутренней облицовкой стен. Основным материалом было дерево. В роще всегда можно было найти что-то подходящее среди деревьев разных возрастов и разных видов.

Там Папа наскоро соорудил мастерскую и складской сарай — их стены и крыши были тонкими, но окружающие заросли предохраняли эти строения от внезапных порывов ветра, нередких на вершине холма. Рабочие инструменты Папа ради сохранности держал дома и носил с собой, когда отправлялся валить намеченные деревья, разделывать и сортировать древесину. В тот день он планировал заготовить ореховые доски для пола на кухне. Он сказал, что такой пол будет особенно долговечным. Прочность и долговечность всего в нашем доме имели для него первейшее значение. И мы с Кэти получили задание: в течение дня зачистить и подровнять черновой настил, готовясь к укладке новых досок. Я спросил у Папы, нельзя ли позвать Вивьен к нам на ужин в виде благодарности за сегодняшний обед и все другие обеды у нее, а также за ее уроки, хотя действительной причиной, о каковой я умолчал, было желание продолжить ранее начатый ею разговор. Но Папа сказал, что она предпочитает общаться в собственном доме и потому частой гостьей у нас не будет уж точно. По его словам, Вивьен была домоседкой, дорожила своим покоем и не любила изменять привычный распорядок дня.

Пока Папа трудился в роще, мы с Кэти перета-

щили стол, стулья и прочую мебель из кухни в папину спальню, а потом занялись настилом, ползая по нему на четвереньках. Это была тяжкая работа. Вскоре начали болеть мышцы. Мы скребли и строгали, скребли и строгали, периодически прерываясь, чтобы встать и потянуться всем телом, как после утреннего подъема с постели.

На заходе солнца я в очередной раз поднялся, оттолкнувшись руками от холодного пола. Дошел до кладовой в противоположном конце дома, где на мраморной полке стояло блюдо с сыром, и принес его на кухню. Из окна заметил приближающегося Папу и подошел к двери, чтобы его впустить. Широко улыбнувшись мне, он стянул перчатки и снял куртку, поочередно бросая их на стул в прихожей. Потом, очистив от грязи ботинки, облапал меня своими голиафскими ручищами, а я подумал, каково это было бы — дотронуться до настоящего кита? Несмотря на утверждения Вивьен, я знал, что Папа опаснее и в то же время добрее, чем любой из этих океанских исполинов. Он был человеком, и куда более широкий диапазон его души мог проникать вибрациями повсюду — от пронизанной светом поверхности до темнейших глубин покруче любой морской бездны. Его внутренняя музыка

могла звучать пронзительнее лая целой своры гончих или нежнее шелеста листвы.

После ужина мы с Кэти подстригали папины волосы и бороду, что традиционно проделывали каждые несколько недель. Он разделся до пояса, оставшись лишь в белой майке, открывавшей старые шрамы на его могучих плечах и густую черную поросль на груди. Опустился на колени и наклонил голову над ведром с водой, которую Кэти подогрела на плите. Мы взялись за него сразу с двух сторон. Кэти стояла перед ним с расческой и кухонными ножницами, обрабатывая щеки и подбородок. Расческа с усилием продиралась через жесткую спутанную бороду, но Папа терпел и даже не морщился. Кэти прикидывала нужную длину и отхватывала ножницами все лишнее вдоль расчески, а потом вытирала и споласкивала лицо горячей водой, удаляя мелкие черные обрезки. А я стоял позади Папы и дюйм за дюймом состригал влажные вихры на его затылке. Волосы сыпались на пол, частью оседая на моих пальцах, и я стряхивал их, осторожно проводя костяшками по папиной шее ниже затылка. Его кожа в том месте была гладкой — такой же гладкой, как на внутренней стороне моих предплечий или бедер. Он был очень чувствителен к моим прикоснове-

ниям. Вздрагивал всем телом, и я снова подумал о китах. Их кожа также чувствительна, несмотря на их огромные размеры. Они реагируют на слабые внешние раздражители типа щекотки. Даже маленькая человеческая ладонь, дотронувшись до бока кита, может вызвать у него дрожь по всему телу.

После стрижки мы с Кэти отложили ножницы и прошлись по папиной голове и подбородку щеткой для волос. При этом он зажмуривался и запрокидывал голову. Капли воды на его лице и волосах блестели в свете стоявшей на кухонном столе керосиновой лампы, отчего он казался окруженным чем-то вроде нимба, когда сидел, расслабив все мышцы, кроме лицевых, и чуть раздвинув губы в улыбке. Я взял полотенце из стопки, сложенной рядом с плитой, развернул его и вытер свежей чистой материей папино лицо. Он тихонько застонал от удовольствия.

III

Я захожу в кафе у трассы. Окна покрыты толстым слоем пыли и копоти. Смог с автострады оседает на них, образуя узоры, как черная плесень или закопченная изморозь. Дорога лижет стекла едким кислотным языком. Пышные соцветия буддлеи заполонили весь периметр автостоянки, а кое-где эти кусты уже проросли из выбоин в асфальте, на котором паркуются легковушки и грузовики.

Я толкаю дверь. Она цепляется за старый волнистый линолеум и поддается не сразу, но затем все же открывается. Я уже отвык от вида стольких людей вблизи. Это даже как-то жутковато. Но запахи кипящего масла, жареного мяса и яичницы, выпечки, пудинга с говядиной и почками, горохового пюре и картофеля фри буквально затягивают меня внутрь.

В последние несколько недель нормального питания не было. Объедки из мусорных баков, растущие на обочинах ягоды, сырая репа с фермерских полей. Однажды я съел пиццу, валявшуюся у железнодорожных путей, и весь следующий

день провел под виадуком, корчась в рвотных судорогах.

Я зашел сюда с намерением выклянчить еды. Я мечтал о яблочном пироге с заварным кремом. Я размечтался о сочном йоркширском пудинге. О сосисках с картофельным пюре.

Люди сидят за столиками — забегаловочными столиками того типа, что накрепко соединены со скамьями. Большей частью мужчины, и почти все одиночки. Дальнобойщики склоняются над яичницей с беконом или просматривают журналы. Пожилая дама в углу разгадывает кроссворд. Семья с маленькими детьми за столом у окна. Дети ковыряют вилками тушеную фасоль и картофельные вафли. Их родители, обжигаясь и кривясь, прихлебывают слишком горячий кофе. Аккуратные, хорошо одетые, воспитанные люди. Они явно нездешние, смотрят то друг на друга, то на прочих посетителей, то на работников за стойкой, вытирающих жирные руки о засаленные фартуки.

— Чем тебя угостить, дружочек? — громко спрашивает, заметив меня, женщина за кассой в дальнем конце зала.

Ее волосы убраны под сетку, а черты лица трудно разглядеть из-за больших очков. Она

в белом кафешном прикиде; руки упираются в поверхность прилавка, как в крышку сюрпризной шкатулки, откуда в любой миг может выскочить подпружиненный чертик.

Пара голов поворачивается в мою сторону. Но большинство никак не реагируют. Я продвигаюсь по узкому проходу между столами. Я хочу подобраться поближе к женщине, прежде чем ответить на вопрос. Не хочу кричать через головы посетителей. Я хочу обратиться к ней шепотом.

Несколько недель я не пользовался своим голосом. Сейчас пойдут хрипы и сипы, как пить дать.

Женщина улыбается, несмотря на мою грязную одежду и чумазое лицо. Уже неплохо. Не иначе, всяких тут навидалась.

— Здравствуйте, — говорю я ей. — Мне бы хотелось чего-нибудь горячего. Чего не жалко, я уже много дней нормально не ел. Вот только заплатить нечем. К сожалению. Поверьте, я не шучу.

По ее лицу непонятно, расслышала она меня или нет. Я произнес эти слова почти шепотом.

Но вот она кивает, а улыбка становится сочувственной. Она оборачивается к девушке лет семнадцати со светлыми волосами, собранными в тугой пучок на затылке. Женщина понижает голос, чтобы ее не слышали клиенты в зале:

— Принеси этому пацанчику порцию пирога — из тех, что у нас в излишке, усекла? И навали картошки и овощей по полной. Я чек не отбиваю, так что смотайся на кухню и скажи им сама.

Девушка оглядывает меня с ног до головы и отправляется выполнять распоряжение.

Женщина вновь сочувственно улыбается.

— Садись за стол, дружочек, — говорит она. — Я сейчас подам чай.

Чай хорошо заварен. Я разбавляю его молоком и пью, пока он не остыл. Приносят тарелку. Мясной пирог, еще и политый соком от жаркого. Горох и морковь также с подливой. Ароматный пар, поднимаясь над тарелкой, щекочет мои ноздри. Сбоку горкой лежит жареный картофель. Я все это подсаливаю и брызгаю уксусом.

Так много еды.

Щедрость незнакомцев.

Случайных незнакомцев.

Семейка нездешних путников поднимается из-за стола. Они выуживают из кошельков мелочь и кладут монеты на пластиковую поверхность стола. Девочка ковыряет пальцем в носу. Мальчик берет маму за руку. Дверь за ними захлопывается.

Я уплетаю за обе щеки. Оглядываюсь, проверяя,

не смотрит ли кто-нибудь в мою сторону, прежде чем дочиста вылизать тарелку. Мне приносят яблочный пирог с заварным кремом. Я поглощаю его столь же быстро и снова вылизываю тарелку. Потом переношу свою пустую посуду и столовые приборы на стойку перед кухней. Я благодарю их всех и повторяю благодарности еще раз, а они улыбаются и кивают.

Доброта незнакомцев. Доброта женщин. Женщин, приносящих свою выпечку соседям и никогда не пропускающих родительские собрания в школе. Женщин, умеющих слушать. Женщин, знающих, что нужно сказать.

Я покидаю кафе. Автостоянка залита солнцем, машины катят по трассе сплошным потоком.

Водитель-дальнобойщик стоит, прислонившись к дверце кабины. Он глядит на меня и спрашивает:

— Подвезти?

Глава восьмая

Мама жила с нами в доме Бабули Морли. Но не постоянно. Время от времени. Она появлялась и исчезала. Как и Папа. Иногда она приходила сама, иногда ее приводили. Иногда мы успевали увидеть ее до того, как она поднималась в свою комнату. Иногда не успевали.

Дома она спала. Можно было подумать, что ей тысяча лет от роду и каждый ее день длится, как наш месяц. Проснувшись, она вставала с постели и уходила. Потом возвращалась спустя недели как ни в чем не бывало, будто после ежедневной работы или прогулки на свежем воздухе. И долго-долго спала, а мы жили обычным порядком: уходили и приходили, посещали школу, обедали, ужинали, укладывались спать.

Когда она приходила, я стирал ее одежду. После того как она исчезала, я стирал ее простыни.

Мама оставляла грязную одежду в вещевом мешке снаружи у двери ее спальни. Бабуля Морли посылала меня за мешком, чтобы отнести его в прачечную комнату рядом с кухней, где всегда было холодно и сыро. Эти холод и сырость исходили от растрескавшегося линолеума на полу, и

после стирки я часами сидел, задрав ноги к огню на газовой плите, чтобы снова почувствовать себя сухим. Холод и сырость проникали через носки в ноги и оттуда распространялись по всему телу вплоть до головы. То же самое происходило с теплом, когда я сидел у огня.

В той комнате я первым делом вываливал мамину одежду на пол: развязывал тесемки мешка, переворачивал его и тряс, держа пальцами за уголки. Кофты, блузки, носки, трусы, лифчики, джинсы. Скромный набор вещей, небрежно засунутых в мешок. Носили их с аналогичной небрежностью. Носки прохудились на пятках и растянулись в районе пальцев. Резинка трусов выглядывала из прорех в синтетической материи, которая имитировала кружева, вот только отверстий в этих заношенных псевдокружевах было больше, чем задумывалось производителями. Белые вещи посерели, а серые стали лиловыми. Темные вещи, изначально имевшие цвет ночного неба, приобрели мутно-грязный оттенок наспех вытертой классной доски.

Джинсы истерлись на коленях и в паху. В них было больше синтетики, чем натурального хлопка, из-за чего материя многократно растягивалась, сжималась и теперь в точности повторяла

контуры маминых бедер и ног.

Она была худой. Всегда была очень худой. Одежда как таковая мало что значила, но по ней я мог судить о мамином теле. Я знал цвет ее волос, прядки которых среди прочего также вытряхивались на пол из мешка. Я знал запах ее кожи. Я больше узнавал об этом от ее одежды, чем от ее вида, ее прикосновений или слов.

Вместе с Бабулей Морли я сортировал одежду, поочередно загружал партии в стиральную машину, добавлял порошок и смягчитель ткани, закрывал дверцу, вращением рукоятки устанавливал нужный режим стирки и нажимал кнопку «Пуск».

Потом мы с Бабулей Морли пили чай на кухне, а мама спала наверху, и сон этот был нескончаемо долгим.

Перед своим уходом мама так же оставляла перед дверью спальни постельное белье. Влажное от пота — и от крови. Всегда измятое и перекрученное: свидетельство того, как ее тело извивалось и корчилось во сне. Оставались и запахи. На простынях и в комнате, куда я приходил делать уборку. Пахло горьким дымом, соленым потом, кислой слюной. И еще был сладковатый железистый запах ее крови. Все это скапливалось

на кончике моего языка, проникало мне в нос и горло. В памяти остались эти запахи и этот привкус, как и страдальческие стоны за запертой дверью ее спальни.

Однажды я спросил у Бабули Морли, почему мы находим следы крови на белых простынях. Она сказала, что с мамой такое бывает, когда она чувствует себя хуже некуда.

Ее последнее появление в доме не отличалось от всех предыдущих. Она с нами едва перемолвилась парой слов, и мы сказали в ответ не больше обычного. И вела себя как всегда. Папы дома не было, но он приехал вскоре после звонка от бабушки и несколько дней провел в постели рядом с мамой, все время обнимал ее и что-то шептал на ухо. Я слышал шепот, стоя под дверью спальни, но слов разобрать не мог. А ее внезапный уход, как мне кажется, потряс Папу сильнее, чем любого из нас. В те дни она выглядела здоровее и оживленнее прежнего, однако, по своему обыкновению, ускользнула из дома, не попрощавшись. Папа был застигнут врасплох. Он отправился на ее поиски. А тем временем дома раздался телефонный звонок, Бабуля Морли взяла трубку, выслушала кого-то, повернулась к нам и сказала, что наша мама уже не вернется.

Глава девятая

Мистер Прайс повторно приехал к нам спустя две недели. На сей раз вместе со своими сыновьями, Томом и Чарли. Оба высокие и стройные, с длинными худыми ногами и узкими торсами, которые так резко переходили в широкие плечи, что при свободно висящих руках возникали большие просветы между локтями и грудной клеткой. У старшего, Тома, были светло-русые волосы, коротко подстриженные над ушами и еще короче — на затылке. Темноволосый и темноглазый Чарли внешне резко отличался от отца и брата. Красавчик, спору нет, хотя впечатление несколько портили отекшие нижние веки и сероватые круги под глазами. Нос у него был с горбинкой, а кожа имела странное свойство — она как бы подстраивалась под состояние погоды. В тот день по небу проплывали тучи, и лицо его выглядело каким-то неравномерно бледным. Все трое были в зеленых сапогах и коротких охотничьих куртках.

Прайсы поднялись по склону на своем «лендровере». В тот час мы с Кэти сидели далеко за домом, среди деревьев на опушке рощи. Я обстругивал

перочинным ножом зеленую ветку ясеня. Снял мягкую кору на отрезке длиной с кисть руки и начал подравнивать край среза малым лезвием, понемногу вращая ветку. Кэти сжала коленями тушку дикой утки и ощипывала ее, пригоршнями выдирая перья. У ее ног стояла чаша с горячей водой и лежали мокрые тряпки, которые она периодически обмакивала в чашу и плотно прижимала к тушке, чтобы расширить поры и тем облегчить процесс.

С того места мы не видели визитеров и не слышали стука в дверь дома. Мистер Прайс проследовал на кухню для разговора с Папой, а Том и Чарли отправились искать нас. Они громко смеялись каким-то своим шуткам, пересекая зеленый колокольчиковый луг (цветы тогда еще не распустились).

Эти парни были на редкость хороши собой — настолько красивее меня или Папы, что даже сравнивать не имело смысла. Мы и они принадлежали к разным человеческим породам, привыкшим жить в очень разных условиях, — скажем, если они продвигались к вершине удобной дорогой на пологом склоне горы, то мы карабкались по отвесным скалам на ее обратной стороне. Или как если бы мы с Папой были вылеп-

лены из аморфных комьев глины и спутанных корней, а эти двое сформировались из чистых кристаллических минералов.

Они говорили и смеялись глубокими голосами, совершенно не похожими на голос Папы. Их речь текла плавно, разбавляемая этакой вальяжной хрипотцой. Резонанс в прохладном воздухе был как от ударов мяча о влажную траву.

— Ты сам подстрелил эту птицу? — с ходу спросил меня Том. Он имел в виду утку, которую ощипывала Кэти, но обратился ко мне, а не к ней.

— Нет, — сказал я. — Это сделал Папа.

— Папа? — Его как будто позабавило это слово.

— Да, — сказал я просто. — Но он подстрелил ее не на вашей земле.

Сам не знаю, зачем я это сказал. Папа вполне мог добыть птицу во владениях мистера Прайса, да и вообще где угодно. Я не имел понятия, где это случилось, но вышло так, что своей фразой я то ли оправдывался перед младшим Прайсом, то ли намекал, что в случаях с другими утками бывает всякое. Надо было думать, прежде чем говорить, но, поскольку сказанное назад не вернешь и поскольку он мне не ответил, я повторил:

— Там, где он подстрелил эту утку, вашей земли

и рядом не было.

— Ну, если он подстрелил ее в здешних краях, то наша земля в любом случае будет где-то рядом. Ему пришлось бы уйти очень далеко отсюда, чтобы рядом не оказалось каких-нибудь наших земель.

Том сделал паузу, чтобы посмеяться над абсурдностью моего заявления.

— Ты охотишься вместе с ним? — спросил он затем.

— Иногда.

— У него дробовик двенадцатого калибра, верно?

Кэти подняла взгляд на Тома, но ни один из парней не смотрел в ее сторону.

— Не знаю, — сказал я. — Может, у него и есть ружье, только мы никогда его не видели. На охоте Папе оно без надобности.

— Однако это странно: иметь ружье, но не пользоваться им на охоте. Как же он тогда бьет дичь?

Я пожал плечами. У Папы были расставлены ловушки по всей нашей роще и окружающим полям. При этом он пользовался такими ловушками, которые не убивают пойманную добычу, а лишь удерживают ее до той поры, когда придет Папа и сам ее прикончит. Так оно было лучше. Ло-

вушки, предназначенные для убийства, зачастую лишь калечат добычу, и та медленно умирает в мучениях. А Папа делал ловушки-клетки, куда птицы или кролики забирались с намерением взять приманку, после чего клетка захлопывалась. Внутри было достаточно пространства, чтобы жертва более-менее комфортно провела последние часы своей жизни, не подозревая о том, что ее ждет. Папа регулярно проверял ловушки и, обнаружив добычу, по возможности аккуратно извлекал ее из клетки, а затем одним движением сворачивал ей шею. И они умирали, не успев даже толком испугаться.

Временами Папа также рыбачил. У него имелись удочки и снасти, но он говорил, что ловля на удочки отнимает слишком много времени, предпочитая ловить форель просто руками. Он знал подходящие для этого места.

Прайсам я сказал, что дробовиком Папа не пользуется потому, что привык охотиться с луком.

— Чушь несусветная, — сказал Том. — Никто не охотится с луком в этих местах. И я не верю, что кто-то способен подстрелить птицу из лука. Уж точно не летящую птицу, во всяком случае.

Кэти положила недощипанную утку на кусок брезента рядом с собой, запустила руку в правый

карман своих джинсов и достала оттуда кожаный кисет. Двумя пальцами подхватила щепотку сухих табачных волокон и высыпала ее на согнутый желобком листок бумаги. Вложила туда фильтр, прежде чем свернуть сигарету и заклеить ее, проведя языком по всей длине. Чиркнула спичкой и, прикуривая, затянулась так сильно, что алый кончик сигареты заглотил пламя от спички. Струями выпустила дым из ноздрей и рта. И посмотрела на Прайсов.

Я еще раз пожал плечами:

— А вот Папа это делает. Иногда это удается и Кэти.

— Это, стало быть, Кэти? — спросил Том.

Она сидела в каких-то пяти шагах от него, но он задал вопрос мне, не глядя в ее сторону. Кэти сделала еще одну затяжку. Потом встала и приблизилась к нам. За пару последних месяцев она здорово вытянулась и еще не привыкла к своему новому росту, так что походка у нее была слегка вихляющей. Зато во всем прочем она оставалась очень прямолинейной — выбрав курс, уже с него не сворачивала.

— Я тоже охочусь, — сказала она. — И мне случалось попадать в летящих птиц из лука.

Том наконец-то повернулся к ней, явно на-

чиная сердиться, что было странно, учитывая несущественность разногласия. Вероятно, он просто привык, что ему никто не возражает. Ни его младший брат, ни соученики, ни парни из секций регби и крикета, ни люди в его стрелковом клубе, ни даже его учителя. Вполне допускаю, что все они восхищались Томом. Его самоуверенностью. Его гонором. Своеобразным обаянием, которое окутывало его, подобно рою надоедливых слепней над головой. Должно быть, ему никогда не говорили, что он в чем-то не прав. И не похоже было, что когда-нибудь скажут. До конца его дней. Он всегда будет получать желаемое. Он всегда будет прав. Всегда будет первым в очереди. Думается, даже его отец, мистер Прайс, не очень-то ему перечил. А в тех случаях, когда это все же происходило, оба понимали, что всего лишь придерживаются установленного порядка вещей. Когда отец требовал от него объяснений по какому-либо поводу, осуждал его действия или советовал пересмотреть какое-то решение, это лишь укрепляло Тома в уверенности, что он занимает второе по значимости положение в этой вселенной, чтобы закономерно стать первым, когда придет его срок. В такие моменты отец ставил Тома Прайса на место, но ничего унизительного

в этом не было.

Однако возражение со стороны Кэти, к которой он перед тем даже не обращался, вывело его из себя. Я видел это по его лицу. Он стиснул зубы и начал быстро моргать, как будто старался сморгнуть Кэти из своего поля зрения или сморгнуть неприятные мысли, проникшие в голову, когда ход беседы на минутку вышел из-под его контроля.

— Я к тому, что это кажется странным — да и вообще противоречит здравому смыслу, — когда ваш отец охотится с луком и стрелами, имея возможность делать это с ружьем. И не суть важно, есть у него дробовик двенадцатого калибра или нет — при желании раздобыть его нетрудно. Хоть какое-нибудь ружье приобрести можно всегда, вы согласны? Я просто не могу понять эту тягу к допотопным технологиям. Какой в этом прок?

— Ну а какой, по-твоему, прок во всем, что мы тут делаем? — сказала Кэти. — Мы могли бы жить в городе, где Папа нашел бы работу, могли бы покупать продукты в супермаркете, как делают все остальные. Ходить в школу, завести друзей и все такое. По идее, ты мог бы сразу спросить, почему мы ведем себя так, а не иначе.

Том рассмеялся. Я понял, что он так сделает,

еще до первого смешка.

— Ты права, лучше сразу спросить об этом. И я спрашиваю: почему вы живете здесь, посреди нашего леса?

Кэти открыла было рот, но тут раздался голос младшего из братьев, Чарли, до той поры хранившего молчание.

— Том, — сказал он, — нам сейчас ни к чему эти разборки. Не будь идиотом.

Тома, похоже, сильно удивило вмешательство брата, но он ничего не сказал ему в ответ и не продолжил разговор с Кэти. Вместо этого он вновь обратился ко мне. Начал расспрашивать о роще. О том, какие тут виды деревьев, какого они возраста. Спросил, почему наш Папа выбрал именно это место. Спросил, сколько времени ушло на расчистку участка и на строительство дома. Спросил о нашей маме. Спросил, учились ли мы в школе. Спросил, как долго мы собираемся тут оставаться.

Я всячески уходил от прямых ответов, и под конец он снова начал раздражаться.

— Мне просто хочется узнать про вашу жизнь, и все. Признайтесь, это ведь необычно: поселиться в таком месте. И жить так, как живете вы.

Я огляделся по сторонам. Кэти уже вернулась

к своей работе: ее пальцы ловко выдергивали утиные перья. Она как будто полностью сосредоточилась на этом занятии, ощипывая тушку с безмолвным фанатизмом средневекового флагелланта, бичующего собственную плоть. Но даже при возросшем темпе работы она не пускала кровь, повреждая утиную кожу. Она также не забывала смачивать птицу водой (правда, уже остывшей) и повторно проходить по уже выщипанным местам, удаляя пеньки и остаточный пух.

Я постарался наилучшим образом ответить этому долговязому умнику:

— Папа считает, что нам надо научиться выживать, располагая лишь тем, что мы сами можем изготовить или найти. Только и всего. Мы просто хотим, чтобы нас оставили в покое.

— То есть вы не хотите подружиться со мной и Чарли? Ты слышал это, Чарли?

Чарли был более сдержанным, чем его брат. Возможно, и более вдумчивым.

— Да, — промолвил он. — Очень жаль.

Том взглянул на брата, потом на Кэти и наконец на меня. Ему уже начал надоедать этот разговор, и он предложил нам вернуться в дом, где тем временем их отец общался с нашим. Том и Чар-

ли тотчас направились в ту сторону, и я счел за лучшее поступить так же. Кэти шагала рядом со мной. Ощипанная утка, пухлая и гладкая, покачивалась в ее руке.

Вслед за рослыми братьями мы вошли в кухню. Напряжение внутри было велико. Папа и мистер Прайс сидели друг против друга за выскобленным столом. Мы вчетвером замялись у двери, однако беседа уже и так подошла к концу — оба со скрипом отодвинули назад стулья и встали лицом к лицу. Папа был настоящим гигантом, на добрый фут возвышаясь над Прайсом, который, однако, не выглядел подавленным.

Прайс протянул Папе правую руку:

— Надеюсь, ты подумаешь над моими словами, Джон.

Несколько секунд Папа не реагировал, прижимая обе руки к бокам, но затем все же ответил на рукопожатие. Лицо его было бесстрастным.

Прайсы покинули дом и двинулись к своему «лендроверу». Папа приблизил лицо к мутноватому кухонному окну, наблюдая за их отъездом. Он продолжал следить за движением машины по грунтовке до поворота и далее, пока она совсем не скрылась из виду.

Папа вложил кулак правой руки в ладонь ле-

вой и помассировал костяшки, затвердевшие из-за множества травм и отложения солей, как и грубая кожа, туго обтянувшая суставы и промежутки между ними. Потом стал рассеянно теребить большой палец левой руки, покрытый мелкими шрамами, вряд ли ощущая эти прикосновения: нервные окончания там почти отмерли после бесчисленных ударов. Впрочем, он и не пытался что-либо ощутить, делая это просто по привычке.

Мы глядели на потерянного человека, нашего отца, который как будто забыл о нашем присутствии, машинально потирая кулаки и погружаясь в свои мысли.

Но через некоторое время он к нам вернулся:

— Подкинь в печь дров, Дэниел. Нужно снова прогреть комнату.

Я выскользнул в прихожую, где на соломенных подстилках сидели собаки. Завидев меня, они вскочили, стали тыкаться носами и лизать мою руку, пытавшуюся их погладить. А когда я положил ладонь на голову Бекки, она задрала морду в попытке перехватить меня сбоку над запястьем, подтолкнуть руку вниз и снова достать ее своим языком. Но я увел руку под ее нижнюю челюсть и добрался до затылка с другой стороны, а она

повторила свой маневр, и, таким образом, моя ладонь и собачья морда совершили несколько круговых движений.

Наконец я прервал эту игру и пробрался в угол за их подстилками, где были сложены поленья. На кухню я вернулся в сопровождении собак, которые тут же принялись радостно прыгать на Папу и Кэти, пока я возился у печи. А Папа меж тем продолжал говорить.

— Вы знаете, почему я построил наш дом именно здесь? — спросил он.

Я посмотрел на Кэти. Она помедлила с ответом.

— Мы думали, ты купил эту землю у странников или она досталась тебе как приз после боя.

— Я не покупал землю. И я ее не выигрывал. Прайс заявил, что она нам не принадлежит, то есть у нас нет права владения в том виде, как это понимает он. — Папа сменил позу на стуле. — Ваша мама жила в этих местах. Когда ее семья впала в нужду, Прайс захватил большую часть их собственности. Но когда умерла ваша бабушка, я посчитал это место самым подходящим для того, чтобы построить здесь дом и жить всем вместе. Это из-за вашей мамы. Я знал, что мы будем заботиться об этой земле так, как Прайс никогда

не сможет и не станет заботиться. Прайсу нет никакого дела до здешних лесов. Он не интересуется лесозаготовками, как и насаждениями. Он вообще не знает лес. Не знает птиц и зверей, здесь живущих. Однако есть такая бумажка, в которой написано, что эта земля принадлежит ему.

Папа поднялся со стула и подошел к печи, куда я только что затолкал большое полено, перед тем разворошив кочергой тлеющие угли.

— Мистер Прайс хочет выселить нас из дома? — спросила Кэти.

— И да, и нет. Вообще-то, ему плевать на все эти рощицы. Но когда мы здесь поселились, он воспринял это как враждебное действие. Он думает, что я пытаюсь его спровоцировать. Возможно, так оно и есть. Как бы то ни было, он ясно дал понять, что создаст нам столько проблем, сколько сможет. Когда-то давно я работал на этого человека. Мои мышцы помогали ему запугивать слабых и бедных, чтобы те, не ерепенясь, отдавали деньги. Я тогда был ему полезен, и он захотел снова меня использовать. Но я отказался. Я больше никогда не буду работать на других людей. Мое тело принадлежит мне одному. Это все, что у меня есть.

Папа взял из моих рук кочергу и с силой вонзил ее в центр полена, еще только начавшего

заниматься по краям. Затем поворотом железного стержня разорвал полено пополам вдоль волокон. Образовавшиеся при этом щепки сразу вспыхнули, распространяя пламя на остальное дерево. Когда он закрывал стеклянную дверцу печи, за ней уже полыхало вовсю.

— Он начнет с разных мелких пакостей, которые будут накапливаться, пока не станут уже невыносимыми. Он настроит против нас местных людей, чтобы те перестали обслуживать нас в магазинах, перестали с нами разговаривать. Ну, это как раз невелика беда. Мы и так почти ничего не покупаем и мало с кем общаемся, хотя некоторые неудобства возникнут. Но это будет только начало. Он может как-нибудь в наше отсутствие послать людей, которые загадят нашу скважину, и нам придется бурить новую. После этого мы не сможем оставлять дом без присмотра хотя бы одного из нас. Уходить куда-нибудь всем вместе станет опасно. С того времени нам придется ограничить свои перемещения. Потом в наши окна полетят кирпичи и дохлые крысы, а на крыльце по утрам будет лежать собачье дерьмо. Затем они начнут цепляться к вам, когда меня не будет рядом.

— Мы сумеем дать сдачи, — быстро вставила

Кэти.

Папа покачал головой.

— Уверен, тебе это удастся, но только на первых порах, — сказал он, — когда на твоей стороне будет эффект неожиданности. При стычках с незнакомцами это всегда будет твоим преимуществом, Кэти. Они не будут готовы к серьезному сопротивлению, и уж тем более к тому, на что, я знаю, способна ты. Но когда уяснят, что ты крепкий орешек, они подошлют новых отморозков, покруче прежних. И числом побольше. С ними всеми ты уж никак не справишься.

— Зато справишься ты, — уверенно сказала Кэти.

Папа снова качнул головой:

— Я побеждаю в боях, которые ведутся по определенным правилам, Кэти. Это испытание на силу, быстроту и выносливость, а я самый сильный, быстрый и выносливый боец в Британии и Ирландии. Но когда правила не соблюдаются, предугадать победителя невозможно. Допустим, противник вдруг выхватит нож или пистолет — я и таких уделывал, не скрою, но нет гарантий, что мне это удастся вновь. Все зависит от ситуации. А чем больше врагов, тем ближе к нулю мои шансы. Не скажу, что я не стал бы и пытаться. Вы оба

достаточно хорошо меня знаете. Но приходится быть реалистом.

Я достал из шкафа ломоть ржаного хлеба, ковырнул ножом в маслобойке и сделал бутерброд. Собаки смотрели на меня просящими карими глазами, а их черные носы подрагивали, пока я откусывал, жевал и проглатывал кусок за куском. Одновременно я размышлял над словами Папы. Я смотрел на сестру, которая сидела все с той же утиной тушкой на коленях, как-то съежившись под гнетом дурных новостей. Папа положил руки ладонями вниз на доски столешницы, где его изуродованные пальцы и костяшки как бы замаскировались на фоне столь же узловатого, посеревшего дуба.

Я повернулся лицом к теплой печке и спросил:

— Что же нам делать?

— Прайс предлагает два варианта: или я работаю на него, или мы уезжаем отсюда.

— Но это наш дом, — сказал я.

Папа посмотрел на меня так, словно увидел впервые за несколько недель, и положил правую руку на мое левое плечо.

— Я чувствую то же самое, — сказал он.

Мы втроем просидели на кухне весь остаток дня. Пили из больших кружек горячий чай с

молоком, а ближе к четырем часам Кэти достала из шкафа пару бутылок сидра. Обсуждали то, что мистер Прайс сказал Папе, и прикидывали, какие действия мы можем предпринять. Папа снова сказал, что сама роща Прайса ничуть не интересует, но ему ненавистно ощущение собственной беспомощности. Для него вмешательство в жизнь других людей было как бы показателем его присутствия в этом мире. Прайса бесило все, что он не мог контролировать. Мы поселились здесь, прямо у него под носом, а он не имел доступа к нашей жизни. Мы не платили за аренду, мы не работали на него, мы ничем не были ему обязаны. И потому он нас боялся. По папиным словам, в представлении Прайса люди были подобны осам, жужжащим перед его лицом и готовым в любой момент ужалить. Он хотел предвидеть действия этих ос. Хотел знать их намерения. А выяснив это, он смог бы их поймать и посадить в банку с наглухо завинченной крышкой.

Папа сказал, что для начала надо бы связаться с немногими друзьями, которых он завел в деревне. В последние месяцы он оказывал помощь разным людям, и, хотя на большинство из них особо рассчитывать не стоило, были два-три человека, которым он мог бы довериться. Его друг

Питер испытывал к мистеру Прайсу еще менее теплые чувства, чем мы, посему решено было встретиться с ним.

Глава десятая

В гости к Питеру мы отправились вечером следующего дня. А утро провели на некошеной лужайке перед нашим домом. Вставший спозаранку Папа вынес наружу стулья и кухонный стол, накрыв его клетчатой клеенкой. Я приготовил яичницу с беконом, Кэти заварила чай, и мы вышли с едой из дома, чтобы позавтракать под ярким, но негреющим утренним солнцем. Бекон мы получили от мясника по имени Эндрю, еще одного из немногочисленных папиных друзей. Эндрю хорошо его просолил, но нарезал толстовато, так что пришлось подольше держать куски на сковороде, следя за тем, чтобы они прожарились, но не подгорели. Глазунья приготовилась быстро в растопленном беконном жире, впитав его соль; белки подрумянились снизу до цвета жженого сахара, но желтки остались жидкими и золотистыми. Я слегка подогрел тарелки в духовке, прежде чем раскладывать еду, и дополнил каждую порцию куском хлеба.

Завтрак на свежем воздухе с Папой и сестрой всегда был мне в радость, а тем утром даже больше обычного. Мы не забывали о своих проблемах.

Мы знали, что наш дом в опасности. Но в то утро, ощущая лучи ярко-белого солнца на своих тонких, еще не загоревших руках и вонзая зубы в хрустящую беконную прослойку между кусками свежего хлеба, я был счастлив, как никогда.

Бледное небо рассекла стая чаек — затененные снизу, эти птицы казались черными.

Завтрак и последующее приятное безделье заняли большую часть утра, а после полудня мы прогулялись по роще и окрестностям. Ставили новые и проверяли старые ловушки, и, если попадалась дичь, мы с Кэти звали Папу, чтобы он ее прикончил. В другие дни это время отводилось на работы в курятнике и на огороде — если там было что делать, конечно.

Папа заранее предупредил Питера о нашем визите по телефону из будки в деревне, куда мы прибыли уже в сгущающихся сумерках. Папа зашел в будку, предварительно выбрав из мелочи несколько десятипенсовиков, а мы с Кэти остались снаружи. Вокруг все провоняло мочой.

Это была старая телефонная будка классического красного цвета, да только почти вся краска облупилась, и теперь железный каркас был рыжим от ржавчины. Стекла растрескались, но пока еще не выпали из рам. Папа снял трубку с рычага;

я услышал отдающийся эхом скрежет наборного диска, а потом чистый звук гудков.

Кэти достала свои курительные принадлежности и начала сворачивать сигарету. Земля под нашими ногами была усеяна окурками различной давности, которые походили на маленьких коричневых слизней, расползающихся во всех направлениях по смешанной с табачным пеплом грязи. Кэти свернула сигарету и для меня, зажгла спичку из коробка, который хранила в нагрудном кармане, и дала мне прикурить прежде, чем поднесла огонек к своей самокрутке. Я затянулся настолько глубоко, насколько мог без кашля, и выпустил дым сначала в направлении сестры, а потом поверх ее головы в ночной воздух.

Из будки доносился приглушенный папин голос. С Питером он проговорил недолго, описав ему ситуацию в самых общих чертах. После того раскрыл дверь, взял мою сигарету, сделал затяжку и вставил окурок обратно мне в рот.

— Идем, — сказал он.

До дома Питера было примерно полмили, и мы преодолели это расстояние, почти не разговаривая. Главную улицу деревни освещали фонари янтарного цвета. Сенсорные лампочки на домах вдоль дороги ненадолго загорались, когда мы

проходили мимо. Кое-где были включены телевизоры, судя по мерцанию на задернутых шторах. В одном доме громко ругались мужчина и женщина на фоне младенческого плача. У этого дома Папа замедлил шаг и внимательно прислушался, но затем догнал нас, а шум ссоры постепенно угас позади.

Дом Питера стоял на самом краю деревни, а его протяженный сад далеко вклинивался в фермерские поля. Собственно дом был немногим больше нашего. Семидесятых годов постройки. Отделан декоративной штукатуркой. Внутри все было скромненько и пустовато. ТВ-тумба, но без телевизора. Коллекция компакт-дисков, но без проигрывателя. И прочее в том же ключе.

Кровать была перенесена из верхней спальни в заднюю комнату первого этажа, чтобы Питеру не приходилось подниматься по лестнице. Двустворчатая дверь из гостиной в ту комнату была приоткрыта, и я разглядел ком из простыней и подушек, пару зеленых пивных бутылок и коробку с бумажными салфетками на прикроватном столике.

— Значит, Прайс хочет, чтобы ты работал на него? — сказал Питер, как только мы с Папой и Кэти уселись в кресла. — Думаю, следующее,

что он сделает, — это прикажет тебе выдворить меня отсюда.

— Ты его арендатор? — спросил Папа.

— Да, — сказал Питер. — Или, точнее, я был им, пока мог вносить плату, но сейчас мне ее уже не потянуть. Он собирается меня выселить, даже не дожидаясь судебного решения. Готов поспорить, он охотно поручил бы это дело тебе. Чтобы надломить тебя морально, заставив изгонять друга. Он знает, что ты помог мне в тот раз. Я о твоей разборке с Коксвейном у казино.

В тот вечер мы прикончили две бутылки виски без малого. Папа сказал, что этот день достоин крепкого завершения, и отправил Кэти с видавшей виды пятидесятифунтовой купюрой за лучшим бухлом, какое найдется в деревенской лавке. Папа с Питером приняли на грудь львиную долю, наливая себе сразу двойные порции и не затягивая с повтором.

Мы с Кэти пили медленнее и разбавляли виски водой. Она все время дымила, и я тоже выкурил несколько самокруток. В целом нам удавалось следить за ходом разговора, хотя временами кто-нибудь из нас двоих клевал носом.

— Большинство людей здесь продали свои дома Прайсу, — говорил Питер. — А если и не

ему, то другому лендлорду, который с Прайсом неразлейвода. Все эти местные богатеи — одна шайка-лейка, устраивают в его усадьбе пирушки с пальбой по мишеням. Они все повязаны вкруговую. Совместно проворачивают разные дела. Варятся в одном котле.

— И где находится этот котел?

— Я без понятия, Джон. И не спрашивай. Я не имею даже счета в банке, а когда имел, не было повода интересоваться всякими там инвестициями и процентными ставками. Но у них рыльца в одном и том же пуху. У всех лендлордов в округе. А Прайс у них за главного. Они подкидывают друг другу наводки и долями вкладываются в проекты. Торговые. Фермерские. Земельные. В таком вот духе, подробностей не знаю. Но знаю, что верховодит у них Прайс. Всегда и во всем. И если он заимеет на кого-то зуб, тут же накинется и остальная свора. В сущности — так или иначе — Прайс владеет всем графством.

— Насколько понимаю, часть его бизнеса легальна?

— Причем большая часть. Девяносто процентов его сделок вполне прозрачны. Ты в первую очередь видишь остальные десять процентов только потому, что сам давно крутишься в том же мире,

Джон. — Питер слегка усмехнулся. — А зачем тебе это? Думаешь найти какие-то зацепки в бухгалтерии? Откопать доказательства? Привлечь полицию?

Папа посмотрел на свои массивные, заскорузлые кулаки.

— Нет. Ты и сам знаешь, что такие вещи не по мне. — Он даже вроде как смутился. — И ты знаешь, я же ни за что не обращусь к легавым. Ты сейчас верно сказал: то, что для Прайса лишь десять процентов его мира, для меня это весь мой мир без остатка. Что бы я ни имел по жизни, я по закону не имею ничего. — Он посмотрел на Кэти и на меня, тогда как мы не сводили глаз с него. — Ни земли. Ни налички под матрасом. Ни профессии. Ни вот их. — Он качнул головой в нашу сторону. — Даже моих детей. Я не знаю, какой закон или гербовая бумажка может официально связать меня с ними. Однако они моя плоть и кровь, тут ничего не попишешь. — Он снова повернулся к Питеру, поднял и осушил свой стакан. — При любом раскладе втягивать в это дело полицию без толку. Хотя бы потому, что они тоже куплены Прайсом. По крайней мере, главные из них. Я довольно навидался легавых шишек и муниципальных советников, когда они

съезжались к нему на пикники.

Питер подлил виски в папин стакан и продолжил:

— Я слыхал о паре семей, которых он в прошлом году вышвырнул на улицу чуть не голышом из-за того, что плата по новой, повышенной ставке оказалась им не по карману. Хотя ты не обязан верить мне на слово. Если есть желание узнать больше, поговори с другими людьми. Например, с Юартом Ройсом и его женой Мартой. Юарт — самый толковый человек на многие мили вокруг, и он по сей день в меру сил печется о местных. Когда шахты еще работали, он был там профсоюзным лидером. Честным и порядочным, как ни странно. И он знается с кучей тех, кто на дух не переносит Прайса. Это бывшие шахтеры и их дети, арендаторы, поденщики и безработные. Он и в законах большой дока, хотя тебя законы мало трогают, насколько понимаю. Но и в твоем мире он не чужак. Любит делать ставки. Любит собачьи бега. Любит поглядеть на хороший кулачный бой. Он общается не только с работягами, но и со странниками, и с цыганами. Хочешь найти способ спасти свой дом? Тогда потолкуй с Юартом Ройсом.

Мы провели там много часов. Папа и Питер

пили всю ночь напролет, а я уснул в том же кресле, где сидел, втиснув спинную подушку между батареей отопления и комодом. На рассвете я пробудился, страдая от жажды, пошел на кухню и набрал из крана воды в мой вчерашний стакан. Осушил его, наполнил повторно и взял с собой в гостиную, чтобы в другой раз можно было попить, не вставая с импровизированного ложа.

Питер спал на своей кровати; там же валетом примостился и Папа под жиденьким покрывалом. Кэти постаралась с максимальным удобством расположиться на полу, используя подушки вместо матраса, накрывшись стеганым одеялом и неловко пристроив голову на сиденье второго кресла. Я заметил пустой стакан рядом с ее левой рукой, взял его, сполоснул под краном и наполнил, чтобы по пробуждении она могла сразу промочить горло, наверняка пересохшее, как и у меня. Когда я ставил стакан на пол, она вздрогнула, но не проснулась. Я вернулся на свое место у батареи, закрыл глаза и урывками проспал следующие два-три часа.

Папу, Питера и Кэти заставило проснуться лишь высоко поднявшееся солнце. Было без малого десять утра, на небе ни облачка. Шторы из тонкой полусинтетической ткани не могли

сдержать прямые солнечные лучи, и вся комната наполнилась пронзительным светом.

Папа повернулся на бок, открыл глаза и вскоре был уже на ногах. Сразу же отправился в ванную. Я услышал шум бьющей из крана струи, а чуть погодя плеск, когда он окунал голову в наполненную ванну. Дверь распахнулась толчком локтя. Он снял рубашку и обмылся до пояса — хлопья мыльной пены остались в черных волосах на груди. Пока он тер полотенцем лицо, вода стекала с его волос и бороды, струилась по плечам и далее вплоть до коврового покрытия пола. Он взмахом встряхнул свою рубашку, надел ее и начал застегивать пуговицы снизу вверх.

Питер пошевелился, еще только начиная пробуждаться. Кэти лежала в той же позе, в которой спала, но теперь глаза ее были широко открыты. Она смотрела на Папу, возившегося с рубашкой. А я сидел в кресле и, потягивая воду из стакана, находился в пограничном состоянии между сном и бодрствованием.

Недолгое время спустя мы вчетвером покинули дом Питера: девчонка, парень-подросток и двое мужчин. Все полусонные и страдающие от похмелья. Подкрепились в пекарне на главной улице. По утрам там продавали сэндвичи: с беконом,

с колбасой или с яйцом. Я взял один с беконом и, словно какой-то малыш-сладкоежка, спросил у Папы, можно ли мне еще булочку с сахарной глазурью. Он заплатил пятьдесят пенсов за три штуки со словами: «Это на дорожку».

Ройсы жили в самом приличном квартале поселка, где дома были расставлены шире и зелени вокруг них было больше. Припаркованные перед особняками автомобили сверкали чистотой и свежей полировкой. Живые изгороди здесь регулярно подстригались, как и газоны по краям подъездных дорожек, и на цветочных клумбах вскоре должны были проклюнуться весенние ростки. На всех окнах висели тюлевые занавески, а стекла были отмыты до такой прозрачности, что казалось, их вообще нет в рамах.

Окна Ройсов были с двойным остеклением. Перед домом стоял темно-синий «вольво». В палисаднике имелся даже полускрытый кустами буддлеи фонтанчик: струйка воды била из глыбы известняка.

Кэти, Папа и я остались ждать у ворот, а Питер в одиночку отправился к двери дома. Папа сказал, что всегда желательно заранее предупредить хозяев о визите, как сам он поступил перед встречей с Питером.

Коляска Питера резво прокатилась по утрамбованному гравию дорожки, потом он взялся накачанными руками за подлокотники, переместил свое тело на верхние ступени крыльца и дотянулся до звонка. Открывшая дверь женщина посмотрела вниз на Питера, который начал что-то объяснять, но недостаточно громко, чтобы я мог уловить слова. Ростом хозяйка дома была ниже меня: где-то пять футов четыре дюйма[5]. Светло-русые (возможно, крашеные) волосы, на вид лет пятидесяти — хотя, по моим прикидкам, значительно старше. Не то чтобы ее лицо выглядело старым. И с шеей вроде все было в порядке, хотя именно шея чаще всего выдает истинный возраст женщины. Издалека я не мог разглядеть морщин или потемнений на коже, возрастных пятнен. Если таковые и были, она хорошо их скрывала. Но по ее осанке, постановке ног, развороту бедер и плеч я определил, что ей было уже под семьдесят. Бледно-розовые брюки сужались книзу от полной талии, а хэбэшный свитер был украшен фотографически-реалистичными изображениями цветов. Маленькие ступни прятались в пушистых кремовых тапочках без задников.

---

[5] Примечания: 5
162 см.

Пальцы были унизаны золотыми кольцами; в ушах и на шее также сверкало золото. Овальные фиолетовые очки в пластиковой оправе закрывали верхнюю часть лица от скул до бровей.

В дверях позади нее показался мужчина и облокотился правой рукой о косяк. Он был в темно-оливковых, почти коричневых брюках с остро отутюженными складками, белой рубашке и бордовом джемпере с треугольным вырезом, но без официального галстука. Обменявшись парой фраз с Питером и выслушав свою супругу, он посмотрел на Папу, а потом на нас с Кэти. И пригласил нас взмахом руки.

В прихожей стало тесно, когда мы все разом начали снимать ботинки и куртки, соответственно убирая их в стенной шкаф и цепляя на вешалку. Мягкий ковер был покрыт вычурными розово-золотыми разводами, напомнившими мне узор на ковре в доме Бабули Морли, — как же давно и как далеко отсюда это было. На стенах повсеместно висели фотографии в лакированных рамках; большей частью там были дети в школьной форме на размытом сиреневом фоне. Они перекочевывали со снимка на снимок группами по двое-трое — видимо, родных сестер и братьев. Одни и те же дети в разном возрасте, с волосами

то длиннее, то короче. И каждому в свой срок довелось попозировать с выпавшими молочными зубами. Учитывая их количество (притом что никому не отдавалось явного предпочтения), можно было заключить, что это не собственные дети Ройсов. Вероятно, дальняя родня, а также крестники, дети друзей и соседей.

Еще в прихожей Питер коротко представил всех друг другу, хотя он, конечно же, рассказал о нас поподробнее, когда беседовал с хозяевами на крыльце.

Марта пригласила нас в гостиную, обратившись только ко мне и Кэти, поскольку Юарт уже увел туда Папу.

Нам предложили на выбор чай или кофе. Я попросил кофе, и Марта быстро удалилась на кухню. Там брякнул снимаемый с подставки чайник, и зашумела, наполняя его, вода. Кэти прошлась по комнате и устроилась на одном из пары стульев рядом с угловым столиком. Папа и Юарт сели лицом к лицу в два огромных кресла с атласной обивкой, занимавших почетное место в центре гостиной. Питер на своей коляске описал полукруг, сдал назад и пристроился почти между ними, ближе к камину. Это был электрический камин, и в тот день его еще не включали.

Появилась Марта с подносом, на котором, помимо чашек с напитками, стояли сахарница и молочник. Кофе оказался очень горячим и горьким; я долил туда молока по самый край чашки, добавил три ложечки сахара и все это размешал. Получилось самое то, что надо, и моя чашка вскоре наполовину опустела. Я мог спокойно пить даже слишком горячие кофе и чай, в отличие от Кэти, которая подолгу ждала их остывания. Только в этом — и больше ни в чем — я был круче сестры и, разумеется, превратил это в состязание, при всякой возможности демонстрируя свое превосходство. Как-то раз, когда мы еще жили на побережье у Бабули Морли, она так рассердилась, что в ответ на мой вызов ужасающе большими глотками до дна выпила свою чашку сразу после того, как в нее был налит кипяток. Результатом стали ожоги рта, языка и даже гортани — волдыри не сходили больше недели. Она это сделала в попытке доказать, что ни в чем мне не уступает, но получила жестокий урок. Даже я не могу пить горячие жидкости такими темпами.

То же самое было и с холодом. Я запросто поглощал мороженое большими кусками, демонстративно обнажая зубы, чтобы Кэти видела, сколько я отхватываю за один раз. Я мог целиком

заглатывать кубики льда из формочки в холодильнике. Зимой я иногда в присутствии сестры зачерпывал горстью снег и набивал им рот либо растирал лицо и шею. Иной раз она бросала ледышки или снег мне за шиворот, под свитер и рубашку, а я стоял не шелохнувшись, словно ничего не почувствовал. Ее это здорово раздражало. Сама она начинала трястись от прикосновения к снегу даже сквозь перчатки, когда скатывала снежки для испытания меня холодом. Чего уж там, ее вгоняло в дрожь одно только зрелище, когда я преспокойно улыбался с таким видом, будто снег под рубашкой был для меня подобен утреннему душу в ванной. Она чуть с ума не сходила, на это глядя.

— Он скользкая жаба, — заявила Марта, которая снова вернулась из кухни, теперь уже с чашкой чая для себя, и приютилась на скамеечке для ног. — Он всегда был таким, сколько я его помню. Нет, мы не были с ним знакомы — сомневаюсь, что ему вообще известны наши имена, — но я имею о нем представление, как и все, кто достаточно долго прожил в этих краях и пока что не выжил из памяти. Еще в юности он вечно совался в чужие дела. Этакий мелкий гаденыш. Вдруг появлялся на своем пижонском

байке и начинал выкаблучиваться. И ведь не уймется, пока не получит желаемое. А если сразу не получал, тогда в ход шли угрозы. Его отец нанимал целые толпы работников — в ту пору еще было много ручного труда на селе, — и, чтобы вдруг не очутиться за бортом, им приходилось потакать капризам Прайса-младшего. Батраки, поденщики, сезонные рабочие не имели своих профсоюзов. В отличие от тех, кто трудился на шахтах. Вроде моего Юарта. Батраки должны были делать то, что велят хозяева, и они это делали. Думаю, некоторым это было даже в удовольствие. К примеру, по науськиванию Прайса отлупить пару-другую шахтерских сыновей. Надо учесть, что сельчане были тогда не в ладах с горняками.

Папа слушал рассказ Марты, не шевелясь и не выказывая никаких эмоций.

— Я о тех временах, когда он был еще юнцом. Большую часть года он проводил в элитной школе, как принято в их семействе. Но в летние каникулы болтался здесь и вечно затевал драки с парнями. При этом на девчонок у него почти не оставалось времени. По крайней мере, на нормальное общение с ними. Полагаю, это характерно для большинства ребят в его возрасте, но даже среди них он в этом плане выделялся. А

когда его отец уезжал по делам в Лондон или еще куда-нибудь, к нему наведывались в гости школьные приятели. Не в одиночку или по двое, а сразу гурьбой. Вся усадьба была в их распоряжении. И вот тогда, собравшись вместе, они уже проявляли интерес к девчонкам. Конечно, многие из них умели быть обаятельными. Холеные мажористые мальчики, с иголочки одетые, обученные политесу в частной школе. И я знавала девчонок — простецких местных девчонок, — которые ходили к ним в усадьбу. Вроде как пообщаться, попробовать разных вкусностей. По слухам, все не ограничивалось только этим, но я уже отказывалась выслушивать подробности. Не по мне такого рода истории. Я узнала достаточно и поняла, что представляли собой эти юнцы. Из таких уже не вырастут достойные мужчины. Я о парнях, которые могут подпоить какую-нибудь девчонку и затем пустить ее по кругу как вещь, как живой кусок мяса.

— Кое-кто из них как раз нуждался в большой компании, — заметил Юарт. — Тогда они могли все время переглядываться с приятелями, чтобы не видеть испуганных лиц своих жертв.

Юарт поставил чайную чашку на пол у кресла, и Марта тут же подсуетилась, засунув под нее

тонкую пробковую подставку.

— Стало быть, он по-прежнему помыкает людьми? — уточнил Юарт.

— Пуще прежнего, — сказал Питер. — Потому Джон и хочет найти на него управу.

Юарт оглядел нашего Папу с ног до головы, от начищенных рабочих ботинок до нахмуренного лба.

— Все мы этого хотели бы, — сказал он, — да только он птица не нашего с вами полета. Другой масштаб. Сбить с него спесь мог бы кто-то из людей того же уровня. И не исключено, что кто-то уже такое проделывал. Или Прайс боится, что такое может с ним произойти. Я долго не понимал, зачем ему лично встревать в дела маленьких людей, вроде нас? К чему эта лишняя возня, если он может спокойно стричь свои купоны и вращаться припеваючи в более светских кругах? А затем я понял. Дело в том, что как раз этого он и не может. Он просто боится. И срывает злость на нас, ломая наши жизни.

Еще несколько часов они беседовали о Прайсе и теневой стороне его бизнеса. Марта пересказывала истории, которых за прошедшие годы наслушалась множество. Истории о выселениях, исчезновениях и предполагаемой коррупции

по всему западному Йоркширу, а также за его пределами. Они искали решение этой проблемы. Юарт предлагал прямые действия, как это бывало в те времена, когда люди в округе жили более сплоченно — вместе трудились, вместе выпивали, вместе голосовали на выборах и вместе выходили на забастовки.

Через какое-то время я перестал слушать их разговоры, и Кэти поступила так же. На полу гостиной валялся теннисный мячик со следами собачьих зубов, и мы стали потихоньку перепасовываться им между собой. Тут главное заключалось в точности и выверенной силе удара, чтобы мяч попал ей в ноги, но потом не отскочил слишком далеко. Тогда Кэти могла, не вставая с места, дотянуться до него ногой, перекатить в удобную позицию и щечкой послать обратно. Лишь один раз я сплоховал: мяч пересек всю комнату и приткнулся у батареи под окном. Но Кэти удалось достать его, не привлекая к себе внимания. К тому времени беседа приняла такой серьезный оборот, что только Папа заметил ошибку с мячом и украдкой подмигнул своей дочери.

Месть. Они говорили о мести. Мести мистеру Прайсу и всему, что было с ним связано. Потерянные деньги, в действительности означавшие

потерю драгоценного времени, и потерянные дети, которые могли бы дать родителям ощущение бессмертия, как говаривала Бабуля Морли.

И теперь с ними был Юарт Ройс, который десятилетиями судорожно сопротивлялся медленному разрушению его мира и приходу новых порядков, оставлявших ему все меньше и меньше надежд на какое-либо светлое будущее. На то будущее, о котором он мечтал и молился и за которое он вел борьбу.

Когда мы жили у Бабули Морли, она каждый год водила нас на старый военный мемориал. Памятник был стилизован под каменный англосаксонский крест с высеченными на четырех сторонах именами павших в порядке их воинских званий. И каждый раз при посещении мемориала она говорила, что миллионы мужчин «погибли, танцуя на старый манер». Я не понимал этих ее слов. Годами я ломал голову над их смыслом и лишь изредка улавливал некую связь между ними и очередным маленьким открытием, касающимся человеческой природы или истории мира. Что-то насчет «невольников чести» и «отмирающих ценностей нации». Что-то о людях, которые раз за разом переигрывают одни и те же сцены, пытаясь исправить все промахи

и ошибки в пьесе. О тех, кто отчаянно гнет свою линию против хода сюжета.

Я краем уха слышал обсуждение планов, выдвигаемых моим отцом и его новыми друзьями. И у меня невольно возникало ощущение, что они тоже «танцуют на старый манер» и обращаются к моральным ценностям, не существующим в природе с тех времен, когда возводились эти мемориальные кресты, — да и тогда эти ценности сохранялись только в мечтах, сказаниях и сагах. То была скорее поэтическая мораль, оторванная от реальности.

Глава одиннадцатая

Весна по-настоящему заявила о себе облачками цветочной пыльцы и танцующими в небе стрижами. Птицы, пролетевшие миллион миль, чтобы свить здесь свои гнезда, теперь боролись с непостоянным, то жарким, то вдруг ледяным ветром, срывавшим с ясеней еще молодые соцветия. Стрижи были слишком легковесными, чтобы сопротивляться его резким порывам, как это делали чайки и вороны, но благодаря им я мог воспринимать ветер как разновидность моря. Мощные тугие волны накатывались на песчаные и лесистые берега, швыряя крохотных птиц на крутые утесы. Стрижи скользили по этим волнам и ныряли, рассекая незримую массу — которая могла им казаться ревущей и грохочущей не хуже любого океана на планете, — чтобы потом вынырнуть по другую сторону, глотнуть воздуха и взмыть на гребень. Они отлично знали свое дело. И они принесли нам настоящую Весну. Не ту Весну, что пробивается робкими зелеными побегами из еще мерзлой почвы, а Весну буйства красок, потоков света, вездесущих насекомых и таких долгожданных перелетных птиц, несомых к нам

преобладающими юго-западными ветрами.

Когда тепло вполне установилось, ребята из каравана странников, ставшего лагерем неподалеку, поснимали рубашки и майки, оседлали кроссовые мотоциклы и начали гонять по окрестностям. Прицепив к багажникам клетки с ручными хорьками, они искали в полях и оврагах места с обилием кроличьих нор. Потом запускали в норы хорьков, и те возвращались на поверхность с трепыхающейся добычей — странникам на ужин.

Кэти нравилось за ними наблюдать. Она очень хотела попасть в их компанию, но подойти и попроситься не решалась. Вместо этого мы лишь подсматривали, прячась в канавах и за живыми изгородями. Это стало нашей игрой. Мы выслеживали их, как охотник выслеживает зверя. Мы смотрели, как они боролись сначала с непослушными хорьками, затем с пойманными кроликами. Никто лучше Папы не умел обращаться с животными, равно как и приканчивать их быстро и как можно менее болезненно. В действиях этих ребят было многовато крови, много лишней суеты и воплей. Как-то раз один из них — крупный рыжеволосый парень с торсом, больше покрытым веснушками, чем загаром, — был

укушен кроликом и от боли поднял жуткий вой. Он, конечно, упустил кролика, который сделал несколько прыжков влево и вправо, а потом нырнул обратно в свою нору и был таков. Из его задних лап хлестала кровь, и я понял, что долго он все равно не протянет. Это уже никуда не годилось. Я подумал, что лучше бы ему угодить в папину ловушку и закончить свой жизненный путь в нашем мясном пироге, чем попасться такому неумехе и потом за несколько дней истечь кровью или же погибнуть от зубов лисицы, которая могла на запах крови сунуться в нору и сожрать его там вместе со всем кроличьим семейством.

Но мы все равно продолжали следить за этими парнями. Мы отмечали их особую манеру двигаться, их посадку на байках — слегка ссутулившись и широко растопырив локти, — когда они брались за руль и с ревом газовали на холостом ходу.

Мы так редко видели других людей, что с увлечением слушали даже самые обычные истории из их жизни; и, хотя я любил наблюдать за букашками и птицами, наблюдение за человеческими существами было не в пример интереснее.

После охоты на кроликов молодые странники

садились на свои байки, стартовали, разбрызгивая колесами грязь, и уносились вдаль по тропам на поиски чего-то другого — уж не знаю, что они там еще искали. Мы могли идти за ними на шум, но, если они не делали новых остановок поблизости, слежка в этот день прекращалась. Нам приходилось ждать следующего раза, когда они выедут на охоту или устроят гонки по пересеченной местности. А в остальное время мы всегда могли понаблюдать за кроликами.

Однажды ночью я никак не мог уснуть, хотя был совершенно измотан — весь день проработал с Папой в роще. Спину ломило после взмахов тяжелым топором, которым я разделывал стволы поваленных Папой деревьев. Руки ныли после подъема толстых обрубков на колоду и последующей колки дров. Бедра горели после приседаний и подъемов с разными слишком тяжелыми для меня грузами, которые я перетаскивал на папин склад или в наш дом. Земля в роще была неровной, усеянной камнями, сломанными ветками и опавшей листвой в разной степени разложения. К этому добавлялась молодая поросль и толстые корни от мертвых старых пней. Ходьба по такой местности обернулась болью в лодыжках, а кожу саднило от соленого пота, почти непрерывно

стекавшего по лицу на протяжении нескольких часов.

И тем не менее глаза мои не хотели слипаться; взгляд был таким же ясным, как утром и на протяжении всего этого дня, и мне до сих пор виделись пестрящий солнечными пятнами полог леса, колеблемая ветерком зелень и мой отец, методично обрубающий ветви, которые потом собирали мы с сестрой. А поскольку взгляд мой оставался живым и ясным, то такими же были и мысли. Всякий раз, когда мне казалось, что наконец-то подступает сон, его тотчас прогоняло очередное колоритное воспоминание о прошедшем дне. И вот так, между сном и бодрствованием, я провел почти два часа, а потом откинул одеяло и поднялся с постели. Сунул ноги в тапочки и через две внутренние двери прошел на кухню.

Там я обнаружил сестру, которая стояла перед окном и, отодвинув правой рукой край занавески, смотрела куда-то в ночь. Небо было темным, не считая тонкого серпа нарастающей Луны и Венеры над горизонтом, как будто сконцентрировавшей на себе лучи Солнца. Она казалась крупнее, чем я видел ее когда-либо прежде.

На столе обнаружился кувшин домашнего сидра. Кэти уже выпила примерно половину.

— Тоже встал, Дэнни?

Она крайне редко называла меня так. Головы она не поворачивала, но услышала, как я перешагнул порог и остановился, глядя за окно мимо нее.

Я сказал, что мне не спится, как и ей, судя по всему. Вслух удивился тому, что после дневных работ наши тела устали, но головы почему-то остаются свежими.

— Наверно, я просто слишком разозлена, чтобы спать, — сказала Кэти.

Это заявление меня поразило. И я поинтересовался, что могло ее так разозлить.

— Да я все время злюсь, Дэнни. А ты разве нет?

Я сказал, что вовсе нет. Я сказал, что вообще почти никогда не злюсь, а она в ответ повторила, что разозлена постоянно.

Она сказала, что иногда чувствует себя распадающейся на части. Как будто одна часть ее стоит обеими ногами на земле, а в то же время другая часть бежит вперед, прямо в ревущее пламя.

Я провел с ней еще часа два. Мы допили кувшин сидра, а потом прикончили еще один.

Когда она наконец согласилась отправиться в постель, я вернулся в свою комнату и заснул так быстро, что почти забыл события той ночи. Слов-

но они были частью моего сна. Сна о пламени. Сказать по правде, в те дни я думал, что самым затяжным конфликтом в моей жизни будет тот самый, что я каждую ночь переживал во сне. Иногда мне казалось, что могу спать вечно. А иногда при возвращении из сна в реальный мир я чувствовал себя так, словно только что вылез из собственной кожи, подставляя дождю и ветру свою багровую ободранную плоть.

Глава двенадцатая

— Этот сраный ублюдок еще и выиграл в лотерею!

— Кто?

— Я о сраном ублюдке, который вчера выиграл в лотерею. Кажется, в «Евромиллионах»[6]. Не главный приз, но все равно куш неслабый. Он и без того миллионер, так еще и тут привалило.

Мы с Кэти стояли на парковке позади Рабочего клуба. Покрытие здесь не ремонтировали, наверно, уже лет сорок. Зимние морозы деформировали его до такой степени, что ям было больше, чем плоских участков, а крупные корявые куски асфальта, вывороченные и отброшенные в сторону, образовывали по периметру площадки нагромождения, похожие на обломки горгулий среди руин старинного собора. Некоторые ямы были настолько глубокими, что на их дне виднелся коренной грунт, лишь слегка подчерненный остатками гудрона. Когда-то здесь имелась белая разметка для паркующихся машин, но она давно

[6] Примечания: 6

«Евромиллионы» — межнациональная лотерея, разыгрываемая с 2004 г. в девяти европейских странах. Выигрыш не облагается налогами.

уже исчезла без следа. И все вокруг было усеяно бело-серыми засохшими плевками жевательных резинок.

Утренняя дымка висела на уровне наших коленей. Прогноз на этот день обещал тепло, но сейчас, сразу после рассвета, было холодно и тускло, солнечные лучи увязли в облаках на горизонте.

— Долбаные «Евромиллионы»!

Тут по утрам собирались мужчины, искавшие работу, каковой, вообще-то, было кот наплакал. Уже лет двадцать, а то и больше, в этих краях царила депрессия. Имелась парочка товарных складов, где можно было подзаработать погрузкой ящиков в фургоны. Перед Рождеством ящиков и фургонов бывало больше обычного, но даже тогда их не хватало на всех безработных. Женщинам еще кое-где предлагались вакансии: парикмахерами, нянями, продавщицами, уборщицами или помощниками учителей, при наличии подходящего образования. Но если вы были мужчиной и хотели устроиться грузчиком или сезонным рабочим на ферму, вы приходили на этот самый пятачок. Подъезжал грузовик и увозил вас в поля или в какое-нибудь хранилище, где комбайны вываливали на пол для сортировки

содержимое своих бункеров: сахарную свеклу, или репу, или картофель. В этот день заявка была на картофель, и мужчины сразу прикинули, что их повезут на ферму «Санрайз» — корячиться на сраного ублюдочного фермера, который только что сорвал куш в лотерее.

— По крайней мере, он дает нам отгулы, когда нужно отмечаться в бюро, — сказал кто-то.

— И даже отвозит нас туда, если рискуем опоздать, — добавил другой.

— А ты думаешь, он ради тебя старается? Черта с два! Если ты получаешь пособие, он может платить тебе по минимуму. Сунет десятку в конце дня — и все дела, типа подкинул карманных деньжат.

— Так и есть. А если будешь возникать, он мигом на тебя настучит. Приедет в бюро и заявит, что ты у него работаешь, покажет пару бумаженций, которые якобы выписывает тебе регулярно. Расчетные листы и все такое. Ты этих бумажек в жизни не видел, и вдруг они тут как тут, и ты уже виновен в незаконном получении пособия, в неуплате налогов и хрен поймешь в чем еще. Так оно вышло с Джонно.

— И с Тони так вышло.

— И с Крисом, и с другими.

— Ублюдок!

— Сраный ублюдок!

— Кусок дерьма!

Стало быть, фермер был ублюдком. Как и большинство других фермеров, по мнению работяг, но этот ублюдок был хуже всех, потому что он выиграл в лотерею, и без того уже будучи миллионером. Он был везучим ублюдком. «Евромиллионы». Или моментальная лотерея.

Мы с Кэти походили на два серых каменных столбика, торчавших чуть в стороне от этой группы. Работяги почти не обращали на нас внимания. Они сгрудились в центре парковки, а мы стояли на ее краю, но все же достаточно близко, чтобы слышать разговор. У нас был термос с горячим кофе, и я прихлебывал его из бело-голубой эмалированной кружки, а Кэти пила из термосной крышечки.

Сортировка картофеля на ферме «Санрайз». Такова была работа на сегодня. Скоро приедет фургон, который довезет нас до места назначения. И там высадит. А в конце дня подберет нас на том же месте и высадит здесь.

Кэти нервничала. Я судил об этом по тому, как она сжимала крышку термоса. И по дрожанию ее тонких полупрозрачных век на холодном

воздухе. Ее глаза были так же чувствительны, как ее кожа, не выносившая холода. И чувствительность их возрастала в те минуты, когда ей было страшно. Обычно при появлении какой-то конкретной угрозы Кэти встречала ее с широко распахнутыми глазами и не закрывала их, пока ситуация не разрешалась тем или иным образом. А в этот день страх кругами курсировал по всему ее телу, как заяц по пшеничному жнивью. Я это видел. Она вся как бы ощетинилась.

У меня тоже тряслись поджилки. Ферма «Санрайз» принадлежала миллионеру, на днях сорвавшему куш в лотерее, и он носил фамилию Коксвейн. Да, тот самый Коксвейн, из которого Папа вытряс деньги для Питера. Точнее, вытряс его должок Питеру. Тот самый Коксвейн, которого Папа чуть не забил до смерти на стоянке у игорного заведения. Коксвейн был одним из приятелей Прайса. Эта земля, как и все угодья по соседству, принадлежала Прайсу, а Коксвейн держал на ней ферму, нанимал безработных всего за десятку в день, а если они возмущались, доносил в службу занятости, и смутьянов лишали пособия.

Мы с Кэти прибыли сюда, чтобы выяснить обстановку на месте. Такие инструкции дал нам Папа. А саму идею подкинул Юарт.

Мы должны были покрутиться на ферме, поболтать с работниками и разузнать как можно больше о Коксвейне. Если удастся найти что-то на Прайса, тем лучше, хотя Папа сомневался, что кто-то будет болтать о нем. Поденщики на фермах даже не ведали, кто реально владеет этой землей, кто управляет издали этими управляющими, какие деньги здесь крутятся и какая доля прибылей уходит на оплату их труда. Они просто сортировали овощи и получали немножко наличных, чтобы потом пропустить пинту-другую пива и купить курево в магазинчике на углу.

Мы допивали кофе, когда появился фургон. Кэти взяла у меня кружку и выплеснула на землю осадок. Потом убрала ее вместе с термосом в свой рюкзачок, где лежал еще и пакет сэндвичей.

Из-за руля выбрался мужчина с большими рыхлыми усами неопределенного цвета и папкой-планшетом в руке. Работяги — и мы с Кэти вслед за ними — неспешно приблизились и обступили его полукольцом. Все держали руки в карманах курток, застегнутых под самое горло. Мужчина провел перекличку, помечая в планшете имена, обладатели коих один за другим залезали в фургон.

Тут бригадир заметил меня и сестру:

— Это еще что такое?

Кэти шагнула вперед:

— Мы пришли, чтобы работать. Как и все остальные.

— А сколько вам лет?

Кэти пожала плечами:

— Какая разница?

— Я задал вопрос, ты его слышала? Сколько тебе лет?

— Восемнадцать, — соврала она. — А ему шестнадцать.

— Этот малыш твой бойфренд?

— Он мой брат.

— Как вы узнали о месте сбора?

Она снова пожала плечами, но бригадир ждал ответа, нисколько не впечатленный этим пренебрежительным жестом.

— Как и все, — сказала она. — Нам посоветовали. Один человек сказал: «Если будет совсем туго с деньгами, приходите рано утром к Рабочему клубу». Ну вот мы и пришли.

— Как зовут вашего отца?

— Сэм Джонс. Вы его знаете?

Имя вполне распространенное. Интересно, откуда она его взяла: вспомнила какого-то знакомого человека или просто ляпнула первое, что

взбрело в голову?

— Никогда о нем не слышал. Кто-нибудь из них может за вас поручиться? — Он мотнул головой в сторону людей в фургоне и тех, кто еще стоял на парковке.

— Мы слыхали, в этом сезоне у вас нехватка рабочих рук, вот и пришли — вдруг возьмете?

Бригадир ненадолго задумался. Моргнул несколько раз подряд. Его веки были такими же бесцветно-серыми, как его усы.

— Это верно, лишние руки нам не помешают. А вы потянете работу?

Кэти пожала плечами в который уже раз.

— Работа не из легких. Надо наклоняться, поднимать и…

— Не бог весть какая тяжелая, — прервала его Кэти. — Нам не впервой сортировать картошку. И собирать ее на поле. И таскать в мешках. Дело-то нехитрое. Мы работали на ферме неподалеку от Гримсби, занимались и картошкой, и свеклой, и другими овощами.

— В Гримсби? Каким же дурным ветром вас занесло оттуда в наши края? Или вы из этого цыганского отребья?

— Там жила наша бывшая няня. Раньше мы часто к ней приезжали. А теперь живем с отцом.

— То есть с этим Сэмом Джонсом?

— Ага.

Он ей не поверил, но все же позволил нам сесть в фургон.

Последние работяги погрузились следом за нами, занимая свободные места. Сиденья были покрыты каким-то липким материалом с претензией на кожу и кое-где зияли прорехами, из которых сыпался набивочный материал. Часть этих дыр была проделана намеренно, — должно быть, кто-то из работяг, выплескивая обиду и злость, кромсал мягкие подушки лезвием перочинного ножика, только чтобы не воткнуть его в мышцы собственного бедра. Но в большинстве случаев сиденья прохудились естественным образом.

Во время стоянки бригадир не выключал двигатель и печку, следствием чего было благостное тепло внутри фургона. Окна запотели, и холодный мир снаружи казался погруженным в плотный туман. Я провел по стеклу пальцем — одну линию длиной дюймов шесть на уровне моих глаз, как прорезь в рыцарском шлеме. Я посмотрел в эту прорезь, и мой нос прижался к стеклу, оставив на нем еще одну отметину.

Фургон не был заполнен и наполовину, так что

лишь мы с Кэти оказались сидящими рядом. Все прочие уселись поодиночке на сдвоенные сиденья: одни вальяжно развалились, забросив руки на спинки, другие пристроили на свободных местах свои сумки или куртки. Они хорошо знали друг друга, но все же предпочитали сохранять дистанцию, обозначая свое личное пространство.

Перед нами сел мужчина в черной вязаной шапочке и темно-зеленой куртке-бомбере. Когда дверь закрылась и фургон тронулся, он снял верхнюю одежду. Под шапкой обнаружилась бритая голова с татуировкой ниже затылка: слово или фраза таким плотным готическим шрифтом, что я не смог разобрать отдельные буквы. А под курткой он носил белую безрукавку. Судя по всему, он был худощав от природы, но интенсивно занимался бодибилдингом. Накачанные мышцы казались ненатуральными, как-то неловко прилегая к его костям.

Устраиваясь поудобнее, мужчина перехватил мой взгляд. Тогда он сел вполоборота, привалившись спиной к окну, и начал разговор:

— Раньше я вас двоих здесь не видел.

— Нужны деньги, — коротко сказала Кэти.

— Ну да, как и всем нам.

У него в руке было яблоко, которое он начал

полировать о штанину, как натирают перед броском крикетный мяч. Потом поднес его ко рту и с громким хрустом откусил примерно четверть. Разжевал откушенное, проглотил и снова посмотрел на нас.

— Видать, совсем плохи дела, если решились примкнуть к нашей компашке, — предположил он.

— Типа того, — сказала Кэти.

— Я только хочу вас предупредить, как новичков: работенка эта дерьмовая.

— Прям уж такая дерьмовая? — усомнилась Кэти. — Это почему?

— Потому что дерьмовее некуда. — Он понизил голос. — И боссы сволочи те еще. Мы-то подряжаемся лишь потому, что нет выбора.

— Как же так вышло?

— Тут, почитай, каждый или отмотал срок, или имеет настолько хреновые характеристики, что найти приличную работу ему не светит. Мы все сидим на пособиях. А боссам это только на руку. Порой сами возят нас в надзорный офис или в бюро трудоустройства, чтобы мы вовремя продлевались, потому как тогда они могут платить нам меньше.

— И сколько платят?

— Сейчас дают двадцать фунтов за световой день, это порядка десяти часов. Наличкой, заметь. А дни становятся все длиннее. Мало кто другой на это соглашается — даже литовцы, — просто оно того не стоит. Нас таких, конечно, негусто. И все это ради жалкой добавки к пособию, чтобы вечерком оттянуться в пабе и затовариться блоком сигарет.

— Лично я обхожусь самокрутками.

— Правда? А ты, я гляжу, девчонка не промах. Свернешь одну для меня?

Кэти достала кисет и взялась за дело. Когда самокрутка была готова, она протянула ее между подголовниками передних сидений. Мужчина взял ее и сунул за ухо:

— Здесь дымить западло. Сберегу на будущее.

— А кто у нас босс? — спросила Кэти.

— Сегодня пашем на Коксвейна. Он один из худших, хотя другие тоже не фонтан, чего уж там.

— А на кого еще вы работали?

— Да на всех подряд. На всех землевладельцев в округе. Где картошка, где еще что на подхвате. Иногда бывает халтура на скотобойнях. Там боссом Джим Корвайн. Есть еще Дейв Джеффрис. Есть Прайс.

— Прайс?

— Да, Прайс. Этот вообще на меня жуть нагоняет. Но мы его редко видим. Большая шишка, понимаешь ли.

— А чем он был так страшен, когда вы его видели в последний раз?

Работяга пожал плечами:

— Говорю же, я с ним толком не общался. Как и прочие из наших. Я только знаю, что на него лучше не нарываться. Пару лет назад — хотя сейчас уже лет пять, наверное, — один из наших парней покалечил ногу на ферме Прайса. Не знаю точно, какую работу он выполнял, но это было уже после заката и при плохом освещении. И вот Джонно — так звали парня — потолковал с ребятами в пабе и захотел урвать с Прайса чуток баблишка. Компенсацию за увечье, стало быть.

— Ну и как, урвал?

— Хрена лысого он урвал! Только заикнулся, как почти всю его родню в два счета выселили из домов. Оказалось, что этими домами владеет Прайс. Ладно бы только Джонно досталось, так ведь турнули и его старуху-мать, и его сестру с мальцом из квартиры в Донни[7], и даже какого-то несчастного кузена, который жил в одном из

---

[7] Примечания: 7

Донни — разговорное название г. Донкастер.

Прайсовых домов аж на другом конце графства. Вымели одним махом всех без разбора. Вот и весь урок: против Прайса не попрешь. Конечно, многие из нас будут рады, если он где ненароком схлопочет пару смачных плюх, да только мало кто на такое решится.

— Но кто-то ведь может решиться?

Работяга пожал плечами и откусил еще четверть от яблока. Место первого укуса к тому времени уже стало золотисто-коричневым.

— Разве что кто-то, кому совсем терять нечего.

Кэти быстро взглянула на меня. Потом ее нога коснулась моей, и мы непроизвольно стали дышать в унисон — знак взаимной поддержки при первых шагах на пути к общей цели.

Фургон въехал во двор фермы. Из окна я увидел несколько приземистых краснокирпичных строений под крышами из рифленого железа, а чуть подальше — старые конюшни. Еще там были два больших амбара, когда-то покрашенные один в синий, другой в белый цвет, но краска давно выцвела и облезла, так что преобладающим стал тусклый цвет металла под дождем. Высокие двери амбаров были распахнуты настежь, чтобы дать больше света работающим внутри людям.

Гэри — так звали нашего соседа по фургону

— сказал, что пора выгружаться и приступать к работе. Следующие десять часов, а то и больше, мы трудились с ним рядом. Лишь один раз ненадолго прервались, чтобы выпить по чашке кофе и подкрепиться захваченными с собой сэндвичами. Гэри познакомил нас с несколькими работягами и пересказал им то, что мы шепотом сообщили ему в процессе работы. Он сказал, что у нас есть отец, который может окоротить мистера Прайса или по меньшей мере открыто против него выступить. Кто-то рассмеялся нам в лицо, а кто-то отвернулся, пряча усмешку. Но так поступили не все. Некоторые внимательно оглядывали меня и Кэти с ног до головы, как будто пытаясь прикинуть габариты нашего отца по его отпрыскам. Я тут же представил, как бы они удивились при виде Папы. Тогда я был все еще мал и худ, а Кэти, хоть и обладала необычайной, даже пугающей силой, в их глазах была самой обыкновенной девчонкой. Зато Гэри, кажется, нам поверил. Оно и понятно: ведь он общался непосредственно с моей сестрой, а Кэти могла быть убедительной, как никто другой. Она с первых секунд разговора смотрела в глаза собеседнику, кем бы он ни был. Смотрела прямо, почти не мигая, а если когда и моргнет, то едва заметно. И никаких нервных

смешков там, где другой бы от них не удержался. Она излагала свои мысли четко, не отклоняясь от сути, и всегда твердо верила в то, что говорит, — мало кто способен быть столь же честным перед самим собой. И Гэри, видимо, уловил искреннюю надежду в ее голосе. А он в свою очередь убедил остальных, и Кэти воспользовалась моментом, чтобы пригласить их в наш дом, согласно папиным наставлениям. Предполагалось, что мы разведем большой костер, будем жарить мясо на открытом огне, пить пиво и сидр. Несколько работяг согласились прийти, а Гэри пообещал уговорить и привести еще кое-кого из своих знакомых. При этом Кэти попросила его держать язык на привязи. Он обещал действовать осмотрительно, и мне это обещание не показалось пустым. Тем же вечером мы сообщили имена всех этих людей Юарту.

Глава тринадцатая

Забота о лесе оборачивается избытком древесных отходов, сваливаемых в кучи тут и там. Нужно очищать подлесок от валежника и срубать нависающие ветви, где они закрывают свет молодым деревцам. Нужно следить за ростками и периодически их прореживать, оставляя только «правильные» и удаляя все лишнее. И еще нужно обрезать стволы орешника, чтобы они в следующем сезоне дали множество тонких прямых побегов, отрастающих, как головы Гидры.

Тонкие ветви орешника служили материалом для плетней и корзин; они же составляли каркас глинобитных строений. Папа с нашей помощью занялся постройкой нового, более просторного курятника: соорудил глинобитные стены и увенчал их подобием тростниковой крыши — именно что подобием, поскольку кровельщик из Папы был неважнецкий, и он сам это признавал.

Новый курятник примыкал к задней стене нашего дома рядом с кухонной печью, так что курам доставалось тепло от щелей между бревнами и нагретых камней фундамента. Папа считал неправильным то, что большинство селян дер-

жат кур где-то в глубине сада, подальше от жилых помещений, чтобы людей не беспокоили их кудахтанье и возня. Сам он был готов смириться с таким неудобством, как постоянный шум за стеной, лишь бы не тревожиться за оставленных на холоде птиц, при этом зная, что есть такое простое решение этой проблемы. Вот мы и пристроили куриный дом вплотную к нашему. При этом курятник с его изогнутыми и неровными стенами снаружи смахивал на здоровенный волдырь, обезобразивший ровные и строгие линии дома, изначально возведенного Папой, или на что-то вроде гротескно-гигантского осиного гнезда, прилепившегося к белому стволу березы.

В процессе этого строительства и регулярной очистки рощи у нас накапливалось очень много отходов. Часть из них шла на топку печи, а остальное мы время от времени сжигали в больших кострах. Для этого лучше всего подходили тихие ясные вечера, пусть даже и прохладные. Мы согревались у высокого пламени, поджаривали мясо, овощи или просто куски хлеба, как в те времена, когда мы еще только осваивались на новом месте и жили в автофургонах.

В очередной раз накопив целую гору топлива, мы решили пригласить к нашему костру гостей.

Позвали мясника Эндрю, Питера, Юарта с Мартой, а также Гэри и других работяг, с которыми познакомились на ферме. Юарт сказал, что такая встреча позволит всем нам лучше узнать друг друга и мы сможем заручиться поддержкой местных или хотя бы выяснить настроения в общине. А Марта добавила, что мы трое уже слишком долго живем отшельниками.

Пожалуй, так оно и было. Наверно, поэтому перспектива появления на нашем холме множества новых лиц вызывала странные чувства, словно нам предстояло раздеться догола перед толпой.

Так что ко вполне понятному волнению примешивалась и немалая доля страха. Я взял на себя заботу о продуктах. Прикинул, что и в каком количестве нам потребуется, и позаботился о своевременных заготовках. Собрал с грядок весенние овощи и крупно их нарезал для жарки на вертелах над огнем. Отобрал картофелины покрупнее — молодая картошка в земле еще не достигла приличных размеров, так что пришлось обратиться к прошлогодним запасам, хранившимся в джутовых мешках в прохладной кладовой. Правда, запасы эти уже порядком истощились, но я нашел достаточное количество подходящих клубней и обернул их фольгой, что-

бы потом испечь на углях. Так они получались с дымком и с ломкой корочкой, а белая нежная мякоть таяла во рту, почти как сливочный крем или масло, кусочки которого мы клали на очищенные картофелины. Мясо разделывал Папа, но я потом собрал обрезки и потроха, пропустил их через мясорубку и настряпал пирожков с добавлением ячменя и специй.

Мы также позвали Вивьен.

Я бывал у нее почти каждый день. Иногда она давала мне книгу или какое-нибудь задание и оставляла в гостиной одного. Но порой она не уходила, и мы разговаривали о разных вещах. Я ценил эти беседы и старался придумать хороший вопрос касательно читаемой книги в надежде, что ее ответ окажется длинным и обстоятельным с переходом на другие темы, с дальнейшими вопросами и новыми ответами.

Меня занимала сама мысль о появлении Вивьен в нашем доме. Мне хотелось увидеть ее в новой обстановке и показать ей, как живем мы с Папой и Кэти, — показать деревья в нашей роще, наших кур, мой огородик за домом, ну и сам дом, конечно. Возможно, она узнает что-то, чего не знала раньше. Это была моя земля, и я был готов показать ей все. Будь у меня достаточно времени,

я бы отвел ее к железной дороге. Конечно, во время вечеринки все гости смогут услышать и разглядеть вдали проходящие поезда, но я хотел бы сходить к самой насыпи именно с Вивьен.

А поезда — все те же знакомые поезда — знай себе катили мимо. И я попытался представить себе, о чем думает машинист и о чем думают пассажиры, в наступающих сумерках видя из окон нашу рощу на холме и струйку темного дыма над кронами деревьев.

Костер обещал быть что надо. Папа собрал весь валежник и сухостой, какой смог найти, включая хворост из придорожных кустов и дубовые ветки, валявшиеся на тропе. Прошлым летом во время грозы молния попала в старый бук. С той поры мертвое дерево полувисело, опираясь на ветви собратьев и уродуя своим видом их строй. Папа срубил его под корень и притащил к нам. В течение нескольких дней, пока я занимался своими приготовлениями, он без устали ломал, колол и сушил все это дерево: разводил костерки в углублениях и сверху штабелем складывал сыроватые бревна, как при выжиге древесного угля.

В назначенный день мы с Кэти помогли ему переместить дрова на новое место, чуть в стороне. Папа решил не разводить костер там, где он был

изначально сложен, потому что за прошедшее время в этой куче могли поселиться какие-нибудь зверюшки. Так и оказалось: когда Папа поднял одно из старых бревен, мы увидели маленького ежа, который изумленно задрал морду навстречу дневному свету, а затем свернулся в тугой клубок и встопорщил иглы. Папа осторожно подцепил его широкими жесткими ладонями и отнес в безопасное место.

Когда мы подожгли заново сложенную конструкцию, сразу стало ясно, что дерево не успело как следует просохнуть: во многих бревнах, ветвях и листьях еще сохранилось немало влаги. Костер разгорался с шипением и треском, выделяя клубы пара, как кипящий котелок. Но постепенно пламя взяло свое, и над ним вместо горячего пара заклубился дым. Послеполуденный ветер был переменчив, задувая то с одной, то с другой стороны. Это шло на пользу костру, но не нам. Мы с Кэти никак не могли определиться с удобным местом и не раз при смене ветра убегали от черного дыма и длинных языков пламени.

К моменту появления гостей пляшущее янтарное пламя высвечивало большой круг в сумерках. Юарт и Марта Ройс принесли корзину булочек, чтобы делать из них тосты. Вскоре прибыл Гэри

с десятком работяг, а за ними подтянулась еще дюжина человек, которым Гэри дал наш адрес. Кое-кто из мужчин поглядывал на Кэти, но, поскольку рядом находился Папа, приставания ей не грозили. Многие были с подружками или женами, а некоторые прихватили малолетних детей и даже младенцев. Прибыли Эндрю, Питер и другие люди из окрестных деревень — кто-то в свое время также получал помощь от Папы, а до кого-то просто дошел слух о гулянье на холме. Почти все принесли выпивку, а некоторые и еду для приготовления на костре, так что, хотя мои припасы скоро иссякли, никто не остался голодным.

На протяжении всего вечера Юарт Ройс отводил в сторонку мужчин и женщин, по одному или по двое, и вел с ними продолжительные беседы об их жизни и их домах. Он выяснял, где они работают и сколько получают за свой труд. Кто владеет домом, в котором они живут. Кому они платят за аренду и какие суммы. Как правило, они выкладывали все без утайки. А когда разговор касался притеснений со стороны домовладельцев и ленд-лордов, большинство поливали их грязью на чем свет стоит. И ничего странного в этом не было.

Одна из женщин — в шерстяном спортивном

костюме, с длинной грязно-блондинистой шевелюрой, собранной в хвостик ниже затылка, и горящей сигаретой между средним и безымянным пальцем — неожиданно повысила голос. В ту минуту она рассказывала Юарту о человеке, которому принадлежал ее скромный коттедж:

— По крайней мере, когда с меня брали плату местные власти, они хоть что-то делали. Если нужен был мастер, ждать приходилось долго, но в конце концов он появлялся и чинил мою плиту или что там еще было сломано. Я знала, к кому обратиться. Я знала, что там идет хоть какой-то… как это называется… хоть какой-то процесс, пусть даже в нем сам черт ногу сломит. Я платила деньги муниципалитету, содержала дом в чистоте, а они со своей стороны обеспечивали мне сносные условия для жизни. А теперь этому частному владельцу на меня наплевать. Вот, к примеру, у меня сломался холодильник — в прошлом году перегорела проводка, и с тех пор он не морозит. Использую его как дополнительный шкаф, больше он ни на что не годен.

Среди слушателей послышался смех. Женщина восприняла это как поддержку и тоже коротко, гортанно хохотнула.

— Считайте меня наивной, но я только после

этого поняла, что все дело в земле. Как ты и говорил мне раньше, Юарт. Землевладелец там не для того, чтобы предоставлять услуги жильцам или вообще давать им хоть что-то в обмен на их деньги. По сути, я плачу ему за землю. За право жить на его земле. Для вас это может быть очевидным, но я так не считала, когда платила деньги муниципалитету. Тогда я думала, что плачу за содержание моего дома. Но теперь, скажу я вам, даже если мой дом рухнет, Джим Корвайн все равно потребует с меня деньги. Потому что это его земля. Только земля. Я плачу за возможность жить на клочке земли, которую мы, все мы, когда-то считали своей. И вкалываю как проклятая, чтобы платить за землю, которую все мы когда-то считали своей. Но я не вижу для этого никаких оснований, больше не вижу.

Послышались одобрительные возгласы.

Позднее я застал Юарта стоящим метрах в двадцати от костра, у стола с закусками.

— Вам что-нибудь нужно, Юарт?

— Нет, спасибо. Застолье удалось на славу. Это ты готовил салаты?

Я кивнул.

Юарт зачерпнул ложкой капустный салат, положил его на ломоть хлеба и накрыл куском

только что поджаренного мяса.

— И гостей полным-полно, — сказал он. — Вы с сестрой хорошо сделали свое дело на той ферме. А сестра Марты, Джулия, хорошо сделала свое дело на местной почте. Она приглашала сюда жителей деревни, приходивших за пенсиями и разными пособиями, а также тех, кто снимал деньги со счетов для оплаты аренды.

— Да, толпа собралась изрядная, — согласился я. — Как думаете, из этого всего выйдет толк?

— Пока трудно сказать. Я уже не так хорошо понимаю людей в округе, как понимал в былые времена. Не знаю, что они чувствуют и что думают. Иногда мне кажется, что прежний дух исчез полностью, а иногда — что он все еще здесь, но до поры дремлет. Многие из нынешних гостей — сыновья и дочери тех, кто работал со мной на шахте. А еще многие безвременно скончались. Они слишком налегали на выпивку, сигареты и грубую пищу, вроде этого вот мяса. Мы все так делали. Однако я вижу здесь и кое-что от того, прежнего мира. Люди так же бедны, как были всегда, и так же измучены. Но на больших вечеринках бывает проще сплотить людей, чем держать их порознь. Точно так же снова сплотить общину легче, чем постоянно настраивать

людей и семьи друг против друга. А ведь именно на это были направлены все усилия лендлордов в последние десять с лишним лет.

Юарт откусил от бургера, и майонез потек по его подбородку. Я взял со стола салфетку и протянул ему, чтобы вытер лицо. В этот момент я обнаружил, что рядом с нами стоит Вивьен. Она смотрела на Юарта как-то неопределенно. Я не был уверен, что они знакомы, но, прежде чем попытался представить их друг другу, она заговорила:

— Эта сплоченность во все времена была очень относительной. Те же мужчины, которые так легко и естественно объединялись для взаимной поддержки, могли вечером прийти домой пьяными и отлупить своих жен.

Юарт на секунду был застигнут врасплох, и Вивьен продолжила:

— Есть мечтания, Юарт, и есть воспоминания. А еще бывают воспоминания о мечтах.

Юарт выждал еще пару секунд, затем промолвил «угу», кивнул и грустно улыбнулся на прощание. Он удалился к столу с напитками, где Марта усердно наполняла пластиковые стаканы сидром из бочонка.

— По-вашему, эта затея не сработает, Вивьен? —

спросил я.

Она пожала плечами вместо ответа.

Глава четырнадцатая

На следующий день я, как обычно, посетил дом Вивьен. Она общалась со мной большую часть утра, а затем оставила меня сидеть в одиночестве перед плюющимся искрами огнем и поднялась на второй этаж. Оказывается, она собиралась повидать в городе кого-то, с кем давно дружила. Она сказала, что вечером посетит ресторан в Лидсе, а потом театр, где посмотрит пьесу вместе с этим другом (или подругой), после чего заночует в его (или ее) доме. Я ни разу не услышал слов «он» или «она», хотя был очень внимателен, как ни разу не услышал и какого-либо имени, хотя старался не пропустить ни слова. Я задал несколько вопросов, какие обычно провоцируют упоминание пола человека. Она отвечала вежливо и коротко, но это ничего не прояснило.

Я слышал ее шаги в комнате наверху. Скрипели половицы, со щелчком открывалась и закрывалась тяжелая дверь платяного шкафа. Отчетливо брякали проволочные вешалки о стальную штангу в шкафу. Звенели тесно составленные флаконы со всякой парфюмерией, когда Вивьен дергала выдвижные ящики, покачивая туалет-

ный столик.

Я слышал все это лишь потому, что весь обратился в слух.

Я лишь однажды побывал на втором этаже дома Вивьен, чтобы воспользоваться туалетом. В тот день ванная комната внизу ремонтировалась, и стены там были покрыты свежей краской.

Моим первым впечатлением — хоть я и почувствовал себя неловко при этой мысли — было то, что за чистотой и порядком наверху следят гораздо меньше, чем внизу. Комнаты явно пребывали в запущенном состоянии. На стульях лежали стопки книг, а мусорная корзина была переполнена. Длинные узкие листья паучников на подоконнике потемнели на кончиках, а земля в их горшках высохла до окаменения. А по оконным стеклам с обеих сторон очень не помешало бы пройтись влажной намыленной тряпкой. На дверных ручках и выключателях виднелись жирные отпечатки пальцев.

Плотный бурый коврик на виниловом полу ванной был посыпан тальковым порошком с ароматом роз. Банку порошка я заметил на полке позади унитаза. Субстанция эта была мне знакома еще с раннего детства в доме Бабули Морли — всякий раз после ванны бабушка осушала меня

или Кэти полотенцем и втирала нам в кожу этот мягкий тальк, похожий на сахарную пудру, и потом уже помогала нашим маленьким рукам и ногам влезть в ночные пижамы.

Над раковиной в ванной комнате Вивьен висело зеркало со стеклянной полочкой, на которой валялись пара зубных щеток и полупустой тюбик пасты, бело-голубое содержимое которого частично размазалось по стеклу.

Выйдя из ванной, я направился было вниз, на кухню, где Вивьен уже приступила к заварке чая. На плите вовсю кипел чайник, заглушая все звуки, производимые ею там, а также шум, который я мог произвести здесь.

Но тут я заметил приоткрытую дверь ее спальни и, что тут скажешь, не устоял перед соблазном. Я проскользнул в эту щель, не раскрывая дверь шире.

На стуле и в углу кровати лежала одежда, как чистая, так и грязная, а платяной шкаф стоял нараспашку.

Прежде всего я подошел к шкафу и провел пальцами по рукаву шелковой блузки цвета слоновой кости с тонкой вышивкой в виде фиалковых лепестков, потрогал выщербленные перламутровые пуговицы. Затем достал из шкафа

хлопчатобумажное платье на вешалке и поднял его высоко перед собой. Оно было узким в талии и расширялось там, где обтягивало грудь и бедра Вивьен. Когда она носила платья или блузки на пуговицах, последние с трудом застегивались на ее груди. А вот юбки туго охватывали ее бедра, но порой вздувались пузырем на ее плоском животе.

Сам же я был худым как щепка. Мои седалищные кости выпирали под бледными тощими ягодицами, в чем я легко мог убедиться на ощупь. Грудная клетка была тощей под стать заду. При недоразвитых мышцах ребра натягивали кожу до почти прозрачного состояния, и при падающем сверху свете очертания ребер дополнительно подчеркивались тенями, которые они отбрасывали.

Я переместился к белью для стирки, кучей сложенному на кровати.

Тут нужно заметить, что я никогда не думал о себе как о мужчине. Я даже не думал о себе как о мальчике. Конечно, если бы меня спросили, я бы ответил, что являюсь таковым. Не то чтобы я когда-либо активно отвергал это определение. Я просто о нем никогда не задумывался. У меня не было причин об этом думать. Я жил с отцом

и сестрой, которые были всем моим миром. Я не думал о Кэти как о девчонке или женщине, для меня она была просто Кэти. Я не думал о Папе как о мужчине, хотя знал, разумеется, что он им был. Я думал о нем просто как о Папе.

За те месяцы, что мы втроем прожили в роще, я отпустил длинные волосы. Не намеренно, а лишь из невнимания. Я забывал подстричься. Я забывал попросить Кэти или Папу меня подстричь. А они мне об этом не напоминали. Так что волосы отрастали. Они были цвета буковой коры. И сильно спутанные, поскольку я не пользовался расческой. А порой еще и маслянисто блестели — хоть я их и мыл, но делал это нерегулярно. Ногти у меня также были длинными. Не припоминаю, чтобы я когда-нибудь брал в руки маникюрные ножницы. Даже не уверен, имелись ли они у нас дома. Когда ногти начинали мешать, я их поочередно обкусывал, и все дела. В остальное время я позволял им расти — пусть и не до абсурдной длины, но все же, как я обнаружил со временем, несколько длиннее нормального для мальчиков. Или для мужчин. В ту пору я не знал, что отращивать длинные волосы и ногти вполне свойственно девушкам, но не парням. Я об этом не задумывался. Так же точно мне было

невдомек, что мужчины и мальчишки в округе ни за что не станут носить короткую, не доходящую до пояса майку, как это делал я. Отчасти это объяснялось все той же невнимательностью. Я рос, сам того не замечая, и продолжал носить свои старые майки. Но отчасти, должен признать, я делал это в подражание моей маме, которая носила майки таким манером. Я разгуливал в слишком коротких майках и слишком тесных джинсах потому, что подметил это у моей мамы. И никто не объяснил мне, что это неправильно. Или никто этого не замечал. Или это не имело значения. Или… уж не знаю что.

Вот почему, когда я в тот день поднял кое-что из приготовленного к стирке нижнего белья Вивьен и стал разглядывать всякие пятнышки в некоторых местах, это нельзя было приравнивать к аналогичному поведению взрослого мужчины в женской спальне. Уверяю, это было не то же самое. Я не представлял никакой угрозы. Да разве я мог бы?

Я не знал элементарных правил приличия и норм поведения для мужчин и женщин. Не знал я и того, что определенные места на теле играют особую роль и имеют особую значимость. И что эти места защищаются особой одеждой, на ко-

торой иногда остаются следы этой самой особой значимости.

Короче говоря, я совершенно не понимал, что делаю.

Кроме того, мой интерес не совпадал с интересами настоящих мужчин в подобных ситуациях.

Следовательно, мое поведение нельзя было мерить той же меркой.

Я вновь услышал Вивьен наверху. Она перешла из ванной в спальню. Включила свет. Послышалось слегка вибрирующее гудение вытяжной вентиляции.

Я встал с кресла и подошел к камину. Вынул из железной корзины кочергу. Ручка находилась близко к огню и нагрелась так, что я в первый миг чуть ее не выронил. Но удержал и сунул загнутый конец кочерги в алые искрящиеся угли. И держал ее в таком положении. Очень долго держал. Наконец температура железа перешла от еле терпимой к совершенно невыносимой, и мои пальцы инстинктивно разжались. Кочерга ударилась о каминную решетку с гулким, довольно мелодичным звуком.

Вивьен услышала.

— Там внизу все в порядке? — крикнула она.

Я не отозвался. Но видимо, мое молчание не

обеспокоило ее настолько, чтобы повторить вопрос или сойти на первый этаж.

Я прикидывал, каким образом можно вынудить ее срочно спуститься. Натянул на ладонь рукав свитера и снова взялся за кочергу. Но в последний момент передумал. Раскидать кочергой горящие угли по ковру — это был бы уже перебор. Меня вполне устроило бы небольшое возгорание или сильная задымленность, но выброшенные на ковер угли грозили опасными последствиями, которые я не мог предугадать или контролировать. Что, если запылают мебель, картины и книги Вивьен? Хотя, конечно, это уж точно заставило бы ее броситься из спальни вниз, не думая о том, что на ней надето или не надето.

Я вернул кочергу на место и переместился в кухню. Вивьен держала свои лучшие фарфоровые блюда на самом видном месте: на верхних полках дубового буфета. Помнится, она как-то рассказывала мне о том, какая фирма и как давно изготовила эти блюда, которые были свадебным подарком ее прадеду и прабабке от одной дальней родственницы.

Блюда могут быть сброшены с полок одним взмахом руки. Они разобьются о поверхность нижней тумбы буфета либо о шиферную половую

плитку. Изящные, нарисованные тонкой кистью сине-фиолетовые цветы и бордовые листья станут просто кусочками цветного фарфора на полу. Вивьен услышит звон посуды и сразу устремится вниз.

Искушение было велико, что и говорить. Но в то же время я сознавал, какими тяжкими для меня будут последствия. Она бегом спустится по лестнице и увидит меня среди осколков ее семейных реликвий. Мое сердце наверняка забьется быстрее. Меня охватит радостное возбуждение. Но очень скоро это пройдет. Я увижу ее недоверие, ее отчаяние, ее гнев; и чувство вины начнет просачиваться по капле, а затем хлынет потоком, чтобы угробить мою эйфорию в зародыше.

Я взял с полки чайник, наполнил его водой, поставил на плиту и включил конфорку. Сначала шум был еле слышным, но понемногу вода начала бурлить. Вскоре клокочущий звук и свист пара создали достаточный фон для маскировки моих шагов на лестнице.

Спальня Вивьен находилась по соседству с ванной комнатой, и дверь была приоткрыта. Она стояла перед зеркалом в лифчике и узких трусиках. Лифчик был черным, с кружевной отделкой, а трусики бежевыми, шелковисто-блестящими.

Над ними полосой выделялся верхний край колготок телесного цвета, туго охватывавших живот. Место пониже талии, где она носила бы ребенка, если бы забеременела, слегка выпирало под материей. Она причесывалась и укладывала волосы невысокой волной. Свет лампы, падая на эту волну, отливал золотом.

Наклонившись ближе к зеркалу, она начала красить ресницы.

Меня она не заметила. И не услышала. Чайник шумел вовсю. Я попятился от двери к лестнице и сошел вниз.

Полчаса спустя она спустилась на первый этаж при полном параде. Она была прекрасна.

IV

Я говорю с Биллом больше, чем следует. Я несу всякий вздор. Я отвлекаю его от дороги. Я говорю о Кэти и о Папе, о нашем доме на холме, о лесах и деревьях, о пище, которую мы ели, и сидре, который мы пили. Я говорю о людях, с которыми мы подружились, и о нашей домашней живности. Я рассказываю ему все. Все, что произошло той ночью.

Я устал от ходьбы, а Билл также держал путь на север. «Ты доберешься до своей сестры так или иначе, — сказал он. — Найдешь ее в конце пути».

Я запрыгнул в кабину его грузовика, и мы покатили навстречу ночи.

Я заменяю ему радио. Я бормочу не очень внятно, запинаясь и пришепетывая. В конце концов умолкаю и погружаюсь в свои мысли.

До Эдинбурга пара часов езды напрямую, но у этого незнакомца другой, извилистый маршрут. Он то и дело сворачивает с автострады на боковые дороги, делает остановки в городках и деревнях, где небольшими партиями постепенно освобождается от своего груза. Я посещаю места,

о существовании которых даже не подозревал. «Твоим поискам это лишь на пользу, — говорит он. — Ты ведь не знаешь, куда она могла пойти». В этом он может быть прав.

Мы проезжаем холмы, лиловые от цветущего вереска. С расстояния в несколько миль мы видим крутую, ярко освещенную скалу и мутно-серые отливные волны Северного моря.

«Глаза голубые, как Северное море», — однажды сказал Папа о моей сестре. Голубые, как Северное море, — да уж, нашел с чем сравнить.

Билл рассказывает мне об отметинах на своем теле. Однажды, еще школьником, он схватился не за тот конец нагретого паяльника, и кожа его ладони расплавилась, как воск, а рубцовая ткань прикипела к косточкам кисти. Он потерял часть большого пальца на левой ноге в результате неловкого удара кувалдой. Вдоль его правого бедра зигзагом тянулся шрам как память о падении при попытке перелезть через ограду из колючей проволоки. Шрамы на лице остались после драк. Ничего особенного, впрочем. По сравнению с папиными боевыми рубцами — просто мелкие ссадины. Крапинки на глазных яблоках были следствием инфекции, перенесенной в молодости. В целом же его серо-коричневые глаза напоминают

йоркширский песчаник, испещренный частичками промышленной сажи.

Я замечаю свое отражение в грязноватом боковом зеркале грузовика, когда прислоняюсь к стеклу кабины, добавляя отпечатки своих пальцев и щеки к отпечаткам тех, кто побывал здесь до меня. Я несущественен. Искажен. Вне фокуса. Вне рамок. Мир проносится мимо моего отражения. Рядом со мной Билл рассказывает новые истории. Нестыковки с контрагентами. Новости из мира дальнобойщиков. О каких-то нелегалах, толпой поваливших из контейнера, когда он открыл его по прибытии с континента. Причем сам он и знать не знал, что везет этих людей.

Мы останавливаемся на проселочной дороге где-то в шотландском приграничье. Продолжим путь завтра утром. А сейчас устраиваемся на ночлег. Он говорит, что когда увидел меня впервые, то принял за симпотную девчонку. Одинокую девчонку на обочине дороги.

Я поворачиваюсь лицом к окну. Стекло запотело. Снаружи темно и сыро, но откуда-то все же исходит чуть заметное свечение.

И этот мужчина, который старше моего отца, берет меня за руку.

Я задерживаю дыхание.

Глава пятнадцатая

Мистер Ройс сказал, что вечеринка у костра расшевелила местную общину. Мы с Кэти согласились, что это хорошо.

— А теперь, — продолжил Ройс, — наша задача: превратить общий настрой в конкретные действия.

Первым делом он занялся агитацией среди работников ферм. Подбивал их требовать повышения зарплат. Землевладельцы держали их в узде, грозя доносом в соцслужбы и лишением пособий, но Ройс уверял, что, если рабочие будут действовать заодно, имея доказательства соучастия боссов в этих махинациях, все угрозы останутся пустым звуком. Конечно, лендлорды попытаются нанять людей в других местах. Кому-то ведь нужно сортировать картофель и собирать фрукты — на дворе лето, близится сезон уборки. Урожай на полях ждать не будет.

Каждое утро поденщики приходили на обычные пункты сбора, но не залезали в фургоны, а вместо этого вручали бригадирам списки своих требований. В составлении этих документов им помог мистер Ройс, имевший такой опыт еще со

времен шахтерских забастовок. Правда, на сей раз протестующих было меньше, и я однажды вечером слышал, как Ройс в тихом разговоре с Папой сетовал, что для такого небольшого количества работников боссам будет несложно найти замену.

На этом фоне отказ от арендных платежей выглядел более перспективной мерой, поскольку затрагивал куда большее число семей, чьи дома были некогда построены местными властями и позднее по дешевке выкуплены Прайсом и его приятелями. Нынешняя плата была не по карману большинству жителей окрестных деревень — бывших шахтерских поселков, — так что их долги перед Прайсом и ему подобными неуклонно росли. И люди опасались, что долги эти могут быть востребованы в любой момент самыми разными способами.

Папа обходил дома вместе с Ройсом. Многие были уже в курсе этих планов: кто-то присутствовал на нашей вечеринке у костра, до кого-то дошли слухи по другим каналам. Папа и Ройс советовали всем прекратить арендные платежи, а предназначенные для этого деньги направить в особый фонд, из которого при необходимости людям будет оказываться помощь. Ройс говорил,

что фонд может пригодиться на тот случай, если наша затея не выгорит и должникам все же придется платить по счетам. Правда, говорил это он лишь в узком кругу, обсуждая дела с Мартой и Папой; ну и мы с Кэти, понятно, были тут как тут.

Однажды вечером Папа изрядно накачался сидром, расположившись на густой траве за нашим домом. И в этой кондиции он начал громко обращаться то ли к нам, то ли к самому себе, или к дому, или к деревьям и птицам на ветвях, заявляя, что все мы глупцы. Он говорил, что все это суета и тщета, а Юарт слишком много о себе воображает, рассчитывая таким способом добиться перемен и веря в свою способность защитить всех местных жителей, в том числе и нас с нашим домом на холме. «Это старые глупые мечты, — говорил он, — и лучше бы им оставаться просто мечтами».

Но уже на следующее утро он как ни в чем не бывало проснулся чуть свет и начал обычный обход соседних деревень, чтобы приободрить людей, узнать, не нужна ли кому-нибудь помощь, или просто своим появлением продемонстрировать, что этот человек по-прежнему с ними. Он отсутствовал более трех часов и вернулся в хорошем расположении духа.

— У нас есть шансы сломить этих ублюдков, —

сказал он.

Таким же переменчивым было и настроение Ройса. Временами, когда мы встречались у нас дома или в деревне, за его хмурым видом угадывался глубоко затаившийся страх. Но чаще он был настроен оптимистично и подолгу рассуждал о всяких позитивных сдвигах и еще более позитивных перспективах.

Пришло известие, что Джеральд Кастор уже повысил зарплату своим поденщикам. Накануне утром Ройс лично посетил их сборный пункт, чтобы обсудить этот вопрос с бригадиром. Одновременно Джеральд Кастор прибыл туда же со своей фермы для выяснения ситуации.

— Мои аргументы убедили его лучше всяких ультиматумов, — говорил потом Ройс. — Он оказался к этому не готов и банально опешил, когда я начал ссылаться на букву закона. В том-то весь фокус. Стоит лишь перейти на официальный тон, заговорить с видом знатока-юриста — вообще-то, я действительно знаток в этих вопросах, но иногда достаточно лишь напустить на себя такой вид, — и боссы теряют почву под ногами. Так оно и вышло в этот раз. Я поймал Кастора на слове, когда он пообещал со следующего дня платить по обговоренным нами расценкам. Боссы сильны,

когда действуют все заодно во главе с Прайсом, но поодиночке каждого из них взять в оборот не так уж и трудно. Вот о чем не следует забывать.

Мы поздравили Ройса и в тот же день пригласили кое-кого из местных к нам домой пропустить по стаканчику. Важно было не только отпраздновать успех, но и связать его в сознании этих людей с нашим домом и недавними разговорами у ночного костра. От успеха не будет толку, если они вернутся к работе и сразу же перестанут думать о тех, с кем вместе они боролись, и о тех, против кого они боролись. По словам Папы, главным врагом был Прайс — хотя, возможно, он был таковым только для нашей семьи.

Во время одной из вечерних бесед втроем Папа сказал, что даже постоянная забота о других людях, втянутых в эту историю, ни на секунду не отвлекает его от мыслей о нашем с Кэти доме. Именно так Папа порой его называл — «ваш с Кэти дом», — как будто сам он здесь по-настоящему и не жил. Казалось, в такие минуты он забывал, что речь идет о доме нашей семьи из трех человек, забывал о самой возможности иметь собственный дом, о возможности жить оседло и благополучно при нашей с сестрой посильной помощи.

Тем самым он давал понять, что все его усилия предпринимались только ради нас: чтобы нас защитить, чтобы дать нам свой дом, где мы всегда будем чувствовать себя в безопасности. Заранее признав, что это может повредить общему делу, и потому попросив нас не болтать об этом с посторонними, Папа заявил, что в любой сложной ситуации всегда предпочтет нас двоих всем прочим людям, вместе взятым. «И пусть остальные катятся к черту», — добавил он еле слышно.

А между тем хороших новостей становилось все больше. Через несколько дней после инцидента с Джеральдом Кастором нас вновь посетил Ройс и сообщил, что другой крупный фермер, Джереми Хиггинс, также принял наши условия. А через пару дней их примеру последовал еще один землевладелец.

В те первые две недели все шло как-то даже слишком гладко. И люди удивленно спрашивали друг друга, почему они не сделали этого раньше. Они привыкли считать, что их труд почти ничего не стоит. Многие из них недавно вышли из тюрьмы, другие долго не имели постоянной работы по иным причинам. Тяжелый физический труд на фермах за грошовые подачки черным налом — это все, на что они могли рассчитывать. Воз-

можно, выбора у них и вправду не было. Однако лендлорды нуждались в рабочей силе. И сейчас они проявили уступчивость не по причине вдруг пробудившейся совести. Они сразу прикинули, что за такие деньги можно нанять и легальных работников, но при этом еще надо будет оформлять трудовые договоры, тогда как местные ни на что такое не претендовали. Этот вопрос широко обсуждался, в том числе с участием Ройса, и все согласились, что лучше обойтись без формальностей. Никто не хотел светиться на официальных радарах, и даже не столько из-за налогов. Просто все здешние жители предпочитали держаться подальше от любых властей — особенно от полиции. Это в равной мере касалось и фермеров, и поденщиков. Обе стороны старались не давить на эту болевую точку и не доводить конфликт до уровня, на котором в него могут вмешаться легавые.

Поэтому, когда коса нашла на камень (о чем заранее предупреждал Папа), люди Прайса действовали, не опасаясь, что кто-либо из нас обратится в инстанции. Джеральд Кастор, Джереми Хиггинс и иже с ними, изначально согласившись поднять зарплаты, через какое-то время пошли на попятную. Нетрудно было догадаться, что они

посовещались друг с другом и с Прайсом, после чего — все же немало устрашенные внезапным бунтом работников при грамотной поддержке Ройса — подумали еще раз, оценили обстановку и состряпали какой-то свой план.

Стало известно, что они нанимают людей со стороны. Привозят их полными автобусами. «Обычная практика в таких случаях, — заметил Ройс, — но и на нее найдется управа». Теперь нам предстояло выяснить, откуда привозят этих людей, где находятся пункты их сбора перед отправкой и по прибытии в наши края. Что планировалось в дальнейшем, я пока не знал.

Реальная заваруха началась в конце того месяца и в первых числах следующего, когда люди по всей округе не внесли очередные платежи за аренду жилья. Тут уже запахло жареным, как и предсказывал Ройс. «Это серьезно ударит им по карману, — говорил он. — Новых арендаторов сразу для стольких домов найти куда сложнее, чем новых рабочих на фермы».

Теперь пошла ответная реакция. Прайс и еще кое-кто из его компании содержали на постоянной основе людей, занимавшихся сбором платежей и взысканием долгов, а порой выполнявших и задания более щекотливого свойства.

Те еще были кадры: дюжие, нахрапистые, злющие. Что-то вроде приставов-коллекторов с ухватками громил. В тех случаях, когда человек затягивал с выплатой, они наносили ему визит. Стучали в дверь, предупреждали, грозили. Если это не срабатывало, через несколько дней они появлялись вновь, теперь уже без церемоний вышибали дверь и забирали должок натурой: любыми ценными вещами, какие попадались под руку. Эти бугаи считали себя чертовски крутыми, держались нагло и не знали жалости. Но в сравнении с Папой они казались никчемным сбродом.

Папа всегда был хозяином положения. На добрый фут выше самого рослого из них и на порядок массивнее. Одна его рука была толщиной как две их руки. Его кулаки были размером почти с их головы. Любой из них, свернувшись калачиком, легко поместился бы внутри его грудной клетки, как плод в материнской утробе. Папа не принимал эту братву всерьез, и, когда пошли наезды на должников, он знал, чем им ответить.

Коллекторы начали со стука в двери. Первое время они действовали незатейливо: наведывались в какой-нибудь район и «обрабатывали» все адреса по соседству. Это облегчило Папе задачу.

Гэри, наш с Кэти знакомый по сортировке картофеля, позаимствовал машину своего дяди и, как только поступал тревожный звонок от арендатора, со всей возможной скоростью доставлял туда Папу. Застав коллекторов на месте, Папа вылезал из машины и распрямлялся во весь свой могучий рост. Коллекторов тотчас как ветром сдувало.

Тогда они сменили тактику. Навестив какого-нибудь должника, не задерживались поблизости, а сразу прыгали в свои тачки и перемещались в другую деревню еще до прибытия Гэри и Папы. Но и с этим Папа нашел как управиться. Когда ему удавалось перехватить парочку коллекторов, он волок их проулками в ближайшее тихое место — скажем, на поляну с высокой травой и дикими цветами среди густых зарослей боярышника. Там он ломал им ребра и пальцы, а затем отпускал на все четыре стороны.

Папа проделал это дважды с двумя разными группами коллекторов. В результате их служебное рвение пошло на спад. В конце концов, это была всего-навсего работа, за которую им платили. Но лендлорды не могли платить им достаточные надбавки за столь большой риск — хотя бы потому, что такие дополнительные выплаты коллекторам превысили бы суммы,

выбиваемые ими из должников.

Казалось, мы берем верх. Все уже чувствовали себя победителями. Мы регулярно встречались в нашем доме, выпивали, болтали и подбадривали друг друга. Моральный дух был, как никогда, высок, люди радовались и праздновали.

Но конечно же, радоваться было рано. И вот во вторник вечером, еще до наступления темноты, к нам приехал мистер Прайс.

Я месил грязь на тропе, когда «лендровер» Прайса начал взбираться на холм. В последнюю пару недель летние ливни были особенно сильными, потоки вынесли на склон с полтонны грунта и мелких камней, завалив тропу в месте ее пересечения с проселочной дорогой. Я взял в сарае ржавые грабли и начал разравнивать эти наносы, приводя в порядок тропу. Верхний слой состоял из чистой глины, которая в процессе работы застревала между зубьями и так облепила грабли, что и металла почти не было видно.

Я услышал джип Прайса, подъезжающий по проселку. Никакой другой мотор не мог звучать так мощно и в то же время так тихо. Он свернул на тропу к нашему дому и сразу же глубоко увяз в грязи передними колесами. Мотор взревел, колеса закрутились с пробуксовкой, выбрасывая

фонтаны грязи и воды. Я это предвидел и вовремя попятился, иначе был бы весь обляпан брызгами. А Прайс, видимо, решил не рисковать с дальнейшим подъемом, сдал назад и остановился на краю дороги.

Он открыл дверь и шагнул с подножки на землю. Не знаю, каким было выражение его лица за тонированным стеклом — возможно, озабоченным и встревоженным, — но теперь, при вечернем свете, он казался совершенно спокойным. Он подошел ко мне, освещаемый со спины закатным солнцем.

— Как раз ты-то мне и нужен, — сказал он.

Такое начало меня озадачило.

— Погодите, я сбегаю и позову Папу.

— Нет-нет-нет.

Он протянул мне руку, чтобы помочь выйти из вязкой грязи на дорогу. Голос его звучал почти ласково, лицо было дружелюбным.

Я оглянулся на свой дом. Там в окнах уже горел свет.

Черт, каким же трусом я бываю иногда!

Прайс все еще ждал меня, протягивая руку. И я, скажем так, решил подыграть стоявшему передо мной человеку.

Я выбрался на твердую почву и последовал за

Прайсом. Тот отошел в сторонку, где кусты жимолости скрывали нас от взглядов из дома.

Прайс повернулся лицом ко мне. В этот раз, кроме всегдашних высоких сапог, на нем были вельветовые штаны и — ввиду теплой погоды — только клетчатая рубашка с расстегнутым воротом.

Он поставил левую ногу на придорожную насыпь и оперся локтем о свое бедро. В этой полусогнутой позе он оказался несколькими дюймами ниже меня, так что взгляд его был направлен снизу вверх.

Только тут я заметил, что совершаю непроизвольные движения конечностями: безостановочно вытираю подошвы сапог о сырую траву, сплетаю и расплетаю пальцы рук.

— Как тоя фамилия, парень?

— Оливер.

— Дэниел Оливер?

— Да.

— Дэниел и Кэтрин Оливер?

— Да. И что с того?

— А как фамилия твоего отца?

— Смайт.

— Смайт?

— Да. Вы сами знаете.

Прайс кивнул:

— Знаю. Просто хотел уточнить.

Он изменил позу, выпрямившись, но по-прежнему был настроен миролюбиво, насколько я мог судить.

— Тебе и твоей сестре дали фамилию вашей матери.

— Ну и что? Такое бывает сплошь и рядом.

— Это верно. — Прайс сделал паузу и облизнул сухие губы, оглядывая меня с ног до головы. — Видишь ли, мне куда комфортнее иметь дело с Оливером, чем со Смайтом. Так что в этом смысле тебе повезло с фамилией.

Я пожал плечами:

— Не могу сказать, что хорошо знал маму. Папа был у нас один за двоих. То есть за обоих родителей. Точнее, Папа и Бабуля Морли. До того, как мы приехали сюда. Пусть я Оливер по фамилии, но в душе я Смайт.

Прайс несколько секунд обдумывал мои слова, а потом качнул головой, самую малость:

— Нет, я так не думаю. Ты ни капли не похож на своего отца.

Я был изначально настроен против него, и последняя фраза лишь усугубила этот настрой.

— Сомневаюсь, что ты в восторге от нынешнего

положения дел, — продолжил Прайс. — Я думаю, не в твоем характере затевать или поддерживать подобные действия. Я говорю о бойкоте. Об отказе платить за пользование жильем, которое принадлежит мне. Все это выглядит как-то нелепо, тебе не кажется? Такова моя оценка, если хочешь знать. Вполне можно было не доводить ситуацию до таких крайностей. И я себя спрашиваю: почему твой отец и его друзья выбрали этот путь? Почему они не пришли ко мне, чтобы открыто и честно обсудить все претензии?

— Вы грозились прогнать нас с вашей земли, вот почему.

— Неужели? Ты слышал, чтобы я такое говорил? Ты при этом присутствовал?

— Нет, меня там не было. Но я знаю это от Папы.

— Так сказал твой отец?

— Да.

Прайс весь подобрался и скрестил руки на груди.

— Я готов отдать эту землю тебе хоть завтра, — заявил он. — Вместе с рощей, где ценных деревьев — раз-два и обчелся, и с той глиной, что сейчас ползет вниз по склону. Завтра же отдам ее тебе. Не твоему отцу, а тебе. Не Смайту, а Оливеру.

Твой отец — жестокий дикарь. А ты — сын своей матери. Что ты на это скажешь?

— Я… я не понимаю.

— Я запросто могу сделать тебя владельцем земли, на которой твой отец построил дом. Уже завтра она может стать твоей, официально. Я подпишу все документы. И больше никаких проблем с этим не будет.

— Но я не хочу ее для себя. Я хочу жить вместе с Папой и Кэти.

— Вот тут-то и вся загвоздка. Мне претит сама мысль о том, чтобы передать твоему отцу бывшую землю твоей матери. Никогда бы на это не согласился. Но он просто занял ее без спроса, разве не так? Он уже давно положил глаз на эту землю и вот однажды утром приехал и начал строительство. К тому времени, как до меня дошли слухи о его появлении здесь, дом уже был подведен под крышу. По-твоему, это правильно?

Я не ответил.

— Ты ведь в курсе, что эта земля раньше принадлежала твоей маме? Хоть об этом отец тебе рассказывал, надеюсь?

Я снова промолчал.

— Ты знал, что она родилась и жила в этих краях? Она унаследовала землю от своих родителей.

А когда для нее настали трудные времена — тебе ли не знать о подробностях как ее сыну, — она обратилась ко мне за помощью. Я купил у нее эту землю — между прочим, по очень высокой цене — и тем самым дал ей шанс разобраться со своей жизнью, начать все заново. Так бы и вышло, не вмешайся твой отец. Эта земля законно принадлежит мне, но сейчас — даже после всех неприятностей, доставленных мне этой парочкой еще при жизни твоей мамы и твоим отцом после ее смерти, — даже после всего этого я бы с радостью передал землю в собственность тебе, Дэниел Оливер. Я сделал бы это в память о той славной девчонке, какой она была когда-то. Но вместо этого приехал твой отец и захватил эту землю. Захватил, не имея на то никаких прав.

Я еще раз пожал плечами:

— Никто другой этой землей не занимался.

— Может, и так. Но в этом мире так дела не делаются. Хорошие, порядочные люди так не поступают.

— Мы порядочные люди. Нам нужно было где-то жить, только и всего.

Прайс окинул меня взглядом и затем направился к своему «лендроверу». Я подумал, что он сейчас уедет. Я даже начал слегка гордиться со-

бой — как будто я действительно его отшил, как будто в одиночку постоял за всю нашу семью, — однако уезжать он пока не собирался. Открыл переднюю дверь и начал перебирать вещи в бардачке. Вернулся он с прозрачной пластиковой папкой, плотно набитой документами — судя по их корешкам, большей частью на белой бумаге, но также с пастельными оттенками розового, желтого, синего и зеленого цвета.

— Вот все необходимое, — сказал он. — Я хочу переписать землю на тебя, Дэниел Оливер. Взгляни, ты здесь указан стороной договора. — Он ткнул пальцем в первую страницу, и я увидел свое имя, выведенное черными прописными буквами. — Но поскольку я знаю, что ты захочешь жить вместе с отцом — как-никак, ты ведь еще подросток, — у меня есть определенные условия. Я должен быть уверен, что твой отец не будет впредь таким враждебным соседом, каким он показал себя в последние месяцы. Я не хочу, чтобы со мной по соседству жил кто-то, стремящийся доставить мне неприятности, угрожающий моему бизнесу и моей собственности. Кому нужны такие соседи? Никому. Так что первым делом передай ему следующее: если он хочет, чтобы права на эту землю перешли к его сыну — поскольку

сам он такие права никогда не получит уж точно, — ему придется покончить с этой дурацкой возней. Он должен будет позаботиться о том, чтобы все эти поганцы-вымогатели вернулись к работе на фермах и чтобы арендаторы исправно платили по счетам. Я потолковал с местными фермерами, и мы согласились немного поднять расценки. Это будет справедливо. Еще мы гарантируем, что в ближайшую пару лет не будет никаких повышений арендной платы, а после того — лишь в пределах инфляции. Ты знаешь, что такое инфляция? Нет? Ничего страшного. Все это подробно изложено вот здесь. — Он помахал папкой. — Тут письмо с моим предложением для передачи твоему отцу вместе с копиями документов, которые я подпишу в случае его согласия. Он сможет все не спеша изучить и обдумать, прежде чем принимать решение. Так мы с этим покончим. Раз и навсегда.

Я взял папку с документами и сунул ее под мышку.

— Это все ваши условия? Чтобы Папа дал задний ход?

— Нет, есть еще кое-что, — сказал Прайс. — Твой отец должен будет работать на меня, время от времени, как он делал это раньше. Он должен

занять свое прежнее место в обойме. Когда-то я владел мускулами этого человека, как и его мозгами. Мне принадлежали его кулаки, его ноги, глаза, уши и зубы. Думаешь, как он познакомился с твоей мамой?

— Я об этом никогда не задумывался.

Прайс не стал развивать эту тему. Он скрестил руки на груди, но тут же разомкнул их и уперся кулаками в бедра.

— Просто доставь это послание своему отцу, — сказал он, целясь пальцем мне в грудь. — Скажи ему, что больше мне ничего не нужно. Я хочу снова задействовать эту гору мышц, равную которой я не видел нигде: ни в этом графстве, ни в этой стране. Передай, что я хочу использовать эти мышцы и эти кулаки по их прямому назначению. Да, я отлично знаю, что он теперь не согласится ходить по домам и потрошить должников, как делал это в юности. Но у меня есть для него более достойная работа. Передай, что я нашел ему соперника для боя.

Он повернулся и зашагал к своему джипу. Завелся и уехал. Грязь летела из-под колес, как шрапнель.

Мои забытые грабли торчали из наносной глины. Они оказались неподходящим инструментом

для такой работы. Я их вытащил, закинул на правое плечо и быстро пошел вверх, к нашему дому.

Входная дверь покачивалась на петлях под порывами легкого бриза, то и дело менявшего направление. Кэти специально оставляла дверь открытой, чтобы этот свежий ветерок подметал за нас полы, встряхивал занавески, обшаривал укромные уголки, привнося в помещения мягкую свежесть, запах влажной цветочной пыльцы и живой древесины.

— Закончил с тропой? — спросил Папа.

— Нет. Меня отвлекли.

Я протянул ему папку. Он уставился на нее, а потом поднял взгляд на меня.

— Это от Прайса. Он был там. Просил передать, что хочет вроде как прийти к соглашению. Хочет, чтобы ты на него поработал, — но это не то, о чем ты думаешь. Он сказал, что нашел тебе соперника для боя. И еще он отдает нам землю — готов оформить ее на нас. Он это обещал.

— Так прямо и сказал? Оформит все бумаги?

— Да. Оформит на нас.

— На нас всех?

— Ну, вообще-то, на меня одного. Он сказал, что перепишет землю на меня. Я не вполне его понял. Но сути это не меняет. Земля будет нашей

по документам, а это уже кое-что.

Папа извлек документы из папки, разложил их на столе перед собой и приступил к изучению. Он водил пальцем по строчкам, слово за словом, и беззвучно шевелил губами в процессе чтения. Через несколько минут он отодвинул бумаги в сторону:

— Для меня это полный бред.

— Могу помочь, — предложил я.

Он покачал головой:

— Нет, дружок, я не о том. Я достаточно хорошо умею читать, чтобы уяснить их смысл. Я о самом принципе, когда кому-то достаточно черкнуть на клочке бумаги что-то про землю — реальную землю, которая живет и дышит, меняется, переносит всякие напасти, наводнения и засухи, — и вот уже он может пользоваться этой землей, как пожелает, или не пользоваться вообще, но и не допускать на нее других людей. И все из-за какой-то бумажки. Вот что кажется мне полным бредом.

Папа собрал документы и сунул их обратно в папку. Ножки стула скребнули пол, когда гигант встал и, сутулясь, тяжелой поступью направился к двери.

— Я подумаю над этим, — сказал он, перед тем

как покинуть дом и удалиться в сторону рощи.

Глава шестнадцатая

Письмо подсунули под дверь, когда все мы еще спали. Кэти нашла его на полу в прихожей. Она приготовила завтрак и поместила конверт на кухонный стол вертикально между кувшином с молоком и эмалированным кофейником — как тесак, отсекающий их друг от друга.

Я был разбужен щекочущим ноздри запахом жареного бекона. Одновременно из своей спальни, также принюхиваясь, появился Папа. Он вошел в кухню раньше меня и сразу заметил письмо. Взял его двумя пальцами, поднес к глазам. Убедился, что оно адресовано ему, и вскрыл конверт хлебным ножом.

— От Прайса? — спросила Кэти.

Она передержала кофейник на плите, и теперь из его носика сочилась густая коричневая пена.

Папа в первый раз за это утро прочистил горло и сплюнул в очаг мокроту, накопившуюся за ночь после медленно выкуренной перед сном сигареты.

— Он предлагает мне биться.

— Поединок?

— Да, но не обычный. Хотя он изображает это

как честный бизнес, и не более того. Будут призовые деньги, зрителям позволят делать ставки. Но понятно, что теперь это не просто бизнес. Он хочет, чтобы я дрался для него. Если я выиграю, он получит кучу денег и тогда отпишет этот участок земли вам двоим. А если проиграю, он все равно внакладе не останется и денежки свои урвет, не сомневайтесь. Уж он-то умеет проворачивать такие дела.

Местом боя был выбран лесок рядом с ипподромом. Этот выбор опирался на давнюю традицию. Сотни лет странники появлялись на всех скаковых состязаниях, покупали и продавали лошадей, сбрую и прочие вещи, а вечерами после скачек развлекались уже на свой лад. В таких случаях ипподром и его окрестности на ночь оставались в распоряжении странников и их друзей. Зажигались огни, жарилось мясо, виски лился рекой. И устраивались призовые бои.

Лес за ипподромом предоставлял достаточно надежное укрытие от полиции и от глаз случайных прохожих. Собачники там своих питомцев не выгуливали, ибо место это пользовалось дурной славой.

Папа стал тренироваться в роще, набирая форму. Для жима он использовал все, что мог най-

ти, — бревна, камни, — пока несколько местных не скооперировались, чтобы раздобыть комплект старых гирь и гантелей. Он и меня поднимал вместо штанги с такой легкостью, словно я был невесомым, словно я ничуть не потяжелел с тех пор, как он после родов впервые взял меня из маминых рук.

Он ел больше мяса и рыбы, почти удвоив свои обычные порции. Много ходил и бегал, чтобы восстановить былую выносливость. Он говорил, что сейчас это важнее, чем когда-либо прежде. Он знал силу своих ударов, их быстроту и точность, но его противник был гораздо моложе и мог долго изматывать его, описывая круги, пока Папа не допустит роковую ошибку.

Однажды вечером он поведал мне о своих тревогах. Удостоверившись, что Кэти, по обыкновению, бродит где-то вне дома, он высказался с необычной откровенностью. Он опасался, что стал уже слишком старым для больших боев. Нет бремени более тяжкого, чем успех, говорил он. А у него было рекордное количество побед и грозная репутация далеко за пределами Англии и Ирландии. В определенных кругах, по крайней мере. Но сейчас, как сказал Папа, это все будет только во вред, и ему придется труднее, чем когда-либо. И

он не мог не волноваться, поскольку именно этот поединок в кои-то веки имел для него значение.

Раньше, когда Папа дрался только ради денег, он выходил на бой с легким сердцем. Другие люди могли переживать, поставив свои сбережения на его победу, но Папу это нисколько не трогало. Он оставался спокойным, почти беззаботным, и побеждал во многом благодаря этой раскованности.

Но сейчас на кону стояло нечто иное. Намного большее, чем деньги. А он был уже не молод.

— Мышцы стареют, — посетовал он, похлопав себя по бицепсам.

Я сказал, что, даже если он проиграет, меня это не сильно огорчит и что мы так или иначе все равно наладим нормальную жизнь в нашем доме и отделаемся от всяких Прайсов. А если не получится здесь, мы всегда сможем уехать и начать все заново в других краях. Главное, что мы будем вместе.

Вечером накануне поединка я отправился к Вивьен, прихватив обеих собак за компанию. Торчать дома мне было в тягость; Папа пропадал в роще, Кэти курила, сидя на ступеньке крыльца. И я решил ненадолго сменить обстановку. Начинало смеркаться; из кустов вдоль дороги доносилось

пение дроздов. Собаки держались настороженно, как всегда с приближением темноты.

Окна Вивьен были ярко освещены; на крыльце я уловил аромат вечерних примул, высаженных перед входом в дом.

— Я так и знала, что ты придешь этим вечером, — быстро произнесла она и, распахивая дверь, бросила взгляд куда-то поверх моего плеча; собаки вошли следом, принюхиваясь к новым запахам.

В доме было прохладнее, чем снаружи. На втором этаже приоткрытая створка постукивала по оконной раме. Этот ритмичный стук дерева о дерево разносился по всем помещениям. Тюлевые занавески колыхались. Вивьен быстро прошлась по дому, все подряд закрывая, вставляя задвижки в пазы, оправляя смятую материю, опуская бархатные шторы и закрывая жалюзи там, где они имелись. Она тычками загнала Джесс и Бекки на кухню, отцепила поводки и убрала их в выдвижной ящик стола, затем достала из шкафа четыре миски, две наполнила водой, а две тушеной говядиной из кастрюльки на плите — остатками своего ужина. После чего покинула кухню, плотно затворив дверь. Собаки и не пытались за ней последовать — они сразу набросились на угоще-

ние, довольно виляя хвостами.

Вивьен взяла меня за локоть, повела в гостиную и усадила в кресло. «Похоже, дело серьезное», — подумал я. Однако, когда она заговорила, никакого напряжения в ее голосе не ощущалось.

— Так и знала, что ты придешь этим вечером, — повторила она. — Завтра отправишься на бой вместе с отцом? Значит, он твердо настроен драться?

— Само собой. А почему вы спрашиваете?

— Мне кажется, он сильно рискует, — без промедления ответила она. — Я видела его соперника, и я думаю, твой отец может проиграть.

Я не сразу нашелся что сказать. Моя уверенность и без того медленно таяла в эти последние недели.

— Почему он проиграет?

— Да хотя бы потому, что соперник намного моложе его.

— Но это значит, что у него мало опыта. Он не был испытан в серьезных схватках.

— Испытания он прошел всякие, не сомневайся, да только не здесь, и потому твой Папа ничего о нем не знает. Его привезли из Восточной Европы. Из Украины. Я думаю, ты должен отговорить отца. Мне за него тревожно. В случае отказа гор-

дость его задета не будет, я уверена. Для человека его склада и с его образом жизни, он на редкость равнодушен к таким вещам.

— Но он просто обязан драться. Обязан ради других. И ради нашего дома.

Она была бледнее, чем в первые дни нашего знакомства. На ее веках я заметил темные пятнышки: остатки размазанной туши.

— Значит, ты не станешь его отговаривать?

Я покачал головой и через минуту поднялся, чтобы уйти. Она не пыталась меня переубедить. Она знала, каковы мы все: Папа, Кэти и я. Перед уходом она меня обняла и продержала так довольно долго. Я уж было подумал, что она поцелует меня в щеку, но этого не случилось. Напоследок она провела ладонью по моим волосам и легонько подтолкнула к двери.

Сумерки сгустились уже основательно, когда я вместе с собаками бегом возвращался домой сначала по дороге, а потом вверх по склону. Низко над нами проносились стрижи и на лету хватали мелких мух, только что вылупившихся из личинок. Джесс и Бекки в последние месяцы быстро росли и становились все более поджарыми, а основная их сила сосредоточилась в пружинистых задних лапах. Длинными скачками они кружили

по пустоши и гонялись друг за дружкой, пока я трусцой бежал по тропе.

Когда я добрался до дома, выяснилось, что Папа лег спать пораньше. Кэти еще сидела на кухне, смоля сигарету. Взволнованная, бодрая и оживленная. Мысль о возможности папиного поражения ей, видно, и в голову не приходила. В целом настроение у нее было ничуть не хуже обычного.

Той ночью я долго лежал без сна, глядя на освещенную луной стену, на складки и трещины в штукатурке, которую Папа наносил абы как, на затвердевшие отпечатки его пальцев, на кривые линии, оставленные шпателем и повторявшие широкие взмахи его правой руки.

А когда я наконец уснул, мне приснился долгий путь домой под нескончаемый галдеж гнездящихся скворцов.

Глава семнадцатая

Я проснулся на рассвете, когда розоватый бутон зари уже начал распускаться кроваво-красным восходом. Широкий зевок растянул мой рот, а легкие остудил свежий бриз, проникавший в спальню через открытое настежь окно. Глаза утомленно моргали, и я видел комнату, как в серии фотокадров, быстро сменяющихся под мелькание ресниц. Пропитанные потом жиденькие простыни липли к телу. Ночью меня бросало в жар от ярких активных снов и непроизвольных подергиваний рук и ног, а теперь они сменились дрожью из-за сравнительной прохлады.

Я поднялся и, стараясь не шуметь, прошел по коридору в комнату для мытья. Душа и ванны у нас не было, только обычный кран для горячей воды. Лилась она с перерывами, по мере нагревания в дровяном бойлере, растопкой которого по утрам занимался тот из нас, кто вставал первым. Полного бака хватало для того, чтобы три человека могли худо-бедно ополоснуться над тазиком и каменным полом: подмышки и пах, шея, лицо и уши, а напоследок торс и ноги вплоть до ступней.

В клубах пара я пригоршнями плескал перегретую воду на свое потное тело, периодически оглаживая его куском мыла. Кожа на ладонях покраснела и сморщилась, но я продолжал процедуру, пока не довел ее до конца. Потом обтерся насухо маленьким квадратным полотенцем и надел чистую, со складками, одежду.

Выйдя в коридор, я уловил кисловатый запах тушенной в молоке сельди. Наш завтрак дополнили белый хлеб с маслом и свежий апельсиновый сок — бонус от молочника.

В семь часов мы услышали звук подъезжающего «вольво» Юарта Ройса. Под колесами прошуршал гравий, скрипнул ручной тормоз. Открылись и потом захлопнулись две двери. Из прихожей донесся стук. Кэти пошла открывать.

— Транспорт к вашим услугам, — сказал Юарт.

Лицо его осунулось, постарело и стало более жестким. Нервное напряжение сказывается на людях по-разному. Наши тревоги были сфокусированы на одной и той же проблеме, но каждый видел ее под своим углом и в другом свете.

Марта ждала у машины и, заметив наши сумки и собак, предупредительно открыла багажную дверь универсала. Папа устроился впереди, Марта села за его спиной, Юарт был за рулем, Кэти

— справа на заднем сиденье, а я оказался в центре, между своей сестрой и миссис Ройс.

Мы поневоле толкались плечами, когда машина катила по ухабистому спуску с холма; да и позднее, на местных дорогах, стало не намного лучше. Зимние морозы и кислотные дожди способствовали возникновению бесчисленных выбоин. В самых проблемных местах между ямками ползли трещины, которые постепенно заполнялись грязью и утрамбовывались колесами, а потом в них прорастали сорняки, окончательно взламывая корнями старый асфальт. Так что потряхивало нас изрядно.

Мы почти не разговаривали. Марта иногда подсказывала Юарту маршрут, а Юарт разок уточнил время. В остальном все молчали. Кэти смотрела наружу, прижавшись носом к замызганному стеклу. Папа глубоко дышал, все время глядя только вперед. Его шея сзади покрылась пленкой испарины, которая блестела, как иней на стекле в морозный день.

Я же вертел головой туда-сюда, разглядывал своих спутников, которые интересовали меня гораздо больше, чем окружающий мир. Примерно на десятой минуте поездки Марта дотянулась до моей левой руки и крепко ее сжала. У нее была

горячая ладонь. Я ощущал биение пульса под ее большим пальцем и теплое золотое колечко на безымянном. Ее твердые ногти были покрыты лаком.

До ипподрома мы добрались за сорок пять минут. Перед оградой свернули, направляясь в объезд к какому-то месту в лесу. Слева и справа мелькали деревья, большей частью ясени и дубы, как у нас на холме. Под колесами хрустели сухие ветки. Объездная дорога была слишком узкой, да еще и заросла по краям черемшой и папоротником, задевавшими бока машины.

Вскоре мы достигли развилки. В одну сторону путь был накатан легковушками, фургонами и джипами. Второй путь остался нетронутым и до странности ровным, как будто его — и только его во всем лесу — затопило водой, которая потом впиталась в землю или испарилась, оставив после себя темную гладкую корочку типа шоколадной глазури.

Мы двинулись в правильном направлении, а я повернул голову, оглядываясь на заброшенный проезд. Хотя его и проездом назвать было нельзя — скорее просто полоса больной, засоленной почвы. Далее в створе виднелась поляна, где под лучами солнца из-под твердой корки все же

сумела пробиться трава.

Наконец развилка исчезла из виду, заслоненная ветвями развесистого дуба. Я снова сел прямо, и первое, что увидел, был холодный пот на папиной шее.

После еще одного поворота мы выехали на открытый участок размером с футбольное поле. Здесь недавние ливни и футболисты оставили после себя сплошное грязевое месиво. По краю участка полукругом стояли машины, большинство с открытыми багажниками, несмотря на моросящий дождь. У багажников толпились в основном мужчины, хотя попадались также подростки обоих полов при почти полном отсутствии взрослых женщин. Эта спонтанно возникшая ярмарка для некоторых была, видимо, даже важнее предстоящего боя. Среди прочего здесь продавались щенки с родословной и редкие породы разноцветных кур. В одном углу поля особняком стоял крупный «лендровер», а рядом маячили бритоголовые парни в кожанках. Большинство людей держались от них подальше. Возможно, левые стволы. А то и бомбы. Или жесткое порно.

— Кэти, Дэнни, вылезайте первыми, — сказал Папа. — Найдите место поспокойнее и стойте там.

Вслед за Кэти я выбрался из машины и погрузил ноги в слякоть. Чавкая с каждым шагом, побрели вдоль края поля. Тут и там стояли люди, покачиваясь, как деревья под ветром. Они болтали, курили, демонстрировали своих животных, инструменты, оружие. Кто-то развел огонь в железной бочке, чтобы поджарить на большой сковороде сосиски и нарезанный кольцами лук. Мы с Кэти изменили траекторию, привлеченные аппетитным дымком и потрескиванием горячего жира, но получили отказ после того, как сознались в отсутствии денег.

— Тут что, по-вашему, забегаловка для нищебродов? А ну брысь отсюда!

Мы переместились к задней стороне черного фургона, заставленного бочками с живой рыбой. Карпы, сомы, сазаны, окуни. Ценники на бочках с указанием примерного возраста рыб. Рыбалка в этих краях была поставлена на широкую ногу.

Кулачные бои, рыбная ловля и домашние животные — вот куда вкладывали свои деньги эти люди.

Я воспользовался случаем и залез в фургон, чтобы поближе разглядеть его содержимое. Вот они, на дне бочки. Рыбы длиной с мое предплечье ходили кругами, стараясь по максимуму

использовать выделенное им пространство. Насос закачивал воздух в нижнюю часть бочки, и всплывающие пузырьки цеплялись за жабры и чешую рыб, которые без этой подпитки давно бы уже задохнулись.

— Эй, там, вылезай! — раздался резкий окрик позади меня.

Крикуном был тощий рыжий парнишка на голову ниже Кэти, с лицом, сплошь покрытым веснушками и угрями. Остатки недожеванного тоста между передними зубами. Спортивный костюм и белые кроссовки.

— Нечего здесь шастать, если не готовы что-то купить. А вы двое ни хрена не покупатели.

— Да кто вообще станет покупать здесь живую рыбу? — сказала Кэти. — Если кто-то приехал посмотреть бой, на фига ему твои карпы?

— А тебя кто спросил, тупая сучка?

В другой день Кэти могла бы ему врезать. Она сплюнула сквозь зубы, по щекам растекся румянец.

Ее щеки легко краснели, как и мои. Нас обоих это раздражало. Как бы я хотел оставаться леденисто-бледным даже в минуты гнева или волнения!

Кэти развернулась и быстро пошла прочь.

Я поспешил за ней, проигнорировав смачный плевок, который секундой ранее шлепнулся в грязь у моих ног.

Она шла прямиком через поляну к тому месту, где люди занимались по-настоящему серьезными делами, — там Прайс как раз беседовал с Папой. Наверняка обсуждали условия поединка, уточняли правила и все такое. Рядом стояли другие серьезные люди: у всех руки засунуты в карманы охотничьих курток или сжимают поводки свирепого вида псов.

— Во время боя собак надо будет убрать в машины, — услышал я чей-то голос и тотчас представил себе, как Джесс и Бекки защищают своих хозяев в драке с парочкой этих зверюг.

Я подумал о силе полноценного собачьего укуса или скользящего удара когтями — насколько они могут отличаться от игривых покусываний и борьбы, когда возишься со своей собакой. Еще я представил себе кровь и плоть, смешанные с собачьей слюной, и заразу, какую можно подцепить в результате укуса, — как от пореза ржавой железкой где-нибудь на ферме, вдали от всякой медпомощи.

Папа расстегивал свою куртку, готовясь к бою. Только теперь я впервые увидел его противника

и почувствовал жжение в горле, как будто глотнул кислоты.

Ростом он был за два метра. Далеко за два метра. Супертяжеловес. Он сидел на пороге открытой задней двери в фургоне Прайса, твердо упираясь ногами в землю. При этом его вес до предела напряг рессоры, так что днище фургона почти касалось поверхности грязи.

Он горбился, как дрессированный медведь, сидящий спиной к стене, и потирал костяшки кулаков, раздутые и загрубелые, совсем как у Папы.

Он перехватил мой взгляд, когда я вслед за Кэти проходил мимо, и растянул губы в подобие улыбки, обнажив два ряда золотых зубов. Я поспешил отвернуться. А Кэти продолжала двигаться к деревьям.

Я окликнул ее, как в те времена, когда мы вместе ходили в школу:

— Погоди! Эй, погоди!

Ускорившись, я дотянулся до ее плеча.

— Постой, — сказал я. — Куда ты собралась? Бой вот-вот начнется.

Кэти развернулась и поверх меня посмотрела в ту сторону, где серьезные люди начали неторопливо перемещаться ближе к центру поля. Толпа

набухала, постепенно образуя круг, просветы в котором занимали вновь прибывающие зрители, подобно тому как голуби все плотнее рассаживаются на жердочках внутри голубятни. Их плечи смыкались. Общий шум голосов, до того времени нейтральный по интонации, теперь стал более грубым и хриплым, с особыми радостно-испуганными нотками.

— Я не хочу на это смотреть, с меня хватит, — сказала Кэти. — С меня хватит этого мерзкого шоу.

С этими словами она направилась в лес. Я следил за тем, как она петляет между деревьями, как их стволы и ветви все чаще скрывают ее от моего взора. И вот стена леса снова сомкнулась, а Кэти исчезла из виду.

Я чувствовал, как возбуждение толпы за моей спиной нарастает. Мне не хотелось туда возвращаться, но я знал, что иначе нельзя: я должен быть свидетелем того, что скоро произойдет.

Я отошел от леса и втиснулся в круг мужчин. Многих из нас потряхивало, и дрожь передавалась по цепочке.

В центре круга Медведь расхаживал туда-сюда, подпрыгивал и потягивался, разминая мышцы. Папа стоял неподвижно. Как волк перед брос-

ком. На холоде и при сумрачном свете его глаза казались еще более голубыми и какими-то стеклянистыми. Взгляд был сфокусирован на добыче.

Рефери встал между бойцами и каждому по очереди что-то сказал строгим голосом, после чего отступил в сторону.

Медведь принял стойку и начал двигаться короткими шагами вперед-назад. Папа стоял на месте с безучастным, почти скучающим видом. Он взглянул на меня впервые с момента нашего прибытия сюда и затем тоже поднял кулаки. При этом он слегка вращал ими перед собой на манер кулачных бойцов викторианских времен, изображенных на старых фото. Я вспомнил, что так его учили с самого начала. Он однажды нам это рассказывал. Его первым тренером был очень древний старик, который едва мог держаться на ногах и обычно давал наставления из кресла у камина.

Медведь пританцовывал в грязи. Папа раскачивался корпусом, не сходя с места. Мышцы его бедер напряглись, удерживая баланс.

Медведь нанес первый удар, Папа уклонился нырком. Теперь и он начал работать ногами, появилась легкость в движениях.

Оба ходили кругами на импровизированном

ринге. Медведь сделал еще одну попытку. Начал прямым правой и сразу добавил левой. Папа ушел от первого удара и парировал второй, а затем нанес ответный левой, метя противнику в челюсть. Медведь отклонился назад, и Папа промазал. Раздалось несколько выкриков из толпы, затем вновь наступила тишина. Еще один промах Медведя и еще. Папа бить не спешил, берег силы.

Они поменялись позициями. И после еще пары промахов Медведь все же попал. Не в голову Папе, но в грудь. Половина толпы громко выдохнула, а другая радостно завопила. Этот удар, должно быть, сбил ему дыхание. Я тоже почувствовал, что задыхаюсь. Он подался назад, на секунду потеряв равновесие. А Медведь продолжил хуком справа. Папа нырнул под кулак, но тот все же задел его голову вскользь. Еще одно попадание.

Папа быстро пришел в себя. Наполнил легкие воздухом, распрямил спину. Медведь оскалил зубы — вспышка золота, — и Папа нацелился в них. Резкий джеб. Кровь. Второй джеб в то же место. Он нащупал слабину противника. Полный набор сверкающих золотых зубов взамен ранее выбитых означал, что десны у него ослаблены и он запросто может потерять зубы повторно. Но следующий папин удар был уже заблокирован, и

противники, отдуваясь, взяли паузу.

На заднем сиденье чьей-то машины гавкнула собака, и ей сразу начали вторить остальные.

Внезапно жестким ударом, прилетевшим как будто из ниоткуда, Медведь угодил Папе в область левой скулы. Раздался тихий треск, как от раскололого бревна, и кровь потекла от брови по щеке на плечо и грудь, запачкала белую безрукавку. Из папиных ноздрей выдувались кровавые сгустки, словно пламя у огнедышащего дракона.

Этим глазом он уже ничего не видел. Распухшие веки сомкнулись наглухо.

Однако он держался.

Чавканье грязи под ботинками вокруг меня. Мужчины притопывали и растирали захолодевшие руки. Папа и Медведь, с кулаками наизготовку. Собачий лай. Летящие вниз плевки. Липкий ветер. Древние дубы, куполами крон прикрывающие эту сцену от посторонних взоров. Запах дизельного топлива. Бензин, грязь, пот, кровь, подгоревшее мясо, капли жира с обжаренного лука. Кольцо людей поверх колец грибницы, переплетающихся в почве, и колец известняковых пород под ними.

Медведь наседал, и Папа пятился, еле волоча ноги. Он явно устал. Он устал, ссутулился и опу-

стил плечи.

Папа дышал так, будто воздух застревал у него в горле. Медведь нанес еще один удар. Казалось, у Папы не хватит сил увернуться, но все же ему это удалось. Почти. Удар пришелся в левое плечо, кулак в мышцы.

Но при этом Медведь раскрылся, и Папа мигом выдал ответный хук справа. Он вложился в этот удар всем телом. Он подключил к нему мышцы бедер. Он оттолкнулся ногами, привстал на цыпочки и чуть ли не оторвался от земли. Он вдруг снова стал свежим. Уловка? Похоже, его вялость перед тем была притворной. Его здоровый глаз отслеживал все четко. Он приложился кулаком к челюсти противника со всей точностью и всей силой, какими обладал на тот момент.

И вновь раздался треск, как от дерева, но теперь уже не расколотого топором, а расщепленного молнией и шквальным ветром в раскатах грома. Разбитого на сотни щепок. Густая струя золотого и красного. Кровь из расквашенных десен Медведя и его золотые зубы описали длинную плавную дугу, прежде чем кануть в слякотную землю.

Медведь пошатнулся. И я пошатнулся. Казалось, я сейчас потеряю сознание. Или отключусь, или обмочусь. О боже, нет, только не это! Ничего

не может быть хуже. Я шире расставил ноги для большей устойчивости и поднял глаза к небу в надежде уловить прохладный, освежающий ветер. Пусть он вызовет слезы. Глаза вполне могут слезиться от ветра и холода. Боже, только не дай мне свалиться в обморок! Прошу Тебя, Господи! Теперь забурлили мои внутренности. Мои кишки. Боже упаси!

Колосс падал — медленно падал в грязь вслед за своими зубами. Его глаза закатились за орбиты. Чистый нокаут. И пока он падал, мое головокружение все усиливалось, как будто я был затянут внутрь его, испытывая те же чувства, словно падая вместе с ним.

Медведь наконец-то шмякнулся о землю. Когда его голова вошла в слякоть, вновь послышался треск. Люди вокруг меня двигались вперед, как и земля подо мной. Ноги меня уже не держали.

И вдруг я очутился в папиных объятиях. Я и не заметил, как он ко мне подошел. Он вырубил Медведя, он выиграл бой, и его первый же шаг после этого был направлен в мою сторону. Он оторвал меня от земли и поднял, словно я был его трофеем. Поднял меня высоко, к небу и холодному воздуху. Я ощущал слезы на глазах, но головокружения не было. Я глубоко дышал.

Приступ слабости миновал.

Все наши люди столпились вокруг. И Питер, и Юарт. Затем появилась Марта с зеленой сумкой на молнии, извлекла оттуда бинты, флакон йода и пакет замороженного горошка.

Находясь на руках у Папы, я с этой высоты видел его поверженного противника и собравшихся вокруг него людей, которые больше глазели, чем пытались помочь. Лишь один человек принес ведро воды и кусок ткани для перевязки.

Но где же Кэти? Где Кэти?

Как только Папа спустил меня на землю, я стал осматривать опушку леса. Вернулась она или нет? Может, наблюдала из-за деревьев? Может, прислушивалась, угадывая ход поединка по крикам зрителей?

Марта суетилась, тянула Папу в сторону машины. Открыла заднюю дверь, постелила там полотенца. Джесс и Бекки встретили нас восторженно, с тявканьем прыгая на Папу. Теперь он уже не приволакивал ноги. Шагал широко и свободно. Когда он уселся в створе задней двери, Юарт приподнял его ноги и подставил под них упаковочный ящик. Потом развязал шнурки и стянул с него обувь. Носки оказались мокрыми и грязными, Юарт их также снял и обмотал босые

ступни полотенцем.

Марта тем временем завернула в тряпочку пакет ледяного горошка, чтобы Папа приложил его к подбитому глазу. Потом обработала раны ватными тампонами, смоченными йодом. Папа морщился, когда она это делала. Иногда малая, но специфическая боль при оказании помощи переносится хуже, чем любая другая.

— Воды, — попросил Папа.

Я достал бутылку из переносного холодильника. Папа сделал глоток и отставил ее в сторону. Здоровым глазом выразительно посмотрел на Юарта, и тот выудил из внутреннего кармана пальто плоскую флягу. Папа отхлебнул из нее, прополоскал рот и сплюнул на землю. Следующую порцию он проглотил.

Марта отняла от его глаза ледяной пакет и осмотрела рану:

— Придется зашивать. Сейчас я ее очищу, а потом снова приложишь пакет.

На сей раз она воспользовалась не йодом, а более щадящим солевым раствором.

Я помог Папе снять окровавленную майку и надеть другую, чистую. Затем накинул ему на плечи махровый плед, а поверх него толстое одеяло. Папа сидел, не меняя позы, только прихлебывал

из фляжки, смотрел на деревья по ту сторону поля и довольно улыбался.

Я вспомнил слова Вивьен о том, как действуют на Папу эти бои, как он в них нуждается, душой и телом. Сейчас он казался удовлетворенным. Жаль, что Вивьен не видела его в эти минуты. Все ее опасения насчет исхода боя не оправдались. Стало быть, зря она сомневалась в Папе.

Кэти все еще не объявилась, но меня это не очень беспокоило. Я был уверен, что с ней ничего не случится: она умела за себя постоять, и к тому же она ушла в лес, а в лесу мы с ней чувствовали себя как рыба в воде. Тем более в таком светлом, ясенево-дубовом, как у нас на холме.

— Кто-нибудь уже говорил с Прайсом? — спросил Папа.

— Пока нет. Первым делом мы хотели привести в порядок тебя. Это сейчас важнее, — сказала Марта.

— Как считаете, он человек слова? — спросил Папа.

Юарт поразмыслил:

— Он человек слова, когда это слово дано на публике. Если все обговорено в присутствии многих людей, он сдержит свое обещание. Тем более у него есть причины для радости. Сегодня он

разжился кучей денег. Уделал этих русских. Ведь в ставках ты не был фаворитом. Такое случилось впервые за все времена, да? Так что Прайсу впору тебя благодарить.

Папа покачал головой:

— В этом я не уверен.

Он взглянул на меня:

— А ты что думаешь, Дэниел?

Никаких мыслей на этот счет у меня не было, зато была надежда.

— Я думаю, ты выиграл свой приз, — сказал я. — Думаю, мы вернемся домой и этот дом станет по-настоящему нашим.

Он кивнул, не столько соглашаясь с моими словами, сколько из желания в это верить.

Я принес ему сухие ботинки. Он обулся, встал и направился к отдельной группе машин, одна из которых только что отъехала, увозя Медведя. В центре поля какой-то человек выковыривал из грязи золотые зубы и складывал их в пластиковый пакетик. Прайс сидел на водительском месте в своем «лендровере», через окно разговаривая с двумя мужчинами. Я не смог прочесть выражение его лица.

Заметив приближающегося Папу, он жестом велел этим двоим отойти, но оставаться непо-

далеку.

— Ну вот, дело сделано, — сказал Прайс, имея в виду завершившийся бой и его результат.

Папа кивнул:

— Дело сделано.

Он ждал следующих слов Прайса. За ним был должок по соглашению. Но Прайс не торопился. Он хотел, чтобы Папа спросил об этом сам. В последней попытке унизить и подчинить его Прайс хотел услышать папину просьбу.

— Ну и как насчет остального? Как насчет земли? Теперь мы можем закрыть эту тему? Оформить все официально?

— Можем, — сказал Прайс. — Подписанные бумаги у Гэвина.

Он кивком подозвал одного из своих недавних собеседников, стоявших поодаль. Сей невзрачный субъект достал из портфеля черную папку-скоросшиватель, открепил в ней один файл-вкладыш и протянул его Папе.

По тому, как он медлил, прежде чем взять файл, стало ясно, что Папа не очень ориентируется в происходящем. Он не знал, что дальше делать с этим документом, но не хотел обращаться за разъяснениями к Прайсу. Он не имел понятия о том, как делаются такие вещи в большом мире,

и был полным профаном во всем, что касалось деловых бумаг и законов.

Прайс ухмыльнулся:

— Здесь документы с моей подписью. По ним вам формально передается земля, на которой ты построил дом.

— Вместе с рощей на холме? — раздался въедливый голос Марты из-за наших спин. — И с подъездной дорогой — я о той, что перед домом?

Прайс ненадолго задумался. Так, с задержкой, он реагировал на все наши вопросы — типа «отвечу, когда сочту нужным».

— Да, можете посмотреть и убедиться, хотя, надеюсь, вы мне поверите как человеку слова. Там все правильно.

Марта забрала у Папы пластиковый файл, вытащила из него несколько скрепленных скобкой документов и начала их просматривать.

Прайс раздраженно забарабанил пальцами по рулю.

— Мы хотим знать, что получаем, Прайс, — произнесла Марта, не глядя на него. — Я прочту все от начала до конца, нравится тебе это или нет, и ты не сможешь уехать, пока я не закончу.

— Так уж прямо и не смогу?

Она продолжила чтение, порой возвращаясь

к предыдущим страницам, чтобы уточнить какие-то детали.

Прайс оставался на месте и примерно через минуту выдал комментарий, обращаясь то ли к самому себе, то ли к своим людям, то ли все-таки к нам:

— Ну разве это не забавно? Устроить незаконный поединок для законного разрешения спора. Завершить свой день подписанием документов после спектакля, из-за которого все мы могли угодить за решетку.

Марта его проигнорировала, продолжая читать, но Папа взглянул на него с любопытством и подозрением. Юарт нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

Марта закончила проверку.

— Думаю, тебе следует это подписать, — сказала она Папе, — а я заверю подпись.

Так они и сделали тут же, на капоте машины Прайса. Сам он отбыл вскоре после того; «лендровер» неторопливо укатил прочь с характерным мягким и мощным урчанием. Выглянуло солнце, и влага начала испаряться с поля, образуя легкую слоистую дымку над кронами деревьев. Солнечные лучи прорывались сквозь тучи, расходясь в стороны, как широко разинутый клюв поющего

дрозда.

Меж тем на поле деньги активно меняли хозяев. Кажется, там не было ни одного человека, который не сделал бы ставку. Купюры перетасовывались, наспех пересчитывались и исчезали во внутренних карманах курток. Ассистенты букмекеров делали пометки в блокнотах. От жаровни снова исходили шипение масла и запах лука, помешиваемого на сковороде деревянной ложкой. Со щелчком открывались пивные банки, откручивались пробки на горлышках бутылок.

Судя по всему, кровавое зрелище плавно перетекало в большую гулянку. Есть, пить, покупать и продавать. Это ж была ярмарка, в конце концов. Тайная, свободная от налогов, сборов и всякого контроля.

Люди подходили пожать руку Папе. Мужчина в твидовом пиджаке и матерчатом кепи всучил Папе пятидесятифунтовую купюру.

— Нынче я заработал на вас куда больше, будьте уверены, — заявил он и, протянув Папе бутылку пива, предложил тост за его здоровье.

Кто-то принес виски, кто-то другой — немаркированную бутыль водки собственного изготовления.

— Все честно и законно, имейте в виду, — го-

ворил он, наливая водку в пластиковый стаканчик. — Этого добра еще полно в моей тачке.

Вторую фразу он произнес уже громче, чтобы его услышали все, кто находился поблизости:

— Я продаю ее по пять фунтов за бутылку, подходите вон туда, к синей «астре».

Помимо той купюры, Папе подносили и другие дары. Дань уважения. Блок сигарет, коробки спиртного, туша ягненка — освежеванная, упакованная, ждущая только разделки. Ящик овощей. Ящик копченой селедки. Сегодня многие сделали на Папе хорошие деньги. Я принимал дары и складывал их в багажник машины Ройсов. Мужчины хлопали меня по спине и ерошили мои волосы, как будто я был чем-то вроде счастливого талисмана. Они просили меня сделать глоток из их стаканов, прежде чем пить самим, видимо приравнивая это к выпивке лично с Папой. Были также объятия и жесткие мужские поцелуи в лоб.

Куда запропастилась Кэти?

Все тот же человек в твидовом пиджаке и кепи подошел ко мне со словами:

— Ты, я вижу, славный парнишка.

Подобно другим, он растрепал мои волосы и вдобавок слегка ущипнул за щеку.

— В самом деле? — пробормотал я.

— Да, без сомнения. Ты славный парнишка. И такой симпатяга. — Он окинул меня взглядом. — Только сложением не в отца пошел, да? — Он усмехнулся. — Тоже станешь боксером, когда вырастешь?

— Нет. Я никогда не боксировал. Папа меня этому не учил.

— Никогда не учил, вот как? Это странно для отца-боксера — не передать эстафету сыну. Такова традиция, знаешь ли.

Он задумчиво пожевал губу, переступил с ноги на ногу и снова хмыкнул.

Я пожал плечами:

— Папа не хочет, чтобы я боксировал.

— Неужели? — усомнился он. — Или дело в том, что ты просто слабак? Ручки тоненькие. Не знаю, в какую весовую категорию ты попадешь, но мышц-то у тебя все равно нет. Ты довольно высокий, но тощий. Наихудшая комплекция для бокса. Весь твой вес ушел в рост, а не в мышцы. Для боксера это никуда не годится.

— А меня вполне устраивает.

— Вот как? Тебя устраивает? Знаешь, я бы не хотел иметь сыновей, не способных дать сдачи, а насколько смазливыми будут их мордашки,

это уж дело десятое. Конечно, не всем же быть такими, как твой отец, но я думал, что хотя бы его родной сын будет ему под стать.

Он ненадолго умолк.

— А впрочем, — сказал он, — ты и впрямь симпатяга.

Никогда я не считал себя симпатичным.

Однако где же Кэти?

Он хмыкнул еще раз, но я уже уходил. Папа по-прежнему был окружен дарителями и почитателями.

Я направился вглубь леса. Стволы и густая листва деревьев отгородили меня от шума ярмарки, и уже вскоре я слышал только звук собственных шагов, жужжание насекомых и пение птиц.

Я двигался по возможности прямо, стараясь держаться того направления, в котором ушла Кэти.

Так я преодолел от силы сотню метров. В лесу особо не разгонишься.

— Дэниел.

Она стояла позади меня, прижавшись спиной к стволу и обхватив себя руками. Я прошел совсем рядом, ее не заметив.

— Что ты здесь делаешь?

— Ничего.

Она избегала смотреть мне в глаза.

— Папа победил.

— Знаю.

— Ты видела бой?

— Нет.

— Все время была здесь?

— Да.

— А крики ты слышала?

— Нет.

— Как же тогда ты узнала?

— Я и не сомневалась в его победе. А ты?

— Ну да, конечно. В смысле, конечно не сомневался. Но я все-таки нервничал, как же без этого.

— А я нет.

— Ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов.

— Можно. В нем.

Она повернулась и пошла обратно, к месту поединка. Толпа на поле редела. Люди разъезжались по домам. Я следовал за ней. Бежал трусцой. Мои ноги теперь были почти такой же длины, как у нее, но поддерживать ее скорость ходьбы мне было все еще трудно. Я никогда не шел куда-либо и не делал что-либо так стремительно, как Кэти. Старшая сестра, младший брат. Как бы я хотел,

чтоб она всегда была рядом, указывала мне путь, разъясняла что и как, приводила меня домой.

Глава восемнадцатая

Я внезапно пробудился среди ночи.

Лаяли собаки.

Наши собаки.

Я слышал, как их когти скребут пол и проскальзывают при разгоне. Несколько раз они бились головой в мою дверь, как будто пытаясь найти выход из темного трюма тонущего корабля. Судя по звукам, они так же налетали на стены в коридоре. И на дверь Кэти.

Папа поднялся раньше меня. Я услышал его голос в прихожей и более громкий голос другого мужчины, с которым Папа переговаривался через порог.

— Это странно, тебе не кажется? — говорил этот мужчина. — Странное такое совпадение.

— Не понимаю, о чем ты, — сказал Папа.

Сейчас я бы не назвал его голос абсолютно спокойным.

— Однако ты ничуть не удивился. Когда ты открыл дверь, мне показалось, ты ждал моего прихода.

— Не совсем. Тебя я не ждал. Но в последние дни к нам зачастили разные люди, и это меня

уже не удивляет, даже если кто-то приходит в такую рань.

— Сдается мне, ты был готов услышать эту новость.

— Ничего подобного.

Собаки по-прежнему лаяли, скребли когтями пол и тыкались в стены. Мне приходилось напрягать слух, чтобы за этим шумом разобрать слова Папы и незнакомца. Я вылез из постели, вне которой воздух казался разреженным и прохладным. В ту ночь я спал голышом и потому ощутил прохладу сразу всем телом.

— Его задушили. На шее были такие кровоподтеки, что трудно было понять, где грязь, а где запекшаяся кровь. Мой парень отскребал эти отметины с мылом, и мне пришлось его остановить, чтобы он не содрал заодно и кожу. Хотелось бы знать, кто на такое способен? У кого есть достаточно силы для этого? И кому это могло понадобиться? Мотив, так сказать.

— Кажется, я понимаю, к чему ты клонишь, но тогда уж говори прямо. Задай мне вопрос.

— Все это очень странно, видишь ли. Странный способ убить мужчину, пусть даже юнца. В наших краях мужчин убивают пулей или ножом, могут еще избить до смерти. Так, чтобы они медлен-

но истекали кровью. Но их не душат таким вот манером. Во-первых, для этого нужна большая сила, как я уже говорил. Парень-то был не слабак. Рослый, крепкий парень. Занимался спортом в своей пижонской школе. Регби, сквош и все такое прочее. Он бы не сдался без борьбы. Разве что человек, который с ним это сделал, был невероятно силен. Во-вторых, тут явно что-то личное, даже, я бы сказал, интимное. Почему не шарахнуть его дубинкой, сохраняя хоть какую-то дистанцию? Почему не запинать его до смерти, когда он упадет? Почему не всадить в него нож или, еще лучше, пулю — тогда вообще и трогать его не придется. Почему нужно было подойти вплотную и вцепиться ему в глотку? Очень странно.

Собаки перешли с лая на стон. Уже тише, но все еще не выходя из игры. Подбадривая и заводя друг друга. Обращаясь друг к другу. Подстраиваясь под интонации разговора в прихожей.

— Твоих рук дело, Джон?

— Это ты так думаешь.

— Я задал вопрос. Теперь ответь.

— Эти руки не прикасались к его горлу.

Собаки умолкли одновременно с паузой, наступившей в разговоре мужчин. Я услышал, как Папа выпроваживает их за дверь. Топот лап сна-

чала по доскам, затем по гравию и мягкой земле постепенно затих, когда Папа командой отправил их гулять к подножию холма.

— Ты мне веришь?

— Я-то верю, но это ничего не меняет. Они там все на взводе, Джон. Я о Прайсе и его людях. Они уже твердо решили, что это сделал ты, и не захотят слушать никаких возражений.

— У них есть доказательства?

— Никаких. Но им они и не нужны. Ты же знаешь, они не станут привлекать легавых. Никакого расследования проводиться не будет. Они так решили, и все.

— Да, я знаю правила игры. Знаю, как это делается в здешних краях.

— Тебе ли не знать. И ты знаешь, что у них есть убедительная история. Этого уже достаточно.

— Бой был выигран. Я выиграл для Кэти и Дэнни эту землю. У меня на руках все бумаги, подписанные Прайсом, юристом и мной. Подписи засвидетельствованы. Все по закону. С какой стати мне убивать мальчишку Прайса после этого? Зачем бы я стал все разрушать таким образом?

— Потому что…

— Ну, продолжай. Потому что я не могу себя контролировать? Потому что я мало чем отлича-

юсь от дикого зверя?

— Дело в твоей дочери, Джон. Потому что их видели вместе. Потому что парень увивался за ней месяцами.

Папа онемел. Даже не видя его, я почувствовал, как он отшатнулся и сделал шажок назад, потрясенный этим известием.

— Что?

— А ты разве ничего не замечал? Ты такой заботливый отец во многих отношениях, Джон, и все же не заметил того, что творилось у тебя под самым носом?

— И что я должен был заметить?

— Его и ее. Его в особенности. Он приходил и разговаривал с ней при всякой возможности. Но не по-хорошему. Он даже не пробовал понять или узнать ее получше. Он пытался где-нибудь с ней уединиться. И его братец туда же. Оба положили на нее глаз. Но она-то ни на кого из них не запала, верно?

— Само собой, не запала.

— Нет, конечно же.

— Она еще слишком молода.

— Это так. А он гаденыш. Был гаденышем, точнее сказать. Оба они такие. Теперь один мертв.

— И они думают, что я убил его из-за этого?

— Но ты этого не делал?

— Не делал.

— Но сделал бы? В случае, если бы парень ей навредил?

— Само собой.

— То-то и оно.

— Однако я этого не делал.

На этом разговор прервался, а поскольку собаки уже не шумели, в доме наступила тишина. Я прижался ухом к дверной щели, чтобы не упустить ни единого слова, если кто-то из них вновь заговорит.

— Парня нашли рано утром. Еще не рассвело, но у них были собаки. Пара ищеек, не знаю точно, какой породы. Эти быстро нашли его по следам — им и тьма не помеха. Он лежал на куче старых листьев и был обернут курткой, как саваном. Кто-то закрыл его лицо, и я могу понять почему: когда мы убрали куртку, его глаза были выпучены, как это порой бывает с мертвыми — зверями, птицами, людьми, без разницы. Выпучены, как от изумления, но гораздо сильнее, чем это случается при жизни. Казалось, он хотел напоследок окинуть взглядом весь этот чудный маленький мир и как бы сфоткать его на память — заснять солнце в листве, дикие цветы под ясенями и ду-

бами, заснять все и унести этот снимок с собой. Только один этот снимок, сделанный такими вот раскрытыми до предела глазами. Он использовал свои последние секунды, чтобы наполнить глаза цветом. Но из него самого все краски ушли. Может, что-то еще оставалось в глазах, но кожа совсем обесцветилась. Мы сразу поняли, что он мертв. Эти глаза навыкате. Эта раздавленная шея в крови и грязи. Желтые листья и мох, забившие рот с такими белыми, ровными зубами. Мертвец, дело ясное. Мы уже знали, что на поляне заночевал Горман. После твоего боя они там неслабо оттянулись, а потом все уехали, остался он один. Спал на переднем сиденье, а сзади в фургоне булькала рыба в чанах и бочках. Ну вот, значит, подняли мы парнишку. Он был долговязый, но людей у нас хватало. Мне досталась средняя часть, другим — голова и ноги. Дэмиан с самого начала ухватился неправильно. Он держал его за плечи, так что голова свисала назад и болталась на ходу. Помню, я беспокоился, как бы она не оторвалась от шеи. Знаю, такое невозможно, но меня это все равно беспокоило. И еще его длинные волосы — длиннее, чем при нашей с ним последней встрече. Я боялся, что волосы запутаются в папоротнике, когда мы шли напрямик через лес.

Но дотащили его нормально, и я напомнил себе, что для мертвых несколько выдранных волосков — совсем не то, что для живых. Мертвых ничто не колышет, так чего мне-то за них волноваться? На поляне мы разбудили дрыхнувшего в кабине Гормана стуком по стеклу. Парня погрузили в фургон среди бочек с живой рыбой. Живой, но такой же холодной, как мертвец. Уложили его посередине, в окружении бочек с рыбой, как будто он был ужином на столе, а они собрались пировать. Я однажды видел, как здоровенная щука едва не оттяпала человеку палец. Кровищи было полно. До чего же злобные тварюги! И он среди них. У нас была только холодная вода в ведре и еще какой-то старый обмылок, но мой парень сделал все, что мог, очищая и отмывая его кожу. Кстати, кожа у него была мягкая, не как у нас, работяг, и не как у кулачных бойцов. Джентльмен, что и говорить. Большую часть грязи мы счистили, потом повезли его в усадьбу, а сзади в фургоне все плескалась рыба. Надо признать, в отмытом виде он смотрелся таким же красавчиком, каким был при жизни. И когда Прайс его увидел, он вроде как вновь полюбил своего сына, словно впервые видел его таким красивым. Никогда не считал его сентиментальным и не думал, что он может

настолько расчувствоваться. Мужчины порой удивляют.

— Он отец, как и все отцы, — заметил Папа.

— Это так. Но его скорбь очень быстро сменилась гневом. Горе ушло на второй план. Теперь на первом плане месть.

— Понятно.

— Да уж. И все это выплеснется на тебя. Он уже определился с виновником. Выкрикивал твое имя без остановки, как лает злой пес в подворотне. Лично я тебе верю, Джон. Ты прямой человек, и у тебя нет причины лгать людям вроде меня. Но если ты думаешь, что Прайс станет с тобой говорить, ты сильно ошибаешься. Он до сих пор не нагрянул сюда только потому, что не все его люди собрались в усадьбе. Все его бандюги, я хотел сказать. Те, что приедут по твою душу. Он их срочно созвал, и в ближайшие часы все будут в сборе. До конца этого дня уж точно. Так что ты должен скорее валить отсюда. Вот что я хотел тебе сказать, Джон. Вот зачем я сюда приехал. Было непросто улизнуть из усадьбы, и Прайс уже наверняка меня хватился, но ты хороший человек. Ты хороший отец, и у тебя славные дети. Тебе нужно исчезнуть. Вместе с детьми.

— Здесь наш дом. Это наш дом, и это их земля.

— Сейчас это уже не имеет значения, Джон. Бегите. Скройтесь там, где он вас не достанет. Где-нибудь подальше отсюда. Что еще тебе остается? Сам знаешь, ничего. Ты самый сильный из всех известных мне людей. Самый сильный, самый быстрый и самый умный боец из всех, кого я видел на ринге. Но когда сюда явятся десять отморозков и наставят на тебя стволы, никакого толку от твоих мышц не будет. И от мозгов тоже. Лучшее, что ты можешь сделать сейчас, — это сделать ноги.

Папа ему не ответил. Мое дыхание участилось, сердце бешено стучало в груди. Я только теперь почувствовал, каким шумным вдруг сделалось мое тело. Могли ли мужчины в прихожей слышать через дверь спальни этот шум, издаваемый моими легкими и сердцем? Я понадеялся, что нет. Все-таки они находились слишком далеко и были слишком поглощены своим разговором, да и шумевший снаружи ветер должен был заглушать звуки моего дыхания. А сам я, казалось, слышал даже, как течет кровь по моим венам — подобно пенистому потоку в узкой горловине ущелья; слышал ее бурление и напор как бы в поисках новых путей внутри меня, новых, более широких каналов для выхода в окружающий

океан. В раннем детстве у меня часто шла носом кровь. И сейчас я почти инстинктивно поднес правую руку к ноздрям для проверки. Обычно я еще до этого жеста улавливал сладковатый запах крови, но сейчас не обнаружил ни запаха, ни вкуса, ни следов крови на пальцах. С этим вроде все было в порядке.

Мужчины вполголоса обменялись еще несколькими словами, после чего незнакомец сошел с крыльца. Чуть погодя завелся и басовито заурчал двигатель, постепенно удаляясь за пределы слышимости.

Папа наполнил воздухом свои объемистые легкие и затем выдохнул — звук был как от ветра, пронесшегося между горными вершинами.

— Дэниел? — произнес он тихо.

Вероятно, он давно уже догадался, что я стою за дверью, однако не мог знать, как много из сказанного я сумел расслышать. Я медленно повернул дверную ручку, все еще стараясь действовать без шума, хотя теперь в этом уже не было надобности. Папа темным силуэтом маячил в проеме входной двери. Солнце только-только показалось над горизонтом и четко высветило вершины ближайших деревьев.

Я приблизился к отцу:

— Нам придется уехать, Папа?

Он покачал головой, крепко обнял меня и, нагнувшись, поцеловал в лоб. Я почувствовал прикосновение его неожиданно мягких губ, а также бороды, одновременно шелковистой и колючей. Он взял меня за плечи, развернул в сторону моей спальни, а затем положил руку на поясницу и слегка подтолкнул:

— Спи спокойно, Дэнни. Увидимся утром.

V

Несколько дней я путешествую вместе с Биллом. Мы составляем компанию друг другу. Я для него подспорье. Он для меня тепло.

Я разыскиваю ее всюду, где мы бываем. Я проверяю автобусные остановки и железнодорожные станции. Я просматриваю объявления в витринах магазинов. Люди ищут жилье, люди ищут работу. У меня не хватает смелости разувериться в успехе. Я грызу ногти, сквозь пыльные стекла кабины высматривая знакомый силуэт среди вертикальных и горизонтальных линий бетонных городских ландшафтов.

Билл иногда помогает мне в поисках, но для него моя сестра — это не главная забота.

В одну из ночей мы сворачиваем с автострады на проселочную дорогу, чтобы отдохнуть в тишине, подальше от нескончаемого трения резины об асфальт. Мы подпрыгиваем и раскачиваемся на сиденьях, когда колеса грузовика ныряют в рытвины или задевают валуны на обочине. Вокруг нас кромешная тьма. Луны нет. На небе лишь несколько звездочек. Янтарный отсвет электри-

ческих огней вдали. И лучи наших фар. Внезапно в них попадает косуля. И замирает на месте. Как вкопанная. Стоит перед нами, застигнутая врасплох, как и мы. Такое впечатление, что она вообще не живая. Что это чучело давно умершей косули, которую набили опилками и поместили здесь в этой позе. Вставили ей стеклянные глаза. И с этим стеклянным взглядом, да еще за ветровым стеклом машины, она кажется музейным экспонатом на фоне бутафорского пейзажа, имитирующего ее естественную среду обитания.

Билл давит ладонью на клаксон, тот ревет, как охотничий рог, и косуля исчезает, а я ненавижу его за эту выходку.

Мой Папа поступил бы иначе.

Но потом мы сворачиваем на стоянку, и я узнаю, что тело может мутировать в течение одной ночи. И что сама ночь может быть изменчивой, как прихотливые изгибы тела. Он не так силен, как ему представляется. Настоящим мужчиной я бы его не назвал. Да, у него низкий голос и широкая грудь, а волос на подбородке больше, чем на черепе. Но я знавал людей покруче. Я сам из такой семьи.

Я пытаюсь погладить его, когда он тянется к моим джинсам, но он отталкивает мою руку. Я

не в претензии. Его нервируют прикосновения.

Я придавлен его весом. Замечаю татуировки на его руках выше локтя. Поблекшие, голубовато-серые, они смотрятся неважнецки на его бугристой коже. Я различаю голову змеи. Еще там летящий орел с большими когтями и свирепо изогнутым клювом. А на предплечье фигура женщины с обнаженной грудью.

Он не смотрит мне в глаза. Мы не целуемся. И не разговариваем.

Как бы то ни было, мне приятен телесный контакт. Даже эта небрежная грубоватая ласка.

И поутру я чувствую себя новым человеком под старым кожным покровом.

Глава девятнадцатая

Когда боишься всего вообще, что-то в отдельности уже не особо пугает. Кэти первой почувствовала неладное. Я по совету Папы вернулся в постель и почти сразу заснул. А Кэти спала крепко и пропустила ночной визит незнакомца с предупреждением для Папы, но зато поднялась раньше меня и теперь металась по всему дому, как птица, которая случайно залетела в окно и панически пытается найти выход из помещения. Этот шум меня разбудил, но я не спешил вставать и выяснять, в чем дело. Лежал под одеялом с закрытыми глазами, перепуганный донельзя. Наконец она влетела в мою комнату, чуть не сорвав дверь с петель. Дверная ручка ударилась о стену, разбивая и кроша в меловую пыль коряво наложенную штукатурку.

— Проснись, Дэниел, проснись! — позвала она умоляющим голосом.

До того я ни разу не слышал, чтобы она кого-нибудь умоляла.

Я колебался, меньше всего желая покидать свою теплую, безопасную постель. Но она была моей сестрой. И я сразу же, интуитивно, отчетли-

во понял, что случилось нечто очень плохое.

Я открыл глаза.

— Уже проснулся, — сказал я. — В чем дело?

— Папа исчез.

— Должно быть, ушел в рощу, — тотчас предположил я.

— Я была в роще. Его там нет. Его нет в доме и нет в роще.

— Ты прошла до самого центра? До материнского дерева?

— Я всю рощу обыскала.

Я умолк, теперь уже действительно пытаясь осмыслить ситуацию.

Кэти по моему виду догадалась, что мне известны какие-то подробности:

— Где он? Куда он ушел?

— Не знаю. Я не уверен. Он сказал, что останется здесь в любом случае. А если он все-таки решил уйти, то почему ушел без нас?

— Куда ушел?

— Не знаю, — сказал я. — Не знаю.

— А что ты знаешь?

— Я видел его на рассвете. Приходил какой-то человек, собаки подняли лай и разбудили меня. Они тоже не вернулись. Наверно, бегают где-то поблизости. А тебя они не разбудили?

— Я всю ночь проспала как убитая. И видела сны. Только я сейчас не могу их вспомнить.

— Когда я проснулся, Папа с кем-то говорил у входа. Я подкрался к двери, чтобы лучше слышать. Голос того человека я не узнал. Он не из наших друзей и не житель деревни. Он пришел предупредить Папу. Уговаривал его срочно отсюда уехать и… — тут я запнулся, — и взять нас с собой.

— Но с какой стати? Мы же победили.

— Потому что — по словам чужака, — потому что после боя, среди ночи, они нашли тело в кустах рядом с той поляной. Мертвец. Один из сыновей Прайса.

Кэти никак не среагировала, будто не слышала или не поняла моих слов. Она просто смотрела на меня этими ярко-голубыми глазами, сияющими на бледном лице.

— Он сказал, что Прайс обвиняет в этом Папу. Другие, как и Прайс, уверены, что это наш Папа прикончил его сына. Которого из двоих, я не понял. На Папу подумали только из-за того, что следы удушения были особенными: их оставили очень сильные руки, а значит, и убийца был здоровяком. Этого им вполне хватило для обвинения, тем более что Прайс ненавидит Папу. Как

мне кажется, причина этой ненависти лежит глубже последних событий. Глубже, чем вся эта история с боем, и глубже, чем спор из-за земли, на которой мы живем. Тот человек сказал, что Прайс уже объявил Папу виновным в убийстве его сына и теперь жаждет мести. Больше никаких игр. Он посылает своих людей сегодня — возможно, уже этим утром, — чтобы они захватили Папу и привезли его в усадьбу Прайса, а что будет потом, даже представить не могу. Одно ясно: в полицию они обращаться не будут.

— А где Папа сейчас?

— Сказал же: не знаю. Тот мужчина предупредил Папу и посоветовал ему исчезнуть отсюда как можно скорее. А когда чужак убрался, я вышел из спальни. Думаю, Папа знал, что я все время был там и подслушивал. Он сказал, что уезжать не собирается. И еще он сказал…

Я напряг память, пытаясь вспомнить, что еще важного сказал Папа.

— Конечно, он не мог уехать, — сказала Кэти. — Он бы нас ни за что не бросил.

Я еще немного поразмыслил, прежде чем ответить.

— Знаю, — сказал я. — Это я знаю.

Потом еще помедлил, кусая губу.

— Но тогда где же он?

Мы отправились в деревню по старой разбитой дороге. Тротуар на подходе к дому Юарта и Марты размяк после трехдневной жары, а влага, которой накануне был насыщен воздух, к утру сконденсировалась на асфальте, сделав его еще и скользким.

Это я уговорил Кэти пойти к Ройсам. Она сомневалась в нужности этого визита.

Мы постучались дважды. В первый раз я костяшками выбил легкую дробь на витражном стекле в центре двери. Во второй раз Кэти забарабанила кулаком по деревянной створке.

Дверь распахнулась. На пороге стояли Юарт и Марта, вдвоем. Выражения лиц обоих были какими-то неопределенными, а взгляды — уклончивыми. Они смотрели в пространство между мной и сестрой. Они смотрели поверх наших голов и мимо нас. Или оглядывались назад, вглубь собственного дома.

Я начал с вопроса:

— Вы не видели нашего Папу?

Марта посмотрела на Юарта. Тот наконец-то встретился со мной взглядом.

— Это занятно, — произнес Юарт.

Я молча ждал продолжения.

— Занятно, — повторил он.

— Извините, — сказал я, — но что именно кажется вам занятным?

Он помолчал еще несколько секунд, продолжая глядеть на меня.

— Занятно, что вы пришли сюда, разыскивая своего отца. Вы разыскиваете его — это занятно.

Но под этим словом он подразумевал не то, что обычно считали занятным я, Кэти или Папа, когда говорили о чем-то нас интересовавшем или когда люди называли занятным какой-нибудь неожиданный, неординарный вопрос.

— Юарт, милый, — сказала Марта, — вряд ли их можно винить. Вряд ли они к этому причастны хоть в какой-то мере.

— Не причастны? Но они достаточно взрослые, не так ли? Они были достаточно взрослыми, чтобы участвовать в наших серьезных делах, так почему бы им не поучаствовать и в этом? Это сплоченная семья, как они сами всегда говорили. Потому мы и начали испытывать к ним симпатию. Ты знаешь не хуже меня, Марта, что мы никогда не связались бы с человеком вроде Джона, при его-то репутации, и никогда не впустили бы его в наш дом, не будь этих двоих. Отец с двумя детьми вызывает больше доверия, чем

одинокий мужчина. Так устроено наше восприятие. Именно так эти обманщики втираются в доверие, понимаешь? Вполне возможно, они все замешаны в этом деле. И что вы двое намерены стянуть сейчас — драгоценности моей жены? Нашу машину?

— Хватит, — прервала его Марта. — Они просто ищут своего отца. Подумали, что он может быть здесь. Они растеряны не меньше нашего. И они никак с этим не связаны.

— Никак не связаны с чем? — спросила Кэти.

— Думаю, вам лучше зайти в дом, — сказала Марта.

— А я думаю, не стоит их впускать!

Юарт перегородил рукой дверной проем. Впрочем, мы с Кэти и не пытались приблизиться ко входу.

— Может, вы просто объясните нам, что к чему, прямо здесь, у порога? — предложил я.

Марта глубоко и тяжело вздохнула:

— Ваш отец был здесь рано утром. На рассвете или вскоре после того. Мы с Юартом еще спали, но расслышали его стук в дверь.

— Так и вышло. Мы были ему рады. Слишком рано для визита, но он никогда не соблюдал режим дня. Все в деревне уже привыкли к тому, что

он может появиться в любое время дня или ночи, и относились к этому с пониманием. Какими же доверчивыми глупцами мы были!

— Хватит, Юарт. Я понимаю, что задета твоя гордость. Это все твоя гордость.

— Это больше чем гордость, Марта. Это еще и пятьдесят тысяч фунтов. А ведь эти деньги даже не наши!

— Понимаю. Я все понимаю. Но эти двое детей имеют право знать, в чем, собственно, дело.

Юарт сделал шаг назад и сложил руки на животе. Теперь он избегал смотреть в нашу сторону.

— Он был здесь на рассвете, — повторила Марта. — Я о вашем отце. Попросил разрешения войти, и мы, конечно же, его впустили. Он сказал, что хочет просмотреть учетные книги, спрятанные в нашем сейфе. Те, в которых мы фиксировали все дела последних месяцев, все имена и все поступавшие к нам деньги. Вы же знаете, что мы собирали взносы. Типа профсоюзных. Те, кто отказался платить за аренду жилья, отдавали эти деньги нам. Мне и Юарту. Просто на сохранение. На тот случай, если наш бойкот сорвется. Или мы достигнем соглашения с лендлордами, которые примут наши условия, а люди взамен должны будут выплатить им хотя

бы часть прежней суммы. И мы уже обо всем договорились. В том бою ваш отец решил свою проблему с землей. Прайсу позарез нужно было, чтобы он дрался. Вы двое даже не представляете, какие деньги были на кону и сколько заполучил Прайс благодаря вашему отцу, который снова поработал на него, как в старые времена. Но параллельно мы заключили и другую сделку, на этот раз со всеми землевладельцами. С Прайсом, конечно, но и с другими тоже. Это касается уже не вашего дома и земли, а всех арендаторов, которые живут в бывших муниципальных домах. Ленд-лорды согласились заморозить арендную плату и дать разумную скидку тем, кто явно не потянет такие платежи. Они обещали забыть о старых недоимках. И согласились произвести ремонт в самых проблемных случаях. Не во всех, имейте в виду, и потому мы попросили самих жильцов — тех, кто знает толк в таких работах, — также к этому подключиться. Но и лендлорды взяли на себя значительную часть. А мы в ответ должны будем внести задержанные платежи. Не сразу, а когда убедимся, что они держат слово. И тут, конечно, очень важен бой, выигранный вашим отцом. Этот бой скрепил договоренность. Причем скрепил кровью. Не спрашивайте меня, каким

образом, но так оно получилось. Вот только деньги, около пятидесяти тысяч, доверенные нам на сохранение многими хорошими людьми, — эти деньги исчезли. Ваш отец поднялся на второй этаж якобы посмотреть учетные книги, когда мы без всякой задней мысли дали ему ключ от сейфа, и прикарманил эти деньги. Всю сумму без остатка. Забрал их и был таков.

Ее рассказ продолжил Юарт:

— А еще чуть погодя до нас начали доходить слухи. Надеюсь, вы сможете их прояснить. Мы узнали об этом от Питера и других людей в деревне. Мертвый юнец в лесу. Сын Прайса. Красавчик. Тот из двоих, что красивее. Мертвый. Задушен. Похищены его часы и бумажник.

— Часы и бумажник? — переспросила Кэти.

— Да. Ваш отец не удовольствовался всеми дарами, что получил в тот день. Или просто решил продолжить побоище. Люди такого типа уже не могут остановиться, когда войдут в раж. Когда почувствуют вкус крови. Когда их тяга к насилию смыкается с алчностью. В такие минуты они способны на самые низкие, самые жестокие поступки. Уж так они устроены. Всем известна его репутация. Прайс, конечно, тот еще мерзавец, но его сын был просто мальчишкой. Просто

молодым парнем. А его шея, по описаниям, была буквально раздавлена — с такой силой сжал ее ваш Папа.

— Это неправда, — тихо произнесла Кэти.

— Неправда, вот как? — откликнулся Юарт. — Ты еще смеешь его защищать? Забавно. Очень забавно.

И опять он не имел в виду забавность как таковую. В его устах эти слова подразумевали: «Что за бред!», или «Не держи меня за дурака», или «Мне, как порядочному человеку, оскорбительно такое слышать».

— Вы даже не пытаетесь разобраться, — сказала Кэти. — Еще вчера вы были его другом, поздравляли его вместе с остальными, а сегодня спешите его обвинить.

— Он украл у меня пятьдесят тысяч фунтов!

— И поэтому вы обвиняете его в убийстве Чарли Прайса? Нет никаких улик, указывающих на него. Одни лишь слухи. По этим слухам, и только, он ради банальной наживы прикончил Чарли Прайса. Вы верите, что он прикарманил часы и бумажник, потому что верите в кражу пятидесяти тысяч из вашего сейфа.

— Он действительно украл пятьдесят тысяч из сейфа в моем доме!

— Но он не убивал Чарли Прайса. Это сделала я.

Юарт и Марта остолбенели. И я тоже остолбенел. Кэти молчала.

Через какое-то время Юарт подал голос:

— Ты юная девушка, Кэти. Ты можешь воображать себя большой и сильной, как твой отец, но ты всего лишь девчонка. Не надо морочить нам голову.

— Я сказала правду.

— Видимо, ты пытаешься защитить своего отца, — отозвалась Марта. — Это похвально, я признаю, только делу это не поможет.

— А я и не думаю вам помогать. Я просто говорю правду. Это я убила Чарли Прайса.

— Кэти…

— Я убила Чарли Прайса. Задушила его насмерть. Я этому рада и без колебаний сделала бы это снова.

Марта и Юарт не сказали ничего. Они смотрели на Кэти, пораженные ужасом. Потом Марта ухватилась за край двери и резко ее захлопнула. Задребезжало витражное стекло.

Мы с Кэти постояли еще несколько секунд, затем развернулись и пошли по дорожке от дома.

Я ни о чем не спрашивал Кэти и не просил ее

еще раз повторить то, что она сказала Ройсам.

Молча мы прошли пару улиц. Потом разделились, условившись встретиться дома через час. Кэти собралась навестить Питера и еще нескольких деревенских. А я отправился к дому Вивьен, стоявшему на отшибе, — надо было пройти мимо общинного выгона и пустыря по направлению к холму, на котором жили мы: я, Кэти и Папа. Кэти к Вивьен идти не захотела. Сказала, что лучше потолкует с честными людьми в деревне. Так что я пошел туда один.

Окна оказались закрыты шторами не только наверху, но и на первом этаже. На мой стук в дверь не последовало никакого ответа, никаких звуков изнутри.

Я постучал снова. Нет ответа. Ни приглушенных голосов, ни звона кухонной посуды или звуков уборки. Ни включенного радио.

Я ждал, стучал все сильнее и опять ждал. Прошел вдоль палисадника. Никто не отзывался, и все же я знал, что она дома. Я стучал, ждал, потом начал бить в дверь обоими кулаками. Один раз. Два раза. Снова ожидание.

С каждой минутой во мне крепла уверенность в том, что Вивьен действительно находится внутри, прячется от меня, слышит мой стук и удары,

а возможно, и наблюдает за мной через щелочку в шторах — видит мою нервную ходьбу вдоль дома, видит мое раскрасневшееся лицо, видит слезы в моих глазах.

Только теперь я осознал, насколько важной стала для меня Вивьен. Папа построил дом для меня — для нас троих. Он создал убежище из дерева и камней, расположенных и закрепленных таким образом, чтобы защищать нас от ветра, дождя и снега. Он даровал нам безопасность и тепло. Но в то же время Вивьен — каким-то непонятным, не поддающимся объяснению образом — также сотворила для меня дом. Уютное гнездышко. Этот дом сильно отличался от того, что стоял рядом с рощей на вершине холма. Я не воспринимал дом Вивьен как что-то осязаемое. Я не замечал его кирпичей, бетона, заклепок и стыков. Он не был убежищем от непогоды. Он все глубже врастал в болотистую почву. Но какой-никакой очаг здесь имелся, и в очаге горел огонь. Главное, у этого места было будущее. У него были перспективы.

— Вивьен! — крикнул я. И вновь постучал. И подождал еще немного. — Вивьен!

Все было бесполезно. Я сдался. Повернулся и пошел по тропе к воротам и дороге, ведущей домой.

А когда я уже выходил из ворот, дверь дома вдруг с шумом распахнулась и в мою сторону бегом направилась женщина, которую я на протяжении года видел всегда сдержанной и прекрасно владеющей собой. Сейчас ее неприбранные волосы растрепались на ветру. Глаза были красными.

— Если ты хочешь поговорить, Дэниел, лучше зайди в дом!

Я среагировал не сразу. Замер на месте и простоял так несколько секунд, созерцая эту сцену. Затем последовал в дом за Вивьен, которая закрыла дверь, но дальше прихожей мы не продвинулись.

— Он ушел, Дэниел. И я не знаю куда. Этого он не сказал.

— Но перед тем он побывал у вас.

— Да, ты разминулся с ним на каких-то полчаса.

— Надо было сразу идти сюда. Я же чувствовал, что надо сразу идти к вам! Но в таком случае он еще где-то неподалеку.

— Ты все равно его не найдешь. Когда он передвигается, он делает это очень быстро. И он не хочет, чтобы вы следовали за ним.

— Он обещал мне, что останется.

— Это было бы безрассудно. Сейчас многие его ищут. Мужчины с собаками. Мужчины, которые хотят его убить. На сей раз они не оставят ему никаких шансов. Схватят живьем, если получится, чтобы потом отвезти к Прайсу и там убивать медленно. Конфликт перестал быть деловым с тех пор, как он прикончил того юнца.

— Он этого не делал, — сказал я.

— Конечно же сделал.

— Он сам так сказал? Он вам сознался?

— Во всяком случае, он этого не отрицал.

— Но и не подтверждал, верно? Вы задавали ему этот вопрос? Вы получили прямой ответ?

— В этом не было нужды. Новости распространяются быстро. Рано утром мне позвонил Юарт, чтобы меня предупредить. Он сказал, что ваш Папа убил одного из сыновей Прайса: задушил и почти оторвал ему голову своими ручищами. А после того, на рассвете, он явился к Ройсам и украл у них деньги.

— И все же вы его впустили, когда он пришел?

— Твой отец всегда был дикарем. Я и прежде знала, что он не ангел.

— Согласен. И все же он не убивал Чарли Прайса.

— Теперь уже не важно, убивал он или нет на

самом деле. Главное, что в этом уверены люди Прайса. Они нашли куртку твоего отца, которой было накрыто тело мальчика, ты в курсе? Как одеялом. Как саваном.

— Этому я верю.

— На Джона идет охота. Если его схватят, страшно представить, что с ним сделают. Да, я знаю, с ним шутки плохи. Все мы это знаем. Но тут уже совсем не до шуток. Сейчас его может спасти только бегство.

— Возможно, — сказал я, кивнув.

Через открытую дверь я видел часть гостиной. Вивьен меня туда не пригласила. Холодный прием, что и говорить.

— Он заходил сюда, чтобы попрощаться? — спросил я.

— Отчасти для этого.

— А еще для чего?

— Он попросил меня… — Тут она запнулась.

— О чем попросил?

— Это была большая просьба. Больше тех, с какими люди обычно обращаются к своим знакомым.

— И в чем она заключалась?

— Не знаю, стоит ли тебе об этом говорить.

— Вивьен! Мой отец исчез из дома этим утром,

за ним гонятся люди с собаками, чтобы его убить! Скажите мне!

— Он хотел, чтобы вы с Кэти перебрались ко мне. Попросил меня присмотреть за вами какое-то время, пока он не найдет безопасное место. Тогда он вернется и заберет вас туда.

Я не произнес ни слова. Ждал, когда она выскажется до конца.

— Однако он попросил слишком многого, — продолжила она. — У меня есть собственная жизнь, и хотя я вам сочувствую, это уже чересчур. Кроме того, вы с Кэти вполне самодостаточны. Не думаю, что вы двое захотите переселяться в мой дом. У вас своя семья. Вы есть друг у друга. А я не из тех, кто готов делиться своим жизненным пространством. Я слишком стара и слишком привыкла жить в одиночестве. Возможно, много лет назад я бы на такое согласилась. В моей жизни был период, когда мне это могло бы даже понравиться. Но не сейчас. Уже слишком поздно.

— Значит, Папа просил вас об этом?

— Да, об этом.

Я потратил минуту на размышления. Представил себе ситуацию, когда кто-либо, находясь в смертельной опасности, просит старого друга позаботиться о его детях, а этот старый друг от-

вечает отказом.

— Что ж, — сказал я, — полагаю, вы правы. Мы с Кэти вполне справимся вдвоем у себя дома.

— Именно так я и подумала. Только будьте осторожны.

Казалось, она хочет, чтобы я поскорее ушел.

— Да, — сказал я, — конечно.

— Потому что Прайс и его люди могут нагрянуть к вам, сам понимаешь. В поисках вашего отца.

— Это они могут.

— Так что не открывайте дверь незнакомцам.

— Не откроем, — пообещал я, делая шаг назад. — Спасибо, что приняли меня в своем доме.

К тому моменту она, видать, подзабыла, что как раз от этого старалась уклониться. И теперь заметно смутилась.

— Ох нет… то есть, конечно же. Конечно, я бы сразу тебя впустила. Но в комнате наверху пылесос шумел, только и всего. Ты здесь всегда желанный гость. Именно как гость.

— Спасибо, вы очень добры.

Я открыл входную дверь, шагнул под солнце и затворил дверь за собой, посчитав это правильным. Однако дверь закрывалась туго, и мне пришлось дернуть ее пару раз, а потом Вивьен, пробормотав что-то неразборчивое, толкнула ее

изнутри.

Домой я шел очень медленно.

Когда люди Прайса приехали обыскивать наш дом, мы спрятались в роще. Было позднее утро, и мы расслышали неровное клокочущее рычание их фургонов задолго до того, как они взобрались на холм. Кэти предложила остаться и встретить их лицом к лицу. Она сказала: «Пусть они видят, что мы не трусы». Но я уговорил ее отказаться от этой затеи, после чего мы покинули дом через заднее крыльцо и, пригибаясь, добежали до ближайшего места с хорошим обзором на опушке рощи. Джесс и Бекки как в воду канули. Я высматривал их повсюду, когда мы пересекали открытое пространство, но безрезультатно.

В то утро мягкий сырой мох и желтоватая кора ясеней пахли как-то по-особенному знакомо. Птицы на ветвях и мелкие зверюшки в подлеске хранили молчание вместе с нами, хотя я замечал среди листвы их блестящие глаза и взмахи сизых перьев.

Я старался сдерживать дыхание и заметил, что Кэти поступает так же. Фургоны остановились на каменистой площадке перед входом; первыми спрыгнули на землю сидевшие в кабинах. Один сразу бросился открывать широкие двустворча-

тые двери сзади обоих фургонов, после чего из каждого выбралось еще по пять человек. Итого четырнадцать. Я сощурился, пытаясь распознать лица и чувствуя себя дурно при мысли, что среди них могут быть наши в прошлом хорошие знакомые. Увы, так и оказалось. Как минимум четверо были работягами из числа тех, что приходили к нам на большой костер памятной ночью много недель назад. И все они имели деловитый вид, как будто прибыли сюда собирать клубнику или сортировать картофель. Двое даже имели при себе лопаты, хотя использовать их явно собирались не по прямому назначению. Остальные сжимали в руках бейсбольные биты и монтировки.

Они начали окружать дом. Никто не рискнул постучать в дверь, но некоторые — самые отчаянные храбрецы — подкрались к окнам и заглянули внутрь, ладонью прикрывая глаза от солнца. Вся эта возня продолжалась около минуты, а потом низенький, похожий на бульдога крепыш переложил монтировку в правую руку и с размаху метнул ее в дверь — типа постучался. Звук удара коротким эхом разнесся по дому, как от пинка по пустой железной бочке.

— Открывай, Джон! Ты знаешь, что мы здесь! — крикнул Бульдог.

Разумеется, ответа не последовало, поскольку Папы в доме не было.

— Открывай, Джон! — крикнул кто-то другой из-за спины Бульдога, вдохновленный речью предыдущего оратора.

Судя по акценту, он был из мест к северу отсюда: все еще в Англии, но уже по соседству с шотландской границей.

Осмелев, остальные придвинулись вплотную к дому; кое-кто начал постукивать по стенам и окнам. Брызнуло стекло от нерасчетливого удара чьей-то биты. Ударивший мигом отскочил назад, сам испугавшись содеянного. Все они были взвинчены до предела. Я это чувствовал даже на расстоянии.

Парень в сером спортивном костюме, с мягкими светлыми волосами и приторно-слащавой физиономией, — вряд ли намного старше Кэти — обратился к Бульдогу, видимо бывшему у них за главаря.

— Я не думаю, что он в доме, Даг, — сказал Слащавый.

— Скорее, это он хочет, чтобы мы так подумали. Затаился там со своими мальцами, он такой.

— Никто из нас не разглядел их через окна. Никакого шевеления вообще.

— То есть ты предлагаешь нам просто свалить отсюда, так, что ли?

— Я этого не говорил.

— Ты хочешь, чтобы мы вернулись к Прайсу с пустыми руками? И чем, по-твоему, это для нас аукнется?

— Я такого не говорил. Я только хотел сказать, что если их тут нет, то и нам тут больше нечего делать.

— Не мешало бы проверить, — сказал кто-то, находившийся за углом дома и невидимый с моей позиции.

— Точняк, — сказал Бульдог. — Проверить не мешало бы.

Он подошел к двери и принялся лупить монтировкой по замку. Другие начали бить окна, теперь уже намеренно. Сразу же стало более ощутимым присутствие рядом со мной Кэти. Ее бицепсы и бедра были напряжены, как будто готовые к броску, но руки крепко вцепились в узловатые корни ясеня, удерживая ее на месте. При всей ее импульсивности у нее все же хватило ума не кинуться на них с кулаками. Я подумал о какой-нибудь мелочи, чтобы ее ободрить — и чтобы напомнить о себе. Моя рука приблизилась к ее локтю, но в последний миг я от этого намере-

ния отказался. Все ее тело было так напряжено, что любое, самое легкое, прикосновение могло стать для нее стартовым сигналом. Мы должны были сидеть и ждать.

Наша входная дверь была сделана из дуба и не поддавалась натиску даже в своей слабейшей точке. Бульдог попробовал подцепить монтировкой углы, но и тут вышла незадача. Если бы мы с Кэти находились внутри, мы могли бы задвинуть дополнительные засовы — без сомнения, предусмотренные Папой как раз для таких случаев, — но и без того даже одного врезного замка, закрытого нами перед уходом, хватало вполне.

То есть хватало до той поры, пока они не притащили таран. Штурмовой полицейский таран, судя по виду. Четверо мужчин орудовали им попеременно, и наконец дверная коробка оторвалась от стены и рухнула на пол с тяжелым глухим стуком — одинарным, потому что дверь была слишком массивной для отскока при падении. И вскоре все они уже были внутри, исчезли с наших глаз, не считая двоих, оставленных на страже в дверном проеме.

Но слышали мы их достаточно хорошо. Они рвали наши вещи и разбивали мебель, часть которой я сделал собственными руками.

Кэти оставалась в прежней позе, готовая к броску. А я, уверенный, что теперь они уже не услышат шороха листьев, повернулся спиной к дому и устремил взгляд в глубину рощи.

Не знаю, как долго погромщики оставались внутри, уничтожая наши пожитки, но по завершении этого действа они уже вели себя спокойнее. Чувствовалось удовлетворение от честно выполненной работы. Они вышли из дома и задержались совсем ненадолго, чтобы перевести дыхание, прежде чем погрузиться в свои фургоны. Один завелся сразу и поехал, но вскоре притормозил, когда водила заметил, что второй фургон за ним не следует. Он высунул голову из окна, выясняя ситуацию, но, должно быть, второй водила сделал какой-то успокоительный жест, потому что первый вновь тронулся и покатил дальше. Когда этот фургон скрылся из виду, второй водила вылез из кабины и поднял капот. Что-то случилось с двигателем. Теперь я это уже носом чуял: слабый темный дымок плыл по ветру в сторону деревьев и как раз добрался до моих ноздрей. Запах горелого масла. Пока он возился с мотором, Кэти не отрывала от него взора, как лев, следящий из засады за газелью.

Я тоже пристально смотрел в сторону дома,

когда услышал звук удара по голове Кэти. Такой незнакомый и такой близкий звук, одновременно мягкий и неприятный, как стук футбольного мяча по гравию. Кэти уткнулась лицом в землю. Я оторопело уставился вниз на нее, так и не повернув головы, чтобы увидеть того, кто ее ударил. Кэти кашлянула, подняв облачко коричневатой древесной трухи. Она не потеряла сознания, а вот со мной это случилось уже в следующий миг.

Глава двадцатая

Я очнулся в ее объятиях. Кэти пристроила мою голову у себя на коленях. Я почувствовал прикосновение чего-то холодного и мокрого. Она промокала полотенцем мой лоб, щеки и губы. Заметив, что я открыл глаза, поднесла к моему рту бутылку. Шок от ледяной воды усилил головную боль, но вместе с тем я ощутил сильнейшую жажду. Схватил бутылку и одним духом выпил всю воду, лишь потом сообразив, что надо было оставить что-то и для Кэти.

— Я уже попила, — сказала она, прочитав мои мысли. — С тобой все в порядке.

Но голова моя была далеко не в порядке. Мне не было нужды проверять кровотечение на ощупь: я чувствовал запах крови на своем лице.

— Значит, нас таки сцапали, — сказал я.

— Типа того.

— Где мы?

— Они закинули нас в фургон и привезли на какую-то ферму. Думаю, к Прайсу. Мы заперты в сарае позади дома, рядом с большим амбаром. Я подмечала все, что могла. А ты был в отключке.

Я пошевелился, принимая более удобную позу.

— Их тут целая толпа, — сказала она. — Многовато даже для Папы. Хотя кто знает?

— А Папа тоже здесь? — спросил я.

— Пока нет.

Кэти все еще не теряла надежды и несла ее перед собой словно напоказ всему миру. Моя же теплилась где-то глубоко внутри.

Я осмотрелся. Свет проникал в сарай лишь через жиденький ряд окошек под самой крышей из волнистого железа. Я разглядел полки, заваленные картонными коробками, канистрами и пластиковыми бутылками. Мотки садового шпагата, пузырчатая пленка, крепежные хомуты, парафин. Все в таком роде. Грязный пол местами покрывали столь же грязные куски искусственного газона. Стол в углу был уставлен торфяными горшочками с рассадой.

— Ты и впрямь убила того парня, Кэти?

Она сосредоточенно расправляла складки и морщины на своих джинсах и не посмотрела в мою сторону. Мы сидели рядышком на грязном полу, и я услышал, как она задержала дыхание, но головы в мою сторону не повернула.

— Даже если и так, мне все равно, — продолжил я. — Для меня это ничего не меняет. Ты моя сестра, и я тебя люблю. Я привык верить всему, что

ты говоришь, и буду верить всегда, что бы ты ни сказала. Если ты его убила, значит была причина, пусть даже этой причиной было только твое желание. Это ничего не меняет. Ты моя сестра.

Она так и не повернула головы. И продолжала молчать. Я положил руку ей на плечо.

— Мне больше ничего не оставалось, — наконец заговорила Кэти. — Сил не хватало, чтобы отделаться от него обычным способом. Если бы я свалила его на землю, он бы мигом поднялся и схватил меня снова. Он был намного крупнее меня. И намного сильнее. Если бы я дралась по своим правилам, я бы проиграла. Так всегда говорил Папа. Хлестать по лицу и бить кулаком тоже было без толку: он стал бы хлестать и бить меня вдвое жестче. Если бы начала с ним бороться, он бы меня поборол. Наверняка. С одной стороны парень, из которого уже вырастает мужчина, а с другой — девчонка, из которой может вырасти только женщина. И потому мне нужно было убедить себя — хотя бы ненадолго, — что игра идет по другим правилам. Впрочем, тебе этого не понять.

— Пойму. Постараюсь. Продолжай, прошу тебя.

— Я только… Я почувствовала, что смогу как-то управлять всем этим — собой, своим телом,

ситуацией, — только если полностью вложусь в одно-единственное действие. И мое действие должно быть настолько необычным, что у него не будет шанса ответить в том же духе. Потому что в той ситуации шансов у него было полно, а у меня — только один. И я его использовала. Было такое чувство, словно все силы, какие во мне есть, вдруг соединились в одной точке, и этой точкой оказалась моя хватка на его горле. Так я и держала его, очень крепко, много-много минут. Он давно уже умер, а я все не разжимала пальцы. Мне нужно было убедиться окончательно. Как я сказала, шанс у меня был только один.

— Я и не знал, что он был на том пустыре во время боя, — сказал я. — Не видел там ни одного из сыновей Прайса. Я о них почти не вспоминал с того дня, когда они к нам приезжали и я показывал им рощу.

— У тебя и поводов не было вспоминать. Я об этом помалкивала, да и других дел у всех было выше крыши. Он ведь далеко не вчера начал ко мне цепляться. Как ты знаешь, я не особо любила торчать у Вивьен на этих ее уроках. Сматывалась оттуда при первой возможности и бродила где придется. Иногда сидела под каким-нибудь деревом, иногда следила за птицами. Просто так,

чтобы чем-то себя занять. Меня никогда не тянуло к тому, что нравится вам с Вивьен. Книжки и всякие учености. Потому я и уходила. И тогда-то начала пересекаться с этими двумя, Томом и Чарли. Вышло так, что они охотились со своими собаками, которые привели их к лисьей норе, а я как раз залегла неподалеку, надеясь увидеть лисят. Я еще раньше заприметила эту нору и добытчика-лиса — их папу, стало быть, — который мотался за едой для семейства. Приходила туда несколько дней подряд, дожидалась, когда покажется весь выводок. И вдруг слышу собачий лай, все ближе ко мне. Я подумала, что, если собаки найдут нору, они могут выгнать лисиц под выстрелы. Но их сбил мой запах, и они подбежали ко мне. Я вскочила с травы и увидела Тома, который целился в меня из ружья. Думала, сейчас пальнет. Может, он и хотел, чтобы я так подумала. А собаки вертелись вокруг меня, тявкали и нюхали, как будто это мой запах привел их сюда. Том опустил ружье, и они оба подошли ко мне. Сказали, хотят просто поболтать. Ладно, я капризничать не стала, отвечала на их дурацкие вопросы, смеялась их тупым шуткам. А когда сказала, что мне пора домой, они не пытались меня задержать. Но через несколько дней эти двое снова нашли меня в

лесу. И встречи стали повторяться.

Кэти наклонилась вперед, уперлась подбородком в колени и стала рассеянно перебирать пальцами шнурки на своих ботинках.

— Вот так, — сказала она, — с тех пор это все и тянулось.

— Почему ты не сказала Папе?

— Потому что это касалось только меня. Свои проблемы надо решать самой. Я же не могу бегать к Папе всякий раз, когда случится какая-нибудь неприятность. Пора уже стать самостоятельной.

— Но не в таких случаях.

— Именно что в таких. Этим я тоже вносила свой вклад. У Папы и без того было забот невпроворот. Они с Юартом и прочими занимались более важными вещами. Прайсы наседали на нас со всех сторон, и это была моя часть общей борьбы. И потом, Папа ведь не всегда будет рядом. А даже если и будет, это все-таки моя жизнь и мое тело, и мне тошно думать, что всякий раз при выходе в большой мир я буду бояться всего вокруг. Потому что, Дэнни, так оно и происходит. А я не хочу быть такой. Я не хочу бояться. Но все время думаю о Джессике Харман, которую утопили в канале, и о других женщинах из новостей в телевизоре и газетах — голых, в грязи

и крови, посиневших, изувеченных, — которых находят в лесах, находят в канавах или не находят никогда. Порой меня прямо заклинивает на таких мыслях. А иногда — на мыслях о том, что я могу стать одной из них. Я взрослею, и скоро мое тело станет похожим на их тела. Я не хочу сгинуть в канаве. Я не хочу этого так же сильно, как ты не хочешь быть кулачным бойцом, вроде Папы, или работягой на ферме, сортирующим картошку до тех пор, покуда твою руку не затянет и не разжует какой-нибудь поганый механизм из грязи, железа и стали. Все мы рано или поздно дорастем до своих гробов, Дэнни. И я увидела, как дорастаю до своего.

Я взял сестру за руку. Пока она рассказывала, свет за окошками вверху померк из-за плывущих парадным строем пепельно-серых туч. Жара стояла уже много дней. Воздух был горячим, влажным и густым, а теперь облачные массы закупоривали эту духоту, как каменная крышка, надвигаемая на саркофаг.

Глава двадцать первая

Мы провели в сарае остаток этого дня, ночь и следующий день, но почти все время спали, свернувшись в один клубок, как гусеница на листе. Нам приносили еду. Хлеб с джемом на завтрак, две разогретые в микроволновке пиццы на ужин. Ничего подобного мы не ели уже много месяцев, со времени школьных ланчей. Я не привык к такому количеству белого хлеба. Мои внутренности ныли. А нервы были натянуты до предела.

Люди, приносившие еду, были нам незнакомы. И всякий раз это был кто-то новый. Они входили, шаркая ногами, ставили поднос и удалялись. Когда открывалась дверь, я смотрел мимо них наружу, но ничего стоящего внимания там не замечал. Каждая картинка была копией предыдущей, разве что еще более унылой и тусклой. Никакого движения на заднем плане, никаких перемен, способных вызвать беспокойство или оживить надежду.

Вечером второго дня к сараю подошли трое мужчин. Лязгнули открываемые засовы, повернулся в замке ключ. Но мужчины остались снаружи.

— Выходите, — сказал тот, что стоял в центре и чуть впереди других.

— Куда мы пойдем? — спросила Кэти.

— Выходите без разговоров. Скоро сама все узнаешь, цыпочка.

Ни я, ни Кэти не сдвинулись с места.

— Вам так и так придется пойти с нами, — сказал все тот же мужчина.

Он пытался выглядеть угрожающе, но чувствовалось, что реальной власти он не имеет. Такие вещи легко угадываются даже при мимолетном контакте. Чуть дрогнувший голос, на мгновение опущенный взгляд, проблеск сочувствия.

— Вы пойдете или по-хорошему, или по-плохому, — сказал он.

— Понятно. Еще бы. Что ж, тогда просто скажите, куда нас поведут, и мы, возможно, пойдем по-хорошему, годится?

Этот тип быстро взглянул влево и вправо в поисках поддержки. Один из его спутников пожал плечами. Другой молча таращился на Кэти.

— Мы отведем вас к мистеру Прайсу.

— Вот оно что, — промолвила Кэти. — Раз такое дело, грех не пойти.

Она поднялась, и я вслед за ней.

— Это будет считаться «по-хорошему»? — спро-

сила она, когда мы перешагнули порог.

Он вполне мог бы отвесить ей подзатыльник, но побоялся — это было заметно. По габаритам она, конечно, не шла с ним ни в какое сравнение, но моя сестра всегда умела себя поставить. Силу можно обрести и через правду: откровенно говоря все, что думаешь. Высказываясь напрямик.

В сопровождении этой троицы мы прошли через сад позади дома. Там было еще немало сарайчиков и флигелей разного назначения: для инвентаря, для обуви, для ружей. Мы петляли между ними, овощными грядками и теплицами. Конвоиры вели нас не к заднему крыльцу, а вокруг дома по узкой гравийной дорожке. Так мы достигли фасада с овальной площадкой перед ступенями, ведущими к помпезной двустворчатой двери. На площадке были припаркованы семь или восемь автомобилей разного типа. Среди них я узнал «лендровер» и «ягуар» Прайса. Там же были грузовые фургоны и пикап с каким-то объемистым грузом в кузове под брезентом.

Рядом с машинами стояли полтора десятка мужчин, держа руки в карманах темных курток. В центре этой группы находился Прайс, который молча смотрел куда-то в пространство за высокой живой изгородью на границе его усадьбы.

Нас подвели к одному из фургонов с раскрытой задней дверью и чадящим двигателем. Черные выхлопы отравляли воздух вокруг. Вонь ударила мне в нос.

Прайс повернул голову к нам, но тут же отвел взгляд. Вид у него был изможденный; лицо как будто окаменело.

Тычками нас загнали в кузов фургона.

— Что происходит? — спросил я. — Куда вы хотите нас везти?

— Обратно к вам, с одной остановкой по пути, — сообщил подручный Прайса.

— Обратно к нам?

— Да. Мы нашли вашего Папу.

Он подмигнул, оскалился в ухмылке и захлопнул дверь фургона, оставив нас в душной темноте.

Кэти, вдруг охваченная паникой, кинулась к двери и замолотила кулаками по стальным створкам.

— Выпустите нас! — кричала она. — Выпустите нас!

Я остался на месте, крепко вцепившись в боковую стойку кузова. Чахоточный движок зачастил, поймал нужный ритм; машина тронулась, затем остановилась и вновь рванула с места. Кэти упа-

ла и скорчилась на полу. Я удержался, но зацепил правым локтем что-то острое. Почувствовал, как намокает в этом месте одежда. Могла быть кровь, а мог быть и пот. В темноте толком не разберешь.

Кэти прокашлялась и восстановила дыхание, а фургон все мчался вперед. Я шире расставил ноги, балансируя на подпрыгивающем и качающемся полу. На здешних разбитых дорогах быстрая езда очень напрягала. Я вроде расслышал собачий лай в отдалении. Это могли быть и наши собаки. Я не видел Джесс и Бекки с тех пор, как они выбежали из дома и умчались вниз по склону. Они часто предпринимали дальние прогулки, но всегда находили дорогу домой.

Мы успели отъехать не очень далеко, когда фургон с содроганием затормозил. Люди что-то кричали и выскакивали из кабин. Хлопали двери. Послышался топот ног по траве, асфальту и гравию.

Кэти подползла к тому месту двери, где светилась тоненькая щель в резиновом уплотнении. Сплющила нос о металл, пристраиваясь глазом к этой щелочке.

— Видишь что-нибудь? — шепотом спросил я.

Она изменила позу, наклонила голову под дру-

гим углом и попробовала еще раз.

— Не могу понять, где мы находимся.

Вновь раздались крики. Слов было не разобрать. Но интонации говорили о многом. В них слышался гнев. И злобное возбуждение.

Кэти отодвинулась от двери и села. Я смутно видел контуры ее фигуры. Разглядеть выражение лица в темноте было невозможно, но я достаточно хорошо ее изучил, чтобы понять, насколько она испугана. Ее ребра вздрагивали при каждом вдохе. Все-таки она была еще очень юной.

— У меня плохое предчувствие, Дэниел. Если у тебя появится шанс удрать, не медли. Беги без оглядки.

— Я тебя не оставлю.

— Как раз об этом я и говорю. Беги, не думая обо мне. За меня не волнуйся, я буду в порядке. Что бы со мной ни сделали, что бы ни случилось. Я буду в порядке. Внутри себя, я хочу сказать. Что бы они там ни вытворяли, я могу внутри себя перенестись в иные места, куда угодно, и оставаться там сколь угодно долго, так что я в любом случае не пропаду. Мы сами творим свое ощущение жизни. Достаточно сказать себе: «Это не проблема», и все — проблемы как не бывало. Так что беги при первой возможности. Пообещай мне.

— Я не дам такого обещания.

— Прошу тебя. О себе одной я смогу позаботиться, это у меня еще как-то выходит. Но мысль о том, что ты попал в беду, для меня куда страшнее любой беды, в какую попаду я. Серьезно. Я ничуть не преувеличиваю. Мысль об этом меня доконает. А если что-то плохое случится со мной… Что ж, я смогу представить это так, будто все происходит не на самом деле. А когда представлю, для меня оно и впрямь станет невсамделишным. Ты понимаешь, о чем я?

Я сказал ей, что не понимаю.

— Ладно, не бери в голову. Просто пообещай, что дашь деру при первой возможности. А я буду чувствовать себя увереннее, буду лучше готова ко всему, зная, что ты сбежал, что ты в безопасности.

Я долго ничего ей не отвечал. Крики и беготня снаружи прекратились. Наступила пугающая тишина. Я подсел к Кэти и взял ее за руку, как делал ранее в сарае.

— Если там, куда нас везут, мы встретим Папу, — сказал я, — все закончится хорошо, я уверен.

Кэти слабо сжала мою ладонь.

— Обещай мне, что сбежишь, — сказала она.

— Обещаю.

Фургон снова набрал скорость, и нас начало швырять из стороны в сторону при попадании колес в колдобины. Затем мы разом скатились в самый конец кузова. Перед машины сильно приподнялся. Мы въезжали на крутой холм. На наш холм. Я понял это сразу — возможно, по знакомым неровностям дороги. А может, уловил какие-то родные запахи.

Машина остановилась, водитель выбрался из кабины и открыл дверь кузова. За время поездки успели сгуститься, а затем и миновать сумерки, и теперь мы смотрели в ночную тьму. При свете луны и звезд я опознал ту же троицу, что сопровождала нас от самого сарая в усадьбе Прайса. Мы с Кэти поднялись на ноги.

Она прошептала:

— Делай, как я скажу. Мы пойдем с ними, притворимся покорными, и они не станут нас держать. А когда я скомандую, беги.

Мы вылезли из фургона.

Конвоиры стояли рядом, но нас пока не трогали.

— Дэниел, — произнесла Кэти громко, тем самым давая мне сигнал к бегству.

Я остался на месте.

— Дэниел, — повторила она.

Мы все направились ко входу в дом.

— Дэниел! — сказала она вновь.

Я продолжал идти следом за ней. Два человека шли по бокам от нас, а третий был впереди, задавая направление.

Мы уже почти достигли крыльца. Роща находилась справа от меня, за ней была гряда холмов с перелесками, а далее тянулись поля.

— Дэниел, беги! — заорала Кэти, раздраженная тем, что я не реагирую на ее команды.

Я даже не дернулся. Конвоир хмыкнул, а потом внезапным движением заломил ей руки за спину под столь жутким углом, что только плечи и локти очень гибкой, тоненькой девушки могли такое выдержать.

Как раз для Кэти это было еще терпимо, хоть и не безболезненно. Она издала стон, однако не вскрикнула.

— Не будь конченой дурой, цыпочка, — сказал державший ее мужчина.

Одновременно меня толчком в спину отправили вперед через проем, в котором ранее стояла наша дверь. Все трое были взрослыми крепкими мужчинами, получавшими деньги за причинение страданий другим людям. И они демонстри-

ровали свою крутизну. Толчок был вполсилы, но и от него у меня перехватило дыхание.

Из прихожей мы прошли в кухню. Под ногами хрустели осколки стекла. Окна были разбиты, шкафы распахнуты, а их содержимое разбросано по полу. Оба стула, которые я с любовью и тщанием сделал своими руками под папиным присмотром, были сломаны. Наспех отрубленные ножки кухонного стола валялись в разных концах комнаты. А столешница — капитальная, из длинных и толстых дубовых досок — исчезла.

Нас тащили чуть ли не волоком. По прибытии сюда они стали действовать гораздо жестче и грубее, чем до этого. Развели нас в стороны и держали крепче некуда. Один из этих типов проделал со мной то же, что его приятель сделал с Кэти: рывком заломил мои костлявые руки, сведя локти за спиной. Я был молод, худ и гибок под стать сестре, но от боли это не спасало. Болели плечи, болели сдавленные ребра и кожа на локтевом сгибе, которую он защемил своими клешнями. Я тихонечко поскуливал.

А вот Кэти, похоже, успела оправиться и дышала все глубже по мере того, как ее тело приспосабливалось к дискомфортной позе.

Меж тем комнату заполняли новые люди. Они

обменивались хлопками по плечам, кивками и отрывистыми фразами. Меня и Кэти оттянули к боковым стенам, при этом не ослабляя хватку.

Внезапно наступила тишина.

В помещение, в нашу кухню, вошел Прайс. Вошел с таким видом, словно это место было его собственностью. Его приемной. Его мастерской. Его кабинетом для деловых встреч. Словно мы были всего лишь пауками, ползущими по стенам. Слизнями на оконном стекле, заглядывающими внутрь.

Его лицо осунулось, щеки ввалились. Зато теперь оно не было таким бесстрастным, как прежде. Лицо человека, чей сын был задушен в лесу пару ночей назад.

Том Прайс, старший из его отпрысков, шел следом за отцом. Смесь ужаса и злорадства прочиталась в его взгляде, когда он увидел мою сестру и меня, скрюченных руками наемников.

Отец и сын прошли в дальний угол комнаты. Мистер Прайс на нас не посмотрел ни разу. Даже мельком. Его взор блуждал поверх нас и поверх голов остальных. Крепко сжатые челюсти должны были изображать хладнокровную решимость.

По обе стороны комнаты людей набилось пол-

но; они сидели на чем попало, теснились в углах и вдоль стен. Однако стена у двери оставалась свободной — и не случайно, судя по тому, что вновь входящие пристраивались где придется, но только не там.

Пауза тянулась. Ее держал Прайс. Само его присутствие вгоняло подчиненных в безмолвный трепет. А он продолжал водить взглядом поверх голов.

Но вот снаружи донесся стон. И тишина сразу стала еще более глубокой. Стон услышали все. За ним последовал краткий мучительный рев. И звук чего-то перемещаемого волоком. И голоса людей, занятых этим перемещением:

— Толкай. Толкай. Я его направляю.

Было трудно разобрать слова, приглушаемые двумя запертыми дверями и шумом ветра снаружи.

— Черт, угол застрял в этой куче.

Ответ другого человека нас не достиг, унесенный резким порывом ветра. Они продолжали тащить неизвестно что. Шаг за шагом. Толкали и тянули. Слышались скрежет и стук. Все глаза нацелились на дверь. Вновь раздался стон. Отчетливый стон и узнаваемый тембр голоса.

И тут я не смог удержаться. Я позвал его.

— Папа! Папа! — закричал я.

— Кто-нибудь, заткните пасть этому мальцу, — буркнул из угла Прайс. Он не повернул головы. Он и губами-то почти не шевелил, подавая команду.

Державший меня гад высвободил одну руку, сжал ее в кулак и сбоку врезал мне в челюсть. Я почувствовал вкус крови и нащупал языком что-то шаткое. Потом он хорошенько меня встряхнул и завернул мои руки так, что я сложился пополам и рухнул на колени.

Я задыхался от боли. Я ворочал языком выбитый коренной зуб. Я булькал кровью. И опять занимался зубом. Меня почему-то особо заинтересовал этот объект у меня во рту, и я исследовал кончиком языка все неровности его верхней части, а также мягкую, развороченную десну под ним.

Дверь медленно отворялась. Вот-вот должен был показаться тот, кто тянул груз, двигаясь спиной вперед.

Я же сконцентрировался на поисках во рту места, из которого текла кровь. Я шевелил языком свой зуб. Я был рад возможности отвлечься от происходящего перед моими глазами.

А человек, тянувший груз, уже был внутри комнаты и пятился дальше. Ему помогали еще трое.

Общими усилиями они волокли широкую доску, в которой я опознал крышку от нашего дубового кухонного стола. Тут же вспомнились его наспех отрубленные и брошенные где попало ножки. Теперь обрубки под столешницей использовались грузчиками для удобства захвата.

Я не переставал мусолить зуб. Поскольку меня держали в согбенном положении, мне приходилось до предела выгибать шею назад, чтобы видеть происходящее вокруг. При этом мои мысли то и дело возвращались к болям в спине, к расквашенным губам, гудящей голове и глотку воды, в котором я сейчас крайне нуждался.

Папа был привязан к столешнице кожаными ремнями и кусками изолированных проводов. Затащив его в комнату, они под углом прислонили столешницу к свободному участку стены рядом с дверью. Папины кулаки и запястья были сплошь покрыты кровью; руки до самых плеч также пестрели кровавыми брызгами. Кровь была и на лице, образовав особенно большие сгустки над бровями. Вся левая сторона его белой безрукавки теперь окрасилась алым. Связанные ноги были босы и также содраны в кровь. И эта кровь смешалась с грязью, пылью, травинками и листьями, перегноем и глиной здешних мест,

так что красное плавно переходило в коричневое и черное.

Во время транспортировки его глаза были закрыты. Но теперь он медленно их открыл и уставился прямо на меня, а потом на Кэти, которая, в свою очередь, не сводила глаз с него. Тем временем доставившие его люди тщательно проверяли, не ослабли ли путы. Прочие молча таращились на его руки, на его ноги и на него в целом или же переглядывались между собой. Никто, кроме меня и моей сестры, не смотрел Папе в глаза, поразительно светлые и яркие, как две звезды на кроваво-красном небосводе.

Он застонал. При каждом вздохе в его легких бурлила жидкость.

Первым заговорил Прайс:

— Сегодня черный день, Джон. Черный день. И поверь, все это не доставляет мне никакого удовольствия. — Он говорил тихо. — Но ты знаешь, что мне нужна справедливость. Правосудие на наш лад. Сделай признание, и мы покончим с этим быстро. Относительно быстро.

Папа ничего не ответил. Неизвестно, мог ли он говорить вообще. Взгляд его перемещался с Прайса на меня, потом на мою сестру, потом опять на Прайса.

— Как видишь, я доставил сюда твоих детей. Им придется очень несладко, и ты все это увидишь, — сказал Прайс.

Папа по-прежнему молчал.

Прайс кивнул здоровяку, удерживавшему Кэти. Та пыталась сопротивляться, но он быстро свалил ее на пол, придавил коленом, достал нож и начал срезать с нее одежду. Материя пронзительно трещала, когда он рвал ее по надрезам. У него не было цели поранить Кэти, но, поскольку она не переставала бороться, лезвие раз за разом вместе с одеждой задевало и кожу. Теперь Кэти тоже была окровавлена.

При всем том она не кричала. Рот ее оставался плотно закрытым. А глаза были широко распахнуты.

Нагое тело — это всего лишь нагое тело. Стыд заключен в его созерцании. А поскольку я не испытывал стыда, глядя на нее, она могла без стыда быть нагой при мне, и попытка унизить ее таким образом теряла смысл. Что ей было до того, как смотрят на нее чужаки, все эти ничего не значащие мужчины?

Одежда была разрезана и сорвана, и тело полностью обнажилось. Я смотрел на нее, вкладывая в этот взгляд всю энергию, какую мог в себе най-

ти. Встретившись с ней глазами, я изо всех сил старался передать ей… Передать что? Скажем, послание. Что она не одинока. Что все эти вещи плохи лишь настолько, насколько мы сами считаем их таковыми, и что ей надо лишь правильно настроить свое воображение. Но по ее глазам я понял, что она и без моей поддержки уже перенеслась в иные места. Не суть важно, в какие именно. На нее словно бы опустился тонкий, но прочный покров благостного безучастия. Это делало ее неуязвимой.

Так она стояла обнаженной перед всеми. Здоровяк по-прежнему крепко держал ее своими лапами, но сам он был еле видим, затмеваемый ее сиянием. Порезы на почти прозрачной коже не казались чем-то существенным.

Папа закашлял. Кровавый ручеек стекал изо рта на густую черную бороду. «Долго придется ее отмывать», — сказал я себе и представил, сколько возни будет у нас с Кэти, когда все это закончится и мы займемся мытьем спутанной папиной бороды и его свалявшихся грязных волос.

— Прошу, прекрати, — прошептал Папа, обращаясь к Прайсу.

Прайс впился в него взглядом.

— Признавайся, — сказал он.

Папа открыл рот, собираясь что-то добавить. Дыхание изо рта еще вылетало, но оно было слишком слабым, чтобы напрячь голосовые связки. Он вдохнул, попытался снова, но воздух увяз в его булькающих легких.

— Мистер Прайс, — сказала Кэти. Ее голос был непривычно мягким, но в то же время отчетливым и выверенным, как взмах топора при колке дров. — Это я убила вашего сына, мистер Прайс.

Много глаз в этой комнате смотрели на нее минутой ранее. Многие продолжали смотреть и сейчас. Но характер этих взглядов изменился настолько, что их нельзя было даже сравнивать с предыдущими.

Прайс повернулся к ней.

— Я убила вашего сына, мистер Прайс, — повторила она.

Он улыбнулся. Другие последовали его примеру.

— Ты хочешь сказать, что тоже причастна к этому? Заманила его в укромное место, где твой отец мог без помех его убить и ограбить, да?

Кэти качнула головой.

— Нет, — сказала она, — я сделала это сама. Папы там не было. Он об этом ничего не знал. Я была одна. Я схватила его за горло и начала

душить. Я душила и душила, он трепыхался подо мной, а я все душила, и он ничего не мог сделать. Я не разжимала руки, и он постепенно слабел, его лицо синело, а потом он перестал дышать, однако я — на всякий случай — еще долго продолжала душить, пока не онемели пальцы. Только тогда я его отпустила. И я не брала его вещи, кстати говоря.

Прайс был потрясен. У него даже челюсть отвисла от изумления, хотя он ей и не поверил.

— Прекрати! — сказал он. — Как ты смеешь! Как ты смеешь лгать мне, маленькая сучка! Как ты смеешь!

— Я не лгу. Зачем мне лгать? Зачем мне лгать сейчас, когда мы все трое у вас в плену? Зачем мне лгать, если я знаю, что вы наверняка прикончите того, кто виновен в смерти вашего сына? И все же я повторяю: это я его убила. Я задушила его вот этими маленькими руками. И ничуть о том не жалею. Я могла бы сделать это снова.

Том Прайс, старший из двух братьев, до той поры стоял, прислонившись к стене. Теперь он шагнул вперед:

— Но как тебе это удалось? Тебе, соплячке?

— Она этого не делала, — прервал его мистер Прайс. — Конечно же не делала. Она нас дурачит.

Вся их семейка такая.

— Я убила Чарли Прайса! — крикнула Кэти. — Я убила Чарли Прайса!

На сей раз вперед выступил сам отец Чарли Прайса. Он высоко и далеко, аж за левое ухо, занес правую руку и с этого замаха влепил моей сестре смачную, громкую пощечину.

Голая девчонка зажмурилась лишь в самый момент удара и тут же вновь открыла глаза как ни в чем не бывало: мотнула головой, сморгнула, только и всего.

— Я убила Чарли Прайса, — повторила Кэти.

— Уберите ее отсюда, — сказал Прайс, обращаясь ко всей комнате, ко всем мужчинам, которые только что услышали признание моей сестры и наверняка пришли к собственным заключениям насчет ее правдивости.

После секундной паузы один из них отделился от общей массы. Он вытянул руку в перчатке и погладил шею Кэти.

— Я ее угомоню, — произнес он тусклым, невыразительным голосом.

— Вот и славно, — сказал Прайс. — Уведи ее в соседнюю комнату и там делай с ней что хочешь. Именно так: делай все, что хочешь. Попользуйся ею в свое удовольствие.

Человек в перчатках забрал Кэти из лап здоровяка и закинул ее себе на плечо. Кэти не сопротивлялась. Он вынес ее из кухни в коридор, а оттуда прошел в спальню. Я угадывал его перемещения по звуку шагов. Я слышал, как открылась и потом закрылась дверь спальни. В следующие несколько минут я напрягал слух, но никакого шума с той стороны не доносилось.

Между тем чья-то рука взяла меня за подбородок и потянула вверх. Это был Прайс. Хватка на моих локтях ослабла, и я смог распрямиться.

— А ты, малец, какую роль играл в этом деле? — спросил он. — Мужчина, девчонка и мальчонка. Твой отец, твоя сестра и ты. Сестра призналась, что вы действовали в сговоре. А что скажешь ты?

— Кэти не признавалась в сговоре, — сказал я. — Она рассказала, что сделала с вашим сыном, и она сделала это в одиночку.

— Ну да. Только я не поверил ей ни на миг. Девчонка вроде нее? Одна? Быть такого не может. Не держите меня за болвана.

Я промолчал.

— Интересно, — продолжил Прайс, вдруг смягчая тон. — Интересно, в кого ты пойдешь с возрастом: в мать или в отца? Я имею в виду

характер. Уже сейчас понятно, что сложением ты пошел в свою мать. Но чей путь по жизни ты выберешь? Хочешь закончить, как он?

Прайс кивком указал на Папу, глаза которого теперь были закрыты, а дыхание стало тише.

— Или закончишь, как твоя мать?

Я поднял голову. Заметил складки на его тронутой загаром коже и более бледные места на веках. Белые пряди в шевелюре голубино-сизого цвета. Сухие губы. Овальные ноздри, расширявшиеся в момент вдоха. Плосковатый лоб.

Возможно, он ждал от меня вопроса. Ждал, что я стану выспрашивать у него всю правду о маме. Не то чтобы я не хотел этого знать. Я как раз хотел. Все эти годы я хотел узнать о ней как можно больше. Я давно собирался расспросить об это Папу — как-нибудь при случае, в другой день, совсем непохожий на этот, в один из множества дней, когда мы сидели на нашей кухне до того, как здесь появились эти люди, в любой из дней последнего года, когда мы проводили здесь долгие часы, предоставленные сами себе. Нам так много нужно было обсудить, а мы говорили так мало. Молчание было нашим главным способом общения, и я твердо усвоил это правило.

Так что я привык молчать, и молчание стало

преградой для моего любопытства. В прежние времена мама уходила и приходила. Вплоть до последнего раза, когда она просто ушла. И больше не пришла.

Помнится, будучи еще совсем маленьким, я сидел у нее на руках, когда она раскачивалась на качелях в парке за домом Бабули Морли. Цепи и сиденье там были из ржавого железа. Они скрипели, когда мама давила на них нашим общим весом, а при раскачивании сверху летели куски ржавчины. И падали на резиновую подстилку. Я крепко держался за маму. Я цеплялся за нее что есть силы. А она столь же крепко, до побеления костяшек, держалась за те самые цепи, и потом на ее ладонях оставались красно-коричневые следы, как будто металл был специально обработан особым составом, чтобы окрасить ее слишком белую кожу в цвет текущей по жилам крови.

— Она всегда была угрюмой девчонкой, — сказал Прайс. — Вечно не в настроении. Как ни взглянешь на нее: лоб нахмурен, углы рта опущены. Одному Богу ведомо, чем она была так недовольна. Милое личико, этого не отнимешь, да только она никогда не пыталась извлечь пользу из своей внешности. А ведь я старался сделать для нее все, что было в моих силах. Я мог бы на ней

жениться, если бы мать моих сыновей скончалась раньше. Я сделал ей хорошее предложение. Но она избрала другой путь. Она растрачивала свою жизнь по пустякам. Водила знакомство со всякими проходимцами. Пропадала на каких-то дурных гулянках. А ее ферма и унаследованная земля — все было заброшено. Если есть что-то, что я искренне ненавижу, Дэниел, так это бросовое отношение к вещам. К земле в особенности. Когда хорошую землю превращают в пустошь. Мне больно это видеть.

Прайс отвернулся от меня и подошел к кухонному шкафу.

— Так что к тому времени, когда я все же взял ее под свою опеку, мои условия существенно изменились. Иначе и быть не могло. Она уже себя опозорила. Но я, по крайней мере, предоставил ей крышу над головой! А в ответ никакой благодарности. Да и надолго она не задержалась. Твой отец — если он действительно твой отец — в ту пору работал на меня, собирал платежи, побеждал в поединках, которые я для него устраивал. И эти двое сбежали, представь себе. Улизнули вместе с кучей моих денег, драгоценностями моей жены и парой винтажных охотничьих ружей.

Согнув крючком толстый большой палец, он

подцепил им и потянул бронзовую ручку-кольцо выдвижного ящика. В свое время я лично занимался подгонкой этого ящика к направляющим, но так и не довел дело до ума. Ящик вечно застревал.

— Бог знает что с ней сталось. Твой отец также не смог удержать ее надолго. Как я уже говорил, в ней всегда была эта неприкаянная грусть. Эта необъяснимая, беспричинная тоска. Если бы мне сказали, что она загнулась от передоза в какой-то темной аллее или в чепелтаунском борделе, я бы ни капельки не удивился.

В этом ящике Папа хранил свои ножи. Каждым воскресным вечером он поочередно доставал их оттуда, точил оселком и так же в строгом порядке возвращал на место.

Прайс выбрал не самый большой из них — длинный, тонкий, слегка изогнутый филейный нож. Вместо этого он взял нож для чистки овощей с рукояткой из ореха, острым кончиком и довольно толстым лезвием не длиннее моего безымянного пальца.

И с этим ножом он подступил к Папе. Настолько близко, что они могли обмениваться дыханием. Воздух входил в папины легкие чистым, а покидал их с кровавой дымкой, которую вдыхал Прайс

и возвращал на выдохе уже без крови.

Прайс поднял нож и приставил острие к папиному плечу. Надавил. Нож проткнул кожу и вонзился глубже. Прайс продолжил давить, пока лезвие не уперлось в кость, — как будто свежевал оленя. Хлынула кровь. Темно-красная, как старое бургундское вино, она истекала из более глубоких и обильных сосудов, чем ярко-алая кровь, ранее окрасившая его кожу и белую майку. Кровь струилась по груди и по руке, затекала под мышку.

Папино дыхание по-прежнему не цеплялось за голосовые связки. Он не мог издать даже стон. Он вздохнул, уставился в потолок, и на лице вдруг появилось умиротворенное выражение, словно взгляд его проникал сквозь перекрытия и далее ввысь, вплоть до облаков, вплоть до звезд. Не знаю, верил ли Папа в рай и ад. Не помню, чтобы я его об этом спрашивал. А если даже и спрашивал, то позабыл ответ.

Прайс выдернул нож из раны. Красный ручеек побежал быстрее.

— Кровопускание на убой, — сказал Прайс, обращаясь к одному из стоявших поблизости мужчин.

— Это затянется, — ответил тот, — уж больно он здоровый. Надо бы еще резануть для верности.

— Я знаю, что это затянется. И сделаю остальное так, как сочту нужным, и тогда, когда сочту нужным. А пока этого достаточно.

Похоже, Прайса разозлил непрошеный совет, и он захотел показать, что не хуже любого из присутствующих разбирается в строении человеческого тела и в способах медленного умерщвления.

Я смотрел на Папу точно так же, как перед тем смотрел на Кэти.

Возможно, он возвращался в дом, чтобы забрать нас, и угодил в засаду. Я подумал о том, что говорила Вивьен. И о том, что сообщил нам Юарт.

Из соседней комнаты не доносилось ни звука. Это была пугающая тишина. Я мысленно обругал себя за трусость.

Все ждали. Прайс облокотился о кухонную стойку и наблюдал за Папой, которому было все труднее держать веки поднятыми.

Затем Прайс подошел к нему снова и полоснул лезвием по более мягким тканям чуть ниже коленной чашечки. Сначала на левой, затем на правой ноге. Длинные кровавые носки. Прайс вернулся к стойке.

Глаза Тома теперь были широко раскрыты. Казалось, он утратил способность моргать. Лицо его

как будто усохло, черты заострились и застыли. Если глаза его были открыты, то челюсти оставались крепко сжатыми. Губы побелели: тонкий верхний слой кожи на них высох и растрескался за то время, что он простоял здесь без движения. Думаю, при попытке улыбнуться мертвая кожа на губах сразу бы лопнула. А если бы он облизнул губы, эта кожица превратилась бы в бесцветную вязкую пасту.

Кровь стекала на пол у папиных ног.

Дверь кухни шумно распахнулась.

Моя сестра отбрасывала длинную, мрачную тень. Тяжелую тень цвета древесного угля, какая бывает лишь в свете открытого пламени. Эта тень колебалась и подрагивала. А источник света находился в ее левой руке, поначалу скрытой за дверным косяком. Затем Кэти выставила на обозрение факел — тряпку, смоченную керосином и намотанную на конец стойки, которую она выдернула из пазов в каркасе кровати. На запястье той же руки покачивалось жестяное ведерко с проволочной ручкой. Оно было наполнено керосином и находилось в опасной, двухфутовой близости от пламени факела.

А в правой руке она держала двустволку, локтем прижав ее приклад к своему боку и положив

два тонких пальца на спусковые крючки.

При этом обе ее руки были густо испачканы кровью. Чужой кровью. Самыми красными были кончики пальцев, а выше по предплечьям цвет становился все светлее.

Похоже было на то, что она голыми руками выпотрошила того типа, который унес ее в спальню.

И я тотчас представил себе его лежащим на постели с большой, грубо развороченной кровавой дырой в груди.

Но как именно она это проделала, я представить себе не смог.

Кэти шагнула через порог. Она все так же была голышом. Слишком спешила найти керосин, ведерко и дробовик, не отвлекаясь на то, чтобы накинуть на себя какую-нибудь одежду.

И она вся блестела. Она полила керосином свою кожу, лицо, голову и свои густые черные волосы, теперь ставшие гладкими и прилизанными.

Руки державшего меня человека разжались. Он попятился, как паук, внезапно застигнутый ярким светом. Я воспользовался этим шансом и в два прыжка переметнулся на другую сторону комнаты, подальше от Прайса, его последнего живого сына и его наемников. Занял позицию

между Папой — окровавленным, привязанным к дубовой доске, и Кэти, чья спина была такой же прямой, как пара стволов, нацеленных в грудь Прайса.

Теперь вся сцена изменилась — изменились ее темп, атмосфера, освещение. Мерцающее пламя сделало цвета более насыщенными. Красное стало багровым, синее — почти черным. Белизна приобрела оранжеватый оттенок. На лицах людей, в смятении подавшихся назад, появились новые тени, похожие на пятна сажи или синяки. По полу пошла световая рябь, местами матовая, местами атласно блестящая, как в многократно замерзавшем, подтаивавшем и замерзавшем вновь слое темного льда.

— Пусть один из вас развяжет моего отца, — негромко сказала Кэти.

Молчание. Никто не сдвинулся с места.

— Да она без понятия, как пользоваться такими штуковинами, — сказал коренастый лысый мужчина, до того не произнесший ни слова.

Кэти выстрелила в него.

На таком небольшом расстоянии картечь не успела рассеяться. Весь заряд насквозь прошил его желудок и впился в дверцу шкафа позади. Лысый упал на пол и забился в предсмертных

конвульсиях.

Рука у нее не дрогнула. Другого я и не ожидал.

Том обмочился — по его джинсам в паху расплывалось темное пятно. Один из мужчин дергал ручку задней двери. Дверь была заперта. Кэти выстрелила, и он также скорчился на полу.

— Стойте! — крикнул Прайс. — Тони, делай, как она сказала.

Долговязый полуголый Тони был покрыт выцветшими татуировками по всей длине его туловища. Он взял нож из руки босса и начал перерезать стягивавшие Папу путы — сначала на лодыжках, потом на кистях. Дело продвигалось медленно. Узлы были затянуты туго, а ремни и куски проводов оказались прочными.

Наконец освобожденный, Папа свалился со вздыбленной стоймя столешницы вбок и осел на пол, скользя спиной по стене, на которой остался кровавый след. Кровь впиталась и в штукатурку. Тони вернулся к своему боссу и встал с ним рядом.

— Он уже мертвец, Кэти, — сказал Прайс. — Он истечет кровью. Ему ничем не помочь.

— Я это понимаю.

Пламя факела теперь горело ниже, приблизившись к ведерку с керосином.

Толпа все больше нервничала. Люди сдвигались туда-сюда, пританцовывали на месте, готовые пуститься наутек, но не могли определиться с направлением; да и не было для них никакого спасительного направления.

Не отрывая взгляда от Прайса, Кэти обратилась ко мне — тихо, так чтобы услышал я один:

— Тебе пора бежать.

Я взглянул на Папу. Он быстро угасал, теряя последние проблески сознания.

Позади моей сестры была открытая дверь кухни, а дальше, всего в нескольких шагах, пустой проем на месте выломанной входной двери.

Я вспомнил, что она говорила мне ранее этим вечером. Вспомнил данное ей обещание.

Одним широким движением Кэти подбросила факел и ведерко в воздух, и они по дуге полетели в сторону Прайса.

Когда огонь и керосин соединились на вершине этой траектории, я проскользнул в дверь и выбежал из дома на прохладный ночной воздух. Позади меня вспыхнул пожар. Я его слышал и чувствовал. Я видел его отблески на влажной траве перед собой.

Я бежал. Я бежал и бежал. Я бежал сквозь ночь, не обращая внимания ни на что вокруг. Ни на

лужи, хлюпавшие под ногами, ни на темные грозовые тучи в небе, ни на жесткие дождевые капли, которые секли мое лицо и стекали с него на одежду.

Я бежал со всей возможной скоростью — так быстро, как еще не бегал прежде; бежал по хорошо знакомой местности, которую в те минуты не узнавал. Я бежал, наверно, несколько часов. Бежал, пока не рухнул на землю.

Глава двадцать вторая

Над водой стелился дым. Тени походили на острые длинные зубы, а пятна света змеились полосками меж деревьев, среди стволов и кривых переплетенных ветвей. Свет превращал листву в пергамент. Он превращал в пыль утреннюю росу. Поверхность воды сияла ярче неба над моей головой, подсвечивая снизу плывущий дым, как яркая полная луна светит сквозь легкие облачка.

Язык еле ворочался в густой жиже. После каждой набегавшей волны мне в рот попадала вода, которая затем утекала, а принесенный ею ил оставался и подсыхал в ротовой полости. Мелкие волны плескались у моей левой щеки, вода заливала ноздри и проникала в горло. Я сглатывал жидкую грязь с металлическим привкусом крови.

У пожара было много составляющих. Там были газ, яркий свет и летящие искры, там были огненные всполохи, пульсация и воздушная тяга. Пожар поглощал сырой воздух и сухое дерево; он на время вырвал небольшую часть пространства из-под власти прохладной тьмы. Я бежал долго. Я добежал до этого места и остановился. Я

склонился над водой — мне годилась любая вода, какую смогу найти. Я зачерпывал ее горстями и, трясясь, подносил ко рту, потом прилег передохнуть на берегу — лишь чуточку передохнуть — и, видимо, уснул, а когда проснулся, не сразу понял, где нахожусь.

Я все еще чувствовал запах пожара, хотя был уже далеко от него. На стенках горла осела смолистая гарь от сожженных стропил, перекрытий и ясеневых половиц. И вся эта картина — языки пламени, закручиваясь и раздваиваясь, лижут знакомые фигуры — также засела в голове, глубоко в сознании. Как и звуки, это сопровождавшие: шипение, треск и грохот, когда проседали и рушились балки. Мой череп буквально раскалывался от этих воспоминаний.

Дым над водой оказался не настоящим дымом, а утренним туманом, который парил над теплой поверхностью пруда. От этого пруда до нашей рощи было миль пять, а то и меньше, если считать по прямой через поля, живые изгороди и канавы. Вероятно, именно этим путем я сюда и прибыл. Я двигался прямо, как поезд по рельсам. Я не отклонялся ни в какую сторону, хотя ровным это движение, конечно же, назвать было нельзя: мне приходилось перепрыгивать препятствия, брести

по заболоченным участкам, где каждую осень скапливалась зловонная, перегнивающая органика. Возможно, темнота усугублялась дымкой, а может, это затуманилось мое сознание, сводя реальные плотные объекты к неясным контурам, но все казалось мне незнакомым, хотя по этим тропам я гулял неоднократно. Правда, ночью местность выглядит иначе, и каждый человек воспринимает окружающий мир на свой лад, а я в ту ночь стал другим человеком и потому шел по этой земле и видел все вокруг по-новому.

Должно быть, я снова заснул: мои глаза были закрыты. И за время сна я нисколько не изменил позу — даже полностью взошедшее солнце не смогло меня пробудить. Я спал до тех пор, пока мои щеки не увлажнило нечто помимо воды из пруда. Нечто мокрое и шершавое скользнуло по лбу, коснулось век. К остаточным запахам пожара добавился новый. Запах мускуса. И губы. Это были губы. Шершавые, мясистые, довольно жесткие, но при этом не грубые и по-своему даже ласковые. Когда эти губы начали мусолить мои волосы, я почувствовал также прикосновение зубов. А чуть погодя язык — длинный и липкий — прошелся по моей шее и обхватил нижнюю челюсть.

Я открыл глаза. И увидел лошадиную морду. Два больших — размером с бильярдные шары — карих глаза вращались в орбитах, осматривая то мое лицо, то мир вокруг, то вновь мое лицо. Лошадь фыркнула и встряхнула темной челкой. Солнце еще не очень высоко поднялось над горизонтом, и гнедая лошадиная голова покачивалась на его фоне, время от времени становясь черным силуэтом в сияющем ореоле, — последний сменял обычную шелковистую гриву.

— Кто ты?

Этот вопрос был обращен к лошади. В моем полудремотном состоянии он вовсе не казался праздным.

Лошадь продолжила ворошить мои волосы. А сверху прозвучал голос наездницы:

— Это Вивьен, Дэниел. Это я, Вивьен.

Если бы чувство облегчения было хоть как-то совместимо с предельным ужасом, что заполняет тебя целиком и не находит выхода, как в запечатанном сосуде, то я наверняка испытал бы облегчение. Но в тот момент появление дружески настроенного человека почему-то лишь спровоцировало новый всплеск паники. Спешиваться Вивьен, похоже, не собиралась.

— Был пожар, — сказала она.

— Да.

— Горел ваш дом.

— Да. Я был там. И убежал.

— Я надеялась…

— Как вы меня нашли?

— Пришлось два часа провести в седле, — ответила она. — Ты выглядишь больным.

— Я здоров, — сказал я.

Вивьен шевельнула поводья затянутыми в перчатки руками. Перебирая копытами, лошадь стала ко мне боком, и Вивьен повернулась в седле, глядя на меня сверху вниз. Я уперся ладонями в грязь, приподнялся и затем встал во весь рост.

— Вы нашли еще кого-нибудь? — спросил я, хотя и был уверен, что никто, кроме меня, при пожаре не спасся.

— Я видела фигуру.

— Кого?

— Я заметила огонь на холме прошлой ночью, его было видно из моих окон. Сперва я приняла его за новый костер и удивилась, что меня никто не позвал на собрание. Но потом поняла, что пламя чересчур велико. Чересчур для любого, даже самого большого костра. Тогда я надела пальто и пошла по дороге. С той стороны дул ветер вместе с дымом. Прямо мне в лицо. На какое-то время

пламя исчезло из виду — все затянул густой дым. Но потом я подобралась ближе, насколько могла терпеть этот жар, и увидела ваш дом. Он был весь в огне. И я увидела тебя — то есть я сразу подумала о тебе, заметив кого-то бегущего прочь по склону холма, бегущего во весь дух. Я бы последовала за тобой, но в ту минуту просто не смогла себя заставить. Стояла там и смотрела на пламя, смотрела на то, как рушится дом. Мне показалось, что внутри мелькают люди, но в этом я не уверена. Со зрением было неладно, — должно быть, дым разъел глаза. Я не знаю. Не знаю, как такое возможно. А когда пламя почти угасло, уже долгое время спустя, мне привиделась фигура, возникающая из пожара. Я понимаю, что этого быть не могло. Но перед моими глазами вдруг появилась тонкая фигура. Дело было уже на рассвете.

— Кто?

— Не имею понятия, — сказала она. — Я вообще не уверена, что это происходило в действительности.

— Это была моя сестра?

— Сказала же, не знаю. Я не знаю, что там увидела. Просто какой-то образ, а сейчас это лишь воспоминание о том образе.

— Но это могло быть и на самом деле.

— Не исключено. — Она внимательно смотрела на меня со своей высоты, но я не решался ответить на этот взгляд.

— Сам не пойму, почему я удрал.

— Тебе ничего не оставалось, кроме бегства.

— Но я их там бросил.

— Тебе больше ничего не оставалось, Дэниел.

— Перед тем Кэти велела мне бежать.

— И она была права.

Мне казалось, что пруд ритмично покачивается из стороны в сторону. Чтобы выйти из этого ритма, я вгляделся в умирающий ясень на противоположном берегу. Он стал уже слишком сухим и хрупким, чтобы сгибаться под ветром.

Помолчав, она сказала:

— Ты можешь перебраться ко мне.

На сей раз я поднял глаза на Вивьен. С ее стороны это был широкий жест.

— Спасибо, но у меня есть своя семья.

С минуту мы простояли неподвижно, все трое: Вивьен, ее лошадь и малахольный парнишка пятнадцати лет.

— В какую сторону она пошла?

— Дэниел, я не знаю. Та фигура, реальная или нет, вроде направилась к железной дороге. Вскоре после того я бегом вернулась домой, оседлала

Дейзи и начала искать тебя. За подлинность того, что видела, ручаться не могу.

— Значит, к железной дороге?

— Вроде бы.

— А потом куда?

— Этого я не заметила.

Я кивнул. Огляделся, проверяя, не оставил ли я что-нибудь на земле. Там ничего не было, только небольшое углубление в том месте, где я спал. Я ничего не принес с собой. Мне нечего было отсюда уносить. Непонятно, с какой стати я вдруг начал затирать ботинком свои отпечатки на песке. Я не оставлю следов, никаких следов. Ни один охотник меня не выследит.

— Ну, тогда я пойду, — сказал я, обращаясь к Вивьен и отчасти к Дейзи.

Дейзи моргнула длиннющими ресницами. Вивьен взволнованно вздохнула:

— Не забудь о моем предложении, Дэниел.

Я пошел прочь от водоема, прочь от этой женщины и ее лошади, следуя примерно тем же путем, каким прибыл сюда прошлой ночью.

Нечего и говорить, что мысль о возвращении к нашему дому на холме вгоняла меня в дрожь. Я смотрел вниз на свои ноги — на то, как они делают шаг за шагом. Как они сгибаются в коленях,

как шлепают ступнями по земле, как отталкиваются носками.

Я не оглядывался, хотя пару раз до меня донесся топот гарцующей на месте лошади: Вивьен все еще была там и смотрела мне в спину.

Примерно через полмили я добрался до деревянного мостика через канаву — всего-то четыре доски, скрепленные ржавыми скобами. После ливня канава была заполнена водой. В этих краях наводнения случались регулярно. Во время зимних оттепелей и после летних гроз бурные потоки устремлялись с холмов на равнину.

Только тут я вспомнил, что ночью был сильный дождь. Он продолжался все время, пока я шел, но я его почти не замечал. А между тем ливень был изрядный. И теперь мне вспомнились тугие, хлесткие струи, низвергавшиеся с небес, когда я перемещался по открытой местности. Летний потоп. Я бежал под дождем и потом уснул под дождем. Моя одежда все еще была мокрой. И уровень воды в пруду сильно поднялся. Настолько сильно, что утром волны начали подбираться к моему лицу, хотя лежал я довольно высоко на береговом откосе.

Я прибавил шагу. Потом перешел на бег. Вся местность была пропитана сыростью.

Та фигура, которую видела Вивьен. Это могла быть только Кэти, неким чудесным образом спасшаяся из огня и направившаяся к единственному ориентиру, какой смогла распознать в этой дымовой завесе, — к железной дороге.

Я бежал и бежал. Над холмом клубилось облако из смеси дыма, летящего пепла и густого пара. Оно заполняло собой пустоту, образовавшуюся на месте нашего дома. И я даже был этому рад, поскольку облако хотя бы на первое время скрыло от меня отсутствие того, что в течение одного счастливого года служило нам жилищем.

Подойдя ближе, я разглядел горелые остатки перекрытий и стропил среди голых зачерненных камней. Я разглядел тлеющие головешки повсюду вокруг дома, вплоть до опаленных деревьев на краю рощи. В жизни не видел такого количества углей в одном месте. Это была чернота нового для меня типа: сгустившаяся, уплотненная, непроницаемая.

Я двинулся дальше. У меня не было желания детально обследовать пожарище: даже думать не хотелось о том, что я могу там найти. Кроме того, я спешил к железной дороге — в ту сторону, куда могла уйти моя сестра. Когда я проходил мимо сгоревшего дома, мимо испепеленного курятни-

ка, мимо покрытых сажей овощных грядок, мимо ясеневой рощи, меня нещадно жалили искры — болезненное напоминание о том гибельном огненном аде. Они вились надо мной, как чайки над траулером во время лова. Для них это было последней попыткой, последним шансом отведать живой плоти, устроить прощальный ужин, прежде чем, как другие до них, угаснуть на сырой земле. Я шел вперед сквозь этот хоровод искр.

Наконец я добрался до железной дороги. Два пути. Четыре стальные полосы, прямые, как струи дождя, тянулись с севера на юг. Связующая нить между магнитными полюсами. Деревянные шпалы потемнели от влаги. Щебеночный балласт выглядел гладким и лоснящимся. Я вскарабкался на насыпь по скользкой траве и остановился над дренажной трубой. Посмотрел влево, посмотрел вправо. Нигде никого не увидел. Но если Кэти вправду выбралась из горящего дома и дошла до железной дороги, ей не было резона задерживаться здесь. К этому времени она уже могла уйти очень далеко. Я посмотрел влево и посмотрел вправо. На север, в Эдинбург, или на юг, в Лондон? Я сделал выбор и отправился в путь.

VI

Он катит прочь на своей дребезжащей колымаге, и я перестаю о нем думать. Теперь я поглощен ожиданием.

Я жду на вокзале. Не в самом здании, а у сплетения рельсов, по которым в этот город со всех направлений стекаются пассажиры и грузы. Я наблюдаю за приезжими и отъезжающими. Тут есть и другие люди, вроде меня, которые так же подолгу сидят близ путей, ночуют в кустах или всяких привокзальных строениях. Я развожу костерки и готовлю еду из того, что удается найти или поймать.

Но я знаю, что нахожусь тут лишь временно. Я нахожусь в ожидании.

Временами я покидаю свой наблюдательный пост и брожу по городу. Здания здесь построены из более темного камня, чем в наших краях. Карьер, где брали этот камень, был вырублен в иных скальных породах. Прежде я не знал, что города могут так сильно отличаться друг от друга. В моих городских воспоминаниях сохранились только белый известняк и красный кирпич. За-

мечая в отдалении высоких женщин с темными волосами, иду следом, догоняю и заглядываю им в лицо, всякий раз убеждаясь, что обознался. Так проходит мое время.

Некоторые из людей у железной дороги заводят со мной разговоры, задают вопросы. Любознательность незнакомцев.

Мелкие мошки вьются среди слепней, вьющихся среди жуков. И весь этот рой вращается вокруг незримого центра, как электроны вокруг ядра. Пчела-одиночка курсирует ниже и прерывает свое странствие, чтобы исчезнуть в высокой траве. Бледные мотыльки кажутся подвешенными в мареве; их крылья озаряются светом, тускнеют и озаряются вновь при каждом взмахе, в попытке предотвратить неизбежное нисхождение.

Благодарности

Благодарю сотрудников литературного агентства «Артеллус», прежде всего Лесли Гарднер и Деррила Самаравиру. Спасибо Бекки Уэлш за ее терпение, дотошность и готовность рискнуть и за то, что разглядела потенциал в моей черновой рукописи. Спасибо всем остальным людям в издательстве «Джон Мюррей», включая Тома Даксбери и особенно Яссина Белкасеми за тот энтузиазм, с которым он отнесся к данному проекту.

Благодарю моих первых читателей: Алистера Билби, Софи Говард, Карлу Сатрен и Лайзу Гирдвуд.

С благодарностью и любовью хочу упомянуть Кэролин Мозли, Гарольда Мозли, Оливию Мозли и Нила Джонсона.

И огромное спасибо Меган Гирдвуд, без поддержки которой я бы никогда не закончила этот роман и тем более не осмелилась бы предложить его вниманию издателей.